200
1785

A. IX
1785

413.79

Ко
ЭК
П 84 г.
На дальнейшее
П 84 г.

А. С. Пругавинъ.

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ
и
О ТОЛСТОВЦАХЪ.

49 л.
40409
200
R XIX
П 85

ОЧЕРКИ,
ВОСПОМИНАНІЯ,
МАТЕРІАЛЫ.

Изданіе автора.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Моск. Обл. Библиотеки

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, с. д.
Москва.—1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О Львѣ Толстомъ.

Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—74 года 17
Левъ Толстой и самарскіе молокане 35
Секретный циркуляръ 71
Толстой и миссіонеры 81
Л. Н. Толстой въ Москвѣ 89
Письма и записочки Л. Н. Толстого 99
I. На почвѣ сектантства 104
II. Въ голодовку 1899 года. 109
III. Изъ позднѣйшихъ писемъ Л. Н. Толстого . . . 119
Замыслы бюрократіи противъ Толстого 129
Отлученіе отъ Церкви. (По официальнымъ даннымъ). . . 147

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О толстовцахъ.

Толстовство, какъ секта. (По официальнымъ даннымъ.) . 179
Роль толстовства въ духоборческомъ движеніи. (По отчетамъ г. оберъ-прокурора Св. Синода.). 201
Толстовцы. (Очеркъ). 221
I. Левъ и Сережа. 223
II. Современные Діогены. 227

Стр.

III. Мнѣніе Побѣдоносцева и миссіонеровъ 233
IV. Плоть и духъ. 237
V. Проповѣдники кротости и смиренія 244
Письма толстовца Сережи Попова 251
Письмо первое. 253
Письмо второе. 267
За Толстого 289
Первый судебный процессъ толстовцевъ 303
I. Обвинительный актъ 305
II. Приговоръ. 320

ОТЪ АВТОРА.

Долгая жизнь Л. Н. Толстого почти вся прошла въ условіяхъ старой, доконституціонной Россіи, въ обстановкѣ „приказнаго“ строя, въ тяжелой атмосферѣ того стараго, бюрократическаго режима, который только недавно былъ осужденъ свыше и полная несостоятельность котораго была громко и рѣшительно признана лишь 17 октября 1905 года.

Идеи и принципы, царившіе у насъ при старыхъ порядкахъ въ области внутренней политики, какъ извѣстно, получили особенно сильное развитіе въ теченіе послѣднихъ 30—35 лѣтъ XIX столѣтія, т.-е. въ тѣ самые годы, когда дѣятельность Толстого, какъ писателя, а затѣмъ и какъ учителя жизни проявилась съ особенной интенсивностью. Наиболѣе яркими проводниками реакціонныхъ идей и принциповъ въ то время были: съ одной стороны—графъ Д. А. Толстой, а съ другой—К. П. Побѣдоносцевъ, заправлявшіе по своему усмотрѣнію политикой въ области общественной и церковной жизни.

Поэтому не слѣдуетъ, конечно, удивляться, что на долю великаго писателя выпало немало разныхъ терній, нерѣдко очень колючихъ и жесткихъ, выпало немало разныхъ испытаній, подчасъ суровыхъ и тяжкихъ.

Скрывать это, утаивать и замалчивать теперь нѣтъ уже рѣшительно никакихъ основаній, нѣтъ никакого смысла, тѣмъ болѣе, что со смертью великаго старца его личность перешла въ область „исторіи, для которой нѣтъ и не можетъ быть никакихъ тайнъ“. Эту мысль доказывалъ еще Погодинъ лѣтъ 60 или 70 тому назадъ, а вновь доказывать ее теперь, въ наши дни, значило бы, конечно, ломиться въ открытую дверь...

Широка и многогранна была дѣятельность Льва Толстого, и глубокія, неизгладимыя борозды оставила она въ духовной жизни русскаго народа и общества.

Толстой, какъ художникъ, какъ авторъ безсмертныхъ произведеній, воплотившихъ русскую жизнь въ ея безконечномъ разнообразіи явленій, типовъ и образовъ за цѣлое столѣтіе.

Толстой, какъ психологъ, проникавшій своимъ анализомъ въ самые заповѣдные тайники человѣческой души, человѣческаго сердца и совѣсти.

Толстой, какъ страстный и неутомимый искатель истины, искатель тѣхъ путей, которые должны вывести человѣчество изъ хаоса мучительныхъ сомнѣній и страданій.

Толстой, какъ мыслитель и философъ, затрагивавшій основныя проблемы міровой жизни и дававшій отвѣты на самые важные, вѣчные, „проклятые“ вопросы человѣческаго существованія.

Толстой, какъ учитель жизни, какъ проповѣдникъ духовнаго, этическаго возрожденія людей.

Толстой, какъ педагогъ, какъ воспитатель человѣческой души.

Толстой, какъ апостолъ мира и любви, какъ гуманистъ, какъ ярый, неумолимый врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило.

Толстой, какъ проповѣдникъ всеобщаго братства всѣхъ людей, всѣхъ народовъ, какъ неустанный борецъ противъ узкаго и фальшиваго національнализма, противъ всякой международной вражды.

Толстой, какъ религіозный реформаторъ.

Толстой, какъ общественный дѣятель.

Толстой, какъ другъ народа, защитникъ всѣхъ обездоленныхъ и униженныхъ, вѣрный, неизмѣнный другъ трудового крестьянства, всегда горячо, всѣмъ сердцемъ отзывавшійся на его нужды—духовныя и матеріальныя.

Наконецъ Толстой, какъ человѣкъ, какъ личность, какъ характеръ и темпераментъ, всю жизнь стремившійся осуществить высокій моральный идеалъ, сложившійся въ его душѣ и затѣмъ провозглашенный имъ.

Мы отмѣтили здѣсь, въ этомъ краткомъ перечнѣ, лишь нѣкоторыя изъ наиболѣе вы-

пуклыхъ сторонъ дѣятельности великаго человѣка—исключительной по своей необыкновенной производительности и еще болѣе по смѣлости и широтѣ ея захвата, по ея діапазону.

Едва ли мы преувеличимъ, если скажемъ, что *ни одна* изъ всѣхъ только что перечисленныхъ нами сторонъ дѣятельности Толстого до сихъ поръ не получила еще *полнаго* выясненія, безпристрастнаго и всесторонняго освѣщенія, и что *многія* стороны еще совсѣмъ не разработаны, совсѣмъ не выяснены. Для этого, во-первыхъ, было еще слишкомъ мало времени, во-вторыхъ, этому очень мало благопріятствовали тѣ внѣшнія условія, въ какихъ находится въ настоящее время наша печать, и, наконецъ, въ-третьихъ, для этого мы не располагаемъ еще всѣми необходимыми матеріалами. Какъ извѣстно, значительная часть произведеній Толстого и по сію пору остается недоступной русскому обществу. Затѣмъ до сихъ поръ еще не издана его огромная переписка, не изданы его дневники, его записныя книжки и цѣлый рядъ очень крупныхъ произведеній, давно и вполнѣ законченныхъ.

Наконецъ необходимо пожелать, чтобы лица, близко знавшія покойнаго, а также всѣ тѣ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ нимъ на тѣхъ или иныхъ поприщахъ жизни и дѣятельности, поспѣшили съ опубликованіемъ своихъ воспоминаній о великомъ писателѣ-мыслителѣ, не смущаясь опасеніями, что эти воспо-

минанія могутъ показаться недостаточно интересными, отрывочными.

Съ тѣхъ поръ, какъ судьба въ 1881 году столкнула меня лично съ Толстымъ на почвѣ религіозныхъ исканій, я не переставалъ горячо интересоваться Львомъ Николаевичемъ, всѣмъ, что онъ переживалъ, что онъ предпринималъ въ этой области. Между прочимъ, я внимательно слѣдилъ за его сношеніями съ послѣдователями разныхъ сектъ, за отношеніемъ къ нему духовныхъ и свѣтскихъ властей, а также за распространеніемъ его религіозно-этическихъ взглядовъ въ разныхъ слояхъ общества и народа. Обо всемъ этомъ мною собрано немало разнаго рода матеріаловъ и свѣдѣній, представляющихъ, на мой взглядъ, несомнѣнный интересъ.

Другой моментъ моихъ сношеній съ Толстымъ касался его дѣятельности по оказанію помощи крестьянскому населенію, страдавшему отъ неурожаевъ и голодовокъ. Объ этомъ также имѣются у меня матеріалы, до сихъ поръ еще неиспользованные.

Не зная, когда именно обстоятельства позволятъ мнѣ обработать и опубликовать весь собранный мною матеріалъ о Толстомъ и „толстовцахъ“, я на первый разъ рѣшаюсь предложить вниманію читателей кое-что изъ того, что мною писалось о Толстомъ, а также о тѣхъ людяхъ, которые считаются у насъ послѣдователями Льва Николаевича.

При этомъ я очень просилъ бы читателя не судить меня слишкомъ строго за неполноту и отрывочный характеръ этой книжки, такъ какъ въ данномъ случаѣ авторъ ея, что называется, „безъ вины виноватъ“. Достаточно сказать, что цѣлый рядъ моихъ статей, какъ, напримѣръ: „82-ая годовщина Льва Н-ча“, „Толстой тихо скончался“, „Преслѣдованія толстовцевъ“ и т. д. не могли войти въ эту книгу, несмотря на то, что всѣ эти статьи въ самое послѣднее время были напечатаны въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

По тѣмъ же опасеніямъ цензурнаго характера мы не рѣшились затрагивать такія щекотливыя темы, какъ отношеніе церкви къ Толстому, хотя эти темы и находятся въ тѣснѣйшей связи съ содержаніемъ этой книги. Но, не считая возможнымъ обойти молчаніемъ этого вопроса, мы приводимъ здѣсь на первый разъ рядъ документовъ офиціальнаго характера, опубликованныхъ въ свое время по этому поводу и сгруппированныхъ нами въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ: „Отлученіе отъ церкви“, „Толстовство, какъ секта“ и „Роль толстовства въ духоборческомъ движеніи“. Приводя эти документы цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, мы со своей стороны рѣшительно воздерживаемся отъ какихъ бы то ни было комментаріевъ, отлагая ихъ до болѣе благопріятнаго времени.

Всѣ остальныя статьи, вошедшія въ эту книгу, точно такъ же были ранѣе напечатаны

въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, главнымъ образомъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а именно:

Статья „Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—1874 года“ была напечатана въ журналѣ „Образованіе“, редакціи А. Я. Острогорскаго.

Статьи: „Левъ Толстой и самарскіе молокане“, „Толстой въ Москвѣ“ и „Толстовцы“—въ газетѣ „Рѣчь“ за 1909 и 1910 года.

Статьи: „Секретный циркуляръ“ и „За Толстого“ — въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ за тѣ же годы.

„Письма и записочки Л. Н. Толстого“—въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ за 1911 годъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что величавая фигура Льва Толстого, его обаятельный духовный обликъ будутъ привлекать къ себѣ вниманіе и сердца людей въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а потому на всѣхъ насъ, его современникахъ, лежитъ прямой и священный долгъ сохранить въ памяти потомства по возможности все то, что только можетъ служить къ уясненію тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни и дѣятельности великаго писателя-мыслителя, его взглядовъ, его міропониманія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ЛЬВѢ ТОЛСТОМЪ.

Изъ воспоминаній о Толстомъ.

Кто зналъ его, забыть не можетъ,
Тоска по немъ язвитъ и гложетъ!
И часто мысль туда летитъ,
Гдѣ гордый мученикъ зарытъ...

На мою долю выпало большое, огромное счастіе лично знать Толстого, встрѣчаться съ нимъ при разныхъ условіяхъ—нерѣдко весьма необычныхъ,—вести бесѣды, не разъ сноситься съ нимъ письменно по поводу тѣхъ или иныхъ явленій и событій народно-общественной жизни въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ.

Эти сношенія, встрѣчи, бесѣды навсегда, конечно, на всю жизнь останутся лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ свѣтлымъ моимъ воспоминаніемъ. А его письма и записочки ко мнѣ навсегда будутъ храниться мной, какъ самыя священныя реликвіи.

Когда-нибудь я подробно разскажу обо всемъ этомъ. На этотъ разъ мнѣ хотѣлось бы сообщить лишь о нѣкоторыхъ — очень немногихъ — моментахъ моего перваго знакомства, моихъ первыхъ встрѣчъ съ великимъ писателемъ и мыслителемъ, — постольку, поскольку они могутъ имѣть общій интересъ и значеніе.

Л. Н. Толстой въ голодовку 1873—74 года.

40409

[illegible]

Будущему біографу графа Л. Н. Толстого при описаніи жизни геніальнаго писателя предстоитъ трудъ не только обрисовать его колоссальное значеніе въ области художественнаго воспроизведенія цѣлыхъ эпохъ русской жизни и созданія литературныхъ типовъ, жизненное значеніе которыхъ далеко еще не оцѣнено надлежащимъ образомъ современной критикой, не только обрисовать его роль, какъ учителя жизни, какъ провозвѣстника религіозно-этическаго обновленія человѣчества,—но также выяснить огромныя заслуги Толстого передъ русскимъ народомъ въ другихъ областяхъ жизни, для чего придется освѣтить его многолѣтнюю педагогическую дѣятельность въ деревнѣ, его работы по составленію, изданію и распространенію народныхъ книгъ, его горячее участіе въ борьбѣ съ голодовками, поражавшими разныя мѣстности Россіи, и т. д.

Въ теченіе своей долгой жизни „великому писателю земли русской“ удалось такъ много сдѣлать въ указанныхъ нами сферахъ общественной дѣятельности, такъ часто принимать непосредственное участіе въ борьбѣ съ разными

народными бѣдствіями, что весьма естественно, если нѣкоторые факты и даже цѣлые эпизоды этой дѣятельности ускользнули изъ памяти современнаго общества. Такая судьба постигла, напримѣръ, эпизодъ, относящійся къ началу семидесятыхъ годовъ и касающійся участія Л. Н. Толстого въ борьбѣ съ голодомъ 1873—1874 года. И хотя это участіе выразилось въ весьма активной формѣ и много способствовало облегченію тяжелаго положенія, въ какомъ очутилось тогда крестьянское населеніе Самарской губерніи, тѣмъ не менѣе,—какъ мы имѣли случай лично убѣдиться,—даже тамъ, на мѣстѣ, въ Самарѣ очень немногіе помнятъ объ этомъ эпизодѣ... Ужъ такая короткая память у насъ, на Руси!..

Пишущему эти строки за время своей жизни въ Самарѣ пришлось познакомиться съ одной весьма интересной рукописью, хранящейся въ архивѣ Самарской губернской земской управы съ такимъ заглавіемъ: „Исторія Самарскаго голода 1872—1874 годовъ. Записка, составленная дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Анучинымъ, по порученію самарскаго губернскаго собранія“.

„Записка“ эта представляетъ собой огромный фоліантъ, — около 1.000 страницъ,— и заключаетъ въ себѣ подробное и обстоятельное описаніе голодовки, поразившей населеніе Самарской губерніи въ началѣ 70-хъ годовъ. Авторъ записки, Е. Н. Анучинъ, занимавшій въ то

время должность управляющаго самарской казенной палатой и секретаря статистическаго комитета, извѣстенъ за человѣка весьма интеллигентнаго, съ солидной научной подготовкой и прекрасно знакомаго съ условіями экономической жизни Самарскаго края.

Предполагая какъ-нибудь со временемъ подробнѣе поговорить о выводахъ записки г. Анучина, на этотъ разъ мы хотимъ познакомить читателей лишь съ тѣми страницами рукописи, которыя сообщаютъ объ отношеніи къ голодовкѣ начала 70-хъ годовъ нашего великаго писателя графа Л. Н. Толстого, горячо откликнувшагося на страшное бѣдствіе, поразившее въ то время населеніе Самарской губерніи.

Русское общество хорошо помнитъ то живое и активное участіе, которое проявилъ знаменитый писатель въ борьбѣ съ голодовкой 1891—1892 годовъ. Многіе также, навѣрное, помнятъ то, что было сдѣлано Толстымъ въ послѣднія голодовки 1897—1899 годовъ. Но въ обществѣ почти совсѣмъ неизвѣстна та роль, которую пришлось сыграть графу Л. Н. Толстому во время голодовки 1872—1873 года. Въ виду этого, мы полагаемъ, будетъ небезынтересно привести здѣсь извлеченія изъ рукописи, рисующія отношеніе Льва Николаевича къ самарскому голоду начала 70-хъ годовъ, тѣмъ болѣе, что эпизодъ этотъ относится еще къ тому періоду жизни великаго писателя, кото-

рый можно назвать періодомъ „Анны Карениной“ и который многими почему-то рѣзко противопоставляется позднѣйшему періоду дѣятельности Толстого, какъ извѣстно, отмѣченному глубокимъ сочувствіемъ къ народнымъ нуждамъ и интересамъ.

Голодовка 1872—1873 года представляла крупныя особенности сравнительно съ другими подобнаго рода бѣдствіями, такъ какъ это была едва ли не первая значительная голодовка со времени введенія земскихъ учрежденій въ Россіи. Благодаря этому обстоятельству, она не могла пройти такъ безслѣдно, подъ шумокъ, какъ обыкновенно проходили подобныя голодовки ранѣе, когда продовольственное дѣло находилось всецѣло въ рукахъ чиновниковъ и разныхъ „приказовъ“ чисто бюрократическаго характера и когда печать почти не имѣла возможности касаться такого рода явленій.

„Пресса,—говоритъ авторъ записки Е. Н. Анучинъ,—сослужила въ самарскомъ голодѣ (1872 года) великую службу, разомъ заставивъ всѣхъ встрепенуться и вызвавъ массу пожертвованій“. И главная заслуга въ этомъ принадлежитъ по всѣмъ правамъ Л. Н. Толстому, который первый обратилъ вниманіе общества на то печальное положеніе, до котораго дошло тогда крестьянское населеніе Самарской губерніи подъ вліяніемъ трехлѣтнихъ неурожаевъ.

Корреспонденція Толстого была напечатана въ № 207 „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1873

годъ, отъ 15 августа. Значеніе этой корреспонденціи и впечатлѣніе, произведенное ею на общество, авторъ записки описываетъ слѣдующимъ образомъ: „До корреспонденціи графа Л. Н. Толстого никому и ничего внѣ Самарской губерніи не было извѣстно, что въ ней происходитъ. Даже есть основаніе предполагать и больше, что и въ самой-то Самарской губерніи многіе ничего не знали, или не хотѣли знать, что въ ней дѣлается и что ожидаетъ ея населеніе. Корреспонденція графа Толстого была громомъ, заставившимъ всѣхъ перекреститься“.

Вслѣдъ за этимъ авторъ записки приводитъ извлеченіе изъ корреспонденціи Льва Николаевича. „Проживъ часть нынѣшняго лѣта въ деревенской глуши Самарской губерніи, — писалъ Толстой, — и будучи свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго народъ, вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ, въ особенности нынѣшняго, я считаю своимъ долгомъ описать, насколько сумѣю, правдиво бѣдственное положеніе сельскаго населенія здѣшняго края и вызвать всѣхъ русскихъ къ поданію помощи пострадавшему народу“.

Обращаясь къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“, Толстой писалъ: „Надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ. О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете

помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ". На этотъ разъ Левъ Николаевичъ не ошибся въ своей надеждѣ на редактора „Московскихъ Вѣдомостей": послѣдній не только напечаталъ его корреспонденцію, но и открылъ при газетѣ подписку въ пользу голодающихъ крестьянъ Самарской губерніи. Очевидно, тогдашній редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" относился нѣсколько иначе къ бѣдствіямъ, поражающимъ народъ, чѣмъ теперешніе заправилы этой газеты, которые всякое сочувствіе, всякую дѣятельность частныхъ лицъ по оказанію помощи голодающему населенію считаютъ ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ явной политической неблагонадежности... Но возвратимся къ извлеченіямъ изъ корреспонденціи Толстого.

„1871 годъ,—писалъ Левъ Николаевичъ,—былъ въ Самарской губерніи неурожайный. Богатые крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, уменьшили посѣвы, стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне также уменьшили посѣвы, стали только не нуждающимися. Прежде ненуждавшіеся крестьяне стали нуждаться и продали часть скотины. Нуждавшіеся прежде крестьяне вошли въ долги и явились нищіе, которыхъ прежде не было.

„Второй неурожайный годъ, 1872, заставилъ достаточныхъ крестьянъ еще уменьшить посѣвъ и продать скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Ненуждавшіеся ранѣе крестьяне стали продавать уже необхо-

димую скотину и вошли въ долги. Прежде нуждавшіеся крестьяне стали бобылями и кормились только заработками и пособіемъ, которое имъ было выдаваемо. Число нищихъ увеличилось.

„Нынѣшній, уже не просто неурожайный, но голодный годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода почти девять десятыхъ всего населенія.

„Заработки (самарскихъ) крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ: пахотѣ, бороньбѣ, покосахъ, жнитвѣ, молотьбѣ и извозѣ.

„Въ нынѣшній годъ, вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая, посѣвы уменьшились и, уменьшаясь, дошли до половины прежнихъ, и на этой половинѣ ничего не родилось, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ и заработковъ почти нѣтъ, а за тѣ, какіе есть, ему платятъ одну десятую прежней цѣны, напримѣръ, за жнитво, котораго средняя цѣна была 10 руб. за десятину, нынѣшній годъ платили 1 рубль 20 коп., такъ что крестьянинъ вырабатывалъ въ день отъ 7 до 10 коп.

„Вотъ почему въ этотъ третій неурожайный годъ бѣдствіе народа должно дойти до крайней степени.

„Бѣдствіе это уже началось, и безъ ужаса нельзя видѣть народъ даже въ настоящее время, лѣтомъ, когда только начинается самый бѣд-

ственный годъ и впереди еще 12 мѣсяцевъ до новаго урожая и когда еще есть кое-гдѣ заработки, хотя на время спасающіе отъ голода.

„Проѣхавъ по деревнямъ отъ себя до Бузулука 70 верстъ, и въ другую сторону отъ себя [1]) до Борскаго 70 верстъ и еще до Богдановки 70 верстъ и заѣзжая по деревнямъ, я, всегда жившій въ деревнѣ и знающій близко условія сельской жизни, былъ приведенъ въ ужасъ тѣмъ, что я видѣлъ: поля голыя тамъ, гдѣ сѣяны пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, такъ что нельзя узнать, что́ посѣяно, и это въ половинѣ іюля. Тамъ, гдѣ рожь, поле убрано или убираютъ пустую солому, которая не возвращаетъ сѣмянъ; гдѣ покосы, тамъ стоятъ рѣдкіе стога, давно убранные, такъ какъ сѣна было въ десять разъ меньше противъ обычныхъ урожаевъ, и желтыя высохшія мѣста. Такой видъ имѣли поля. По дорогамъ вездѣ народъ, который ѣдетъ или въ Уфимскую губернію на новыя мѣста, или отыскиваетъ работу, которой или вовсе нѣтъ, или плата за которую такъ мала, что работникъ не успѣваетъ вырабатывать на то, что у него съѣдаютъ дома.

„По деревнямъ, во дворахъ, куда я заѣзжалъ, вездѣ одно и то же: не совершенный

---

[1]) Въ то время у Толстого было имѣніе въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, въ 10 верстахъ отъ села Патровки. Въ этомъ имѣніи Л. Н. ежегодно проводилъ часть лѣта.

голодъ, но положеніе близкое къ нему, всѣ признаки приближающагося голода. Крестьянъ нигдѣ нѣтъ, всѣ уѣхали искать работы, дома худыя бабы съ худыми и больными дѣтьми и старики. Хлѣбъ еще есть, но въ обрѣзъ; собаки, кошки, телята, куры худые и голодные, и нищіе, не переставая, подходятъ къ окнамъ, и имъ подаютъ крошечными ломтиками или отказываютъ".

Приведя это извлеченіе изъ корреспонденціи знаменитаго писателя, авторъ „записки", г. Анучинъ, замѣчаетъ, что, не ограничиваясь этимъ печально-живымъ описаніемъ, графъ Толстой присоединилъ къ нему сдѣланную имъ самимъ и засвидѣтельствованную подписями старшинъ и священниковъ опись каждаго десятаго двора въ селѣ Гавриловкѣ (южной части Бузулукскаго уѣзда). Въ этой описи противъ каждаго изъ 23 дворовъ показано число ѣдоковъ, работниковъ, дѣтей, лошадей, коровъ, овецъ, число посѣянныхъ десятинъ, количество собраннаго хлѣба или предполагаемаго сбора и количество долговъ.

„Для каждаго, — писалъ Л. Н. Толстой, — кто потрудится вникнуть въ эту вполнѣ точную опись крестьянскихъ семей и ихъ средствъ, должно быть ясно, что большая половина этихъ семей никакъ не можетъ нынѣшній 1874 годъ прокормиться своими средствами; другая же половина, хотя, какъ кажется, и можетъ прокормиться, отдавъ своихъ крестьянъ

въ работники, въ сущности, находится въ точно такомъ же положеніи, какъ и первая половина, такъ какъ девять десятыхъ всѣхъ деревень должны итти въ работники, а хозяева, по неурожаю, отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ прежде держали".

Свою замѣчательную корреспонденцію Л. Н. Толстой заканчиваетъ слѣдующими словами: „Страшно подумать о томъ бѣдствіи, которое ожидаетъ населеніе большей части Самарской губерніи, если не будетъ подана ему государственная или общественная помощь. Подписка, по моему мнѣнію, можетъ быть открыта двоякая: 1) подписка на пожертвованія и 2) подписка на выдачу денегъ для продовольствія заимообразно безъ процентовъ на два года. Подписка второго рода, т.-е. выдача денегъ заимообразно, я полагаю, можетъ скорѣе составить сумму, которая обезпечитъ пострадавшее населеніе Самарской губерніи, и, вѣроятно, земство Самарской губерніи возьметъ на себя трудъ раздачи хлѣба, купленнаго на эти деньги, и сбора долга въ первый урожайный годъ" [1]).

---

[1]) Вообще нельзя не выразить удивленія по поводу того, что корреспонденція Л. Н. Толстого, о которой идетъ рѣчь въ настоящей статьѣ, до сихъ поръ не вошла, сколько намъ извѣстно, ни въ одно изъ изданій его произведеній. Не говоря уже о томъ, что для русскаго общества имѣетъ свое значеніе каждая замѣтка, вышедшая изъ-подъ пера великаго писателя,—въ данномъ же случаѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ однимъ изъ его писемъ, представляющимъ значительный интересъ не только біографическаго, но и общественнаго характера.

Яркая картина положенія самарскаго населенія, нарисованная рукою геніальнаго художника, „обратившагося на этотъ разъ въ статистика“, произвела сильное и глубокое впечатлѣніе на русское общество. Возникла мысль возможно скорѣе прійти на помощь голодающимъ.

Особенно горячо отнеслись къ этому дѣлу русскія интеллигентныя женщины. Такъ называемые „дамскіе комитеты“ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ съ необыкновенной ревностью принялись за сборъ пожертвованій. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, Казани, Ригѣ и друг., образовались временные комитеты съ спеціальной цѣлью сбора пожертвованій для Самарской губерніи. Особенно много сдѣлалъ петербургскій временный комитетъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ извѣстной общественной дѣятельницы того времени, Ан. Павл. Философовой.

18 сентября въ Самарскую губернскую земскую управу поступило первое пожертвованіе въ 2.300 руб. отъ московской университетской типографіи, находившейся въ то время, какъ извѣстно, въ арендномъ содержаніи редактора „Московскихъ Вѣдомостей“. Затѣмъ пожертвованія полились со всѣхъ сторонъ, возрастая съ каждымъ мѣсяцемъ.

Такъ, въ сентябрѣ было получено 4.980 р., въ октябрѣ—7.505 р., въ ноябрѣ—94.949 р.,

въ декабрѣ—384.430 руб. Съ января мѣсяца 1874 года сумма ежемѣсячныхъ пожертвованій начинаетъ постепенно и мало-по-малу убывать, а именно: въ январѣ было получено 236.956 рублей, въ февралѣ—116.705 руб., мартѣ—70.273 руб., апрѣлѣ — 46.004 руб., маѣ — 33.814 руб., іюнѣ — 24.374 руб., іюлѣ — 18.480 руб. и въ августѣ мѣсяцѣ—3.612 руб.

Пожертвованія продолжали поступать и послѣ, до 1876 года. Всего такимъ образомъ поступило въ губернскую земскую управу свыше 1 милліона рублей. Первое мѣсто въ этихъ пожертвованіяхъ принадлежитъ земствамъ другихъ губерній, приславшимъ 260.378 руб. [1]), затѣмъ городскимъ обществамъ, пожертвовавшимъ 120.300 руб. [2]), затѣмъ отъ 8 частныхъ лицъ, жертвовавшихъ не менѣе 1.000 руб., получено 18.106 руб., отъ жителей Финляндіи—13.479 руб., отъ русскихъ, живущихъ въ Ниццѣ,— 5.871 руб., отъ трехъ кредитныхъ учрежденій—13.295 руб., отъ двухъ клубовъ—2.000 руб., отъ менонитовъ Таврической губерніи—2.233 руб. и т. д.

Но, кромѣ губернской земской управы, пожертвованія направлялись и въ другія учре-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Курское губернское земство ассигновало въ пользу голодающихъ самарцевъ 50 тысячъ рублей, Московское, Симбирское, Воронежское и Тульское по 25.000 рублей каждое, Тамбовское—15.000 руб., Пермское—13.000 руб. и т. д.

[2]) Изъ нихъ Московское и С.-Петербургское городскія общества пожертвовали по 50.000 руб. каждое.

жденія, а также на имя разныхъ должностныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ Самарѣ; такъ, напримѣръ, самарскому губернатору было прислано 137.631 руб., губернскому предводителю дворянства — 14.410 руб., епархіальному начальству—102.556 руб., Григорію Сергѣевичу Аксакову — 58.786 руб., А. Ф. Духинову — 15.105 руб., дамамъ самарскаго купеческаго общества—7.812 руб. и т. д. Затѣмъ Самарскій Дамскій Комитетъ получилъ отъ центральнаго управленія Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, мѣстныхъ учрежденій этого общества, а также отъ разныхъ другихъ обществъ, учрежденій и частныхъ лицъ 497.985 рублей.

Всего же частныхъ пожертвованій въ пользу населенія Самарской губерніи въ голодовку 1873—1874 года было получено до 1.867.000 рублей деньгами и хлѣбомъ до 21 тыс. пуд. Приведя эти цифры, авторъ записки г. Анучинъ справедливо замѣчаетъ, что „едва ли у насъ, въ Россіи, это не первый примѣръ развитія частной благотворительности при подобномъ бѣдствіи до такихъ широкихъ размѣровъ“.

Такимъ образомъ изъ работы г. Анучина мы узнаемъ, что Л. Н. Толстому пришлось сыграть въ высшей степени важную роль въ голодовку 1873 — 1874 года. Стоя всегда очень близко къ народной массѣ, легко сходясь съ народомъ, онъ не могъ не замѣ-

тить тяжелаго, критическаго положенія крестьянъ той округи, въ которой ему пришлось побывать лѣтомъ 1873 года (Патровская волость, Бузулукскаго уѣзда). И вотъ онъ предпринимаетъ рядъ поѣздокъ по степнымъ деревнямъ и селамъ, съ цѣлью лично ознакомиться съ размѣрами и степенью нужды. Убѣдившись, что народное бѣдствіе приняло слишкомъ широкіе размѣры, что крестьянскому хозяйству грозитъ почти полный крахъ, онъ рѣшаетъ съ помощью печати обратить вниманіе общества на бѣдственное, безысходное положеніе крестьянскаго населенія Самарской губерніи и призвать русскую интеллигенцію на посильную помощь народу.

Зная, съ какимъ недовѣріемъ встрѣчаются у насъ въ извѣстной части общества сообщенія о голодѣ, грозящемъ населенію, Толстой, желая убѣдить читающую публику въ полной точности своего сообщенія, обращается въ статистика и производитъ самыя подробныя, самыя детальныя описи крестьянскихъ дворовъ, выясняетъ рессурсы отдѣльныхъ семей, ихъ наличные средства и запасы, размѣръ ихъ посѣвовъ, количество собраннаго ими хлѣба, размѣры платежей, ихъ задолженность и т. д.

Поразительная наблюдательность, которой всегда отличался талантъ Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ, его способность схватить своимъ перомъ наиболѣе существенныя, хотя нерѣдко скрытыя и за-

маскированныя черты и особенности того или другого жизненнаго явленія—ярко сказались и въ его корреспонденціи, посвященной описанію экономическаго положенія самарскихъ крестьянъ. Благодаря этому въ сравнительно небольшой корреспонденціи передъ нами наглядно рисуется положеніе разныхъ слоевъ крестьянскаго селенія, картинно и отчетливо изображается вліяніе, которое оказали трехлѣтніе неурожаи на хозяйство каждаго изъ этихъ слоевъ.

Здѣсь, кстати, будетъ отмѣтить весьма существенное указаніе, сдѣланное Л. Н. Толстымъ въ его корреспонденціи относительно существованія въ народѣ разныхъ слоевъ населенія, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ экономическаго благосостоянія. Такимъ образомъ уже въ то время Толстой подмѣтилъ то явленіе народной жизни, которое на современномъ жаргонѣ называется теперь „разслоеніемъ деревни“. Какъ извѣстно, вопросъ о разслоеніи деревни сравнительно новый у насъ вопросъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненный, въ началѣ же семидесятыхъ годовъ этотъ вопросъ и не возбуждался въ печати, о немъ не было и рѣчи. Однако отъ художественной наблюдательности Льва Толстого уже въ то время не ускользнулъ только что начинавшійся тогда процессъ экономической дифференціаціи деревни.

Мы уже видѣли, какое огромное впечатлѣніе произвела корреспонденція Л. Н. Толстого на

русское общество, только что передъ тѣмъ прочитавшее съ страстной жадностью, что называется взасосъ, его романъ „Анна Каренина“. Мы видѣли, съ какой готовностью отозвалось это общество на призывъ любимаго писателя и какъ охотно подѣлилось оно своими достатками съ неимущими, съ голодающими крестьянами Самарской губерніи. Но всѣмъ этимъ не ограничивается дѣятельность Толстого на пользу населенія, пострадавшаго отъ неурожая, такъ какъ во время своего пребыванія въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ 1873 году Левъ Николаевичъ принималъ личное, непосредственное участіе въ оказаніи помощи голодающимъ.

Когда въ 1881 году намъ пришлось посѣтить Бузулукскій уѣздъ, то отъ крестьянъ Патровской волости мы слышали много разсказовъ о сердечной заботливости, которую проявлялъ Толстой, живя среди нихъ во время голодовки 1873 года, какъ онъ лично обходилъ наиболѣе нуждающіеся крестьянскіе дворы, съ какимъ вниманіемъ входилъ онъ въ ихъ интересы и нужды, какъ онъ помогалъ бѣднякамъ, снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами, какъ онъ давалъ средства на покупку лошадей и т. д. Воспоминаніе объ этой дѣятельности знаменитаго писателя и до сихъ поръ еще сохраняется въ средѣ крестьянскаго населенія Патровки, Гавриловки, Землянокъ и другихъ селъ того района.

Левъ Толстой
и самарскіе молокане.

I.

Первая моя встрѣча съ Толстымъ произошла лѣтомъ 1881 года и состоялась при условіяхъ довольно исключительныхъ. Достаточно сказать, что мнѣ пришлось встрѣтиться со Львомъ Николаевичемъ въ глуши самарскихъ степей, въ селѣ Патровкѣ, Бузулукскаго уѣзда, почти на самой границѣ Уральской области, на сонраніи послѣдователей секты молоканъ или, какъ они себя называютъ, „духовныхъ христіанъ“.

Въ объясненіе этого позвольте сказать нѣсколько словъ pro domo sua. Передъ этой встрѣчей я около мѣсяца прожилъ въ городѣ Самарѣ, при чемъ мнѣ удалось познакомиться и сойтись съ тамошними молоканами. Особенно же близко я сошелся съ Акимомъ Ѳедоровичемъ Свѣтовымъ, стоявшимъ въ то время во главѣ поволжскаго молоканства и пользовавшагося большимъ авторитетомъ среди послѣдователей этой секты. Послѣднему немало содѣйствовало самое происхожденіе Свѣтова: онъ былъ потомокъ знаменитаго Уклейна, который считается основателемъ молоканства.

Такъ какъ я желалъ возможно ближе ознакомиться съ жизнью молоканъ, не только городскихъ, но и живущихъ въ селахъ и деревняхъ, то Свѣтовъ и его друзья направили меня въ Патровку — огромное село, населеніе котораго наполовину, если не больше, состоитъ изъ молоканъ.

Благодаря рекомендаціямъ, которыми снабдили меня Свѣтовъ и его единовѣрцы, патровскіе молокане встрѣтили меня съ полнымъ довѣріемъ и все время относились ко мнѣ самымъ лучшимъ образомъ. Въ Патровкѣ я поселился въ домѣ молоканина Ивана Дмитріевича Кудрина; въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщалась общественная моленная молоканъ, въ которой происходили ихъ собранія.

Въ 10 верстахъ отъ Патровки находилось въ то время имѣніе Льва Николаевича, гдѣ былъ хуторъ, въ которомъ жилъ управляющій имѣніемъ Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ, послѣдователь религіозно - соціальнаго ученія „богочеловѣковъ“, возникшаго въ половинѣ 70-хъ годовъ.

Во время моего пребыванія въ Патровкѣ на хуторъ пріѣхалъ изъ Ясной Поляны Левъ Николаевичъ,—если память не измѣняетъ мнѣ,—вмѣстѣ со старшимъ сыномъ своимъ Сергѣемъ Львовичемъ, который въ то время готовился къ поступленію въ московскій университетъ. Учитель его, кандидатъ Петербургскаго университета, Василій Ивановичъ Алексѣевъ, также

жилъ въ это время на хуторѣ Толстого, вмѣстѣ со своей семьей.

Алексѣевъ пользовался большимъ расположеніемъ Льва Николаевича, который считалъ его своимъ другомъ. До поступленія къ Толстому онъ такъ же, какъ и Бибиковъ, пережилъ увлеченіе „богочеловѣчествомъ“. Вообще для меня не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что такъ называемые „богочеловѣки“ оказали извѣстное вліяніе на Льва Николаевича въ періодъ его религіозныхъ исканій. Кромѣ Алексѣева и Бибикова, Толстой былъ хорошо знакомъ и съ основателемъ этого ученія А. К. Маликовымъ. Впрочемъ, объ этомъ я буду имѣть случай подробно говорить въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Пріѣздъ Толстого на хуторъ вызвалъ много толковъ и разговоровъ среди патровскихъ жителей. Необходимо замѣтить, что Левъ Николаевичъ со времени извѣстнаго самарскаго голода 1873—1874 года, когда онъ такъ много сдѣлалъ для самарскаго крестьянства, пользовался огромной популярностью среди населенія Патровской и сосѣднихъ съ нею волостей.

Помню, какъ-то въ послѣобѣденное время ко мнѣ заходитъ хозяинъ дома, гдѣ я жилъ, Иванъ Дмитріевичъ, и не безъ торжественности объявляетъ:

— Завтра къ намъ въ Патровку Левъ Николаевичъ собирается!

— Какъ? Зачѣмъ?—удивился я.

— Хочетъ посѣтить наше собраніе. Сегодня наши были на графскомъ хуторѣ, и тамъ имъ говорили, что, молъ, завтра, въ воскресенье, Левъ Николаевичъ безпремѣнно будетъ въ Патровку, къ молоканамъ на собраніе.

— А у васъ большое собраніе предполагается завтра?—спросилъ я.

— Нужно - оповѣстить, — говорилъ Иванъ Дмитріевичъ тономъ, въ которомъ слышались волненіе и озабоченность. — Сегодня вечеромъ соберутся сюда старики, — надо будетъ объявить имъ...

Вечеромъ въ моленную начали сходиться „старики“, въ числѣ которыхъ, однако, были и совсѣмъ молодые люди. Я, вмѣстѣ съ Ивановъ Дмитріевичемъ, сидѣлъ въ первой отъ входа комнатѣ, рядомъ съ тѣмъ заломъ, который служилъ молоканской моленной. Всѣ, входившіе въ эту комнату, привѣтствовали насъ словами:

— Миръ дому вашему!

На это мы отвѣчали: „Миръ приходу вашему!“

Затѣмъ всѣ проходили въ молельную, гдѣ въ переднемъ углу стоялъ большой столъ, накрытый бѣлой скатертью; на немъ лежали Библія и псалтирь.

Начиналось чтеніе священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Затѣмъ одинъ изъ начетчиковъ, Василій Константиновичъ, толковалъ и разъяснялъ прочитанное. Потомъ происходило пѣніе псалмовъ и, наконецъ, общая

молитва, съ колѣнопреклоненіемъ и въ заключеніе земной поклонъ.

Послѣднее, т.-е. земной поклонъ и колѣнопреклоненіе, меня немало удивило, такъ какъ до тѣхъ поръ я былъ увѣренъ въ томъ, что молокане совершенно отрицаютъ всѣ внѣшнія формы моленія.

Кто-то изъ „стариковъ“ объявляетъ присутствующимъ, что завтра утромъ будетъ собраніе, и потому проситъ сообщить объ этомъ всѣмъ „единомысленнымъ“.

Я спрашиваю: когда же именно будетъ собраніе? Во сколько часовъ?

— Въ шесть часовъ утра,— говоритъ Василій Константиновичъ.

— Какъ солнце надъ дубомъ будетъ,— поясняютъ „старики“, указывая на окно.

II.

На другой день я еще спалъ, когда ко мнѣ вошелъ Иванъ Дмитріевичъ со словами:

— Никакъ старики идутъ!

Я быстро встаю, открываю окно. Чудное утро. Въ воздухѣ не чувствуется ни жары ни зноя. Утреннее солнце яркими, но мягкими и нѣжными лучами заливаетъ широкую зеленѣющую улицу села, ряды крестьянскихъ хатъ, за которыми съ одной стороны виднѣется убѣгающая вдаль степь, ровная, какъ скатерть.

Вдоль улицы народъ густыми рядами движется по направленію къ нашему дому. Мужики, бабы въ нарядныхъ платьяхъ, но безъ всякихъ украшеній. Это молокане—мѣстные и пріѣхавшіе съ ближайшихъ хуторовъ.

Толпа быстро, но въ то же время очень чинно наполняетъ залъ. Женщины держатся всѣ вмѣстѣ, отдѣльно отъ мужчинъ, хотя по ученію молоканъ „во Христѣ жена равна мужу“.

Начинается пѣніе хоромъ псалмовъ. Народъ постепенно прибываетъ все болѣе и болѣе. Вскорѣ залъ оказался переполненнымъ. Пѣніе смѣняется чтеніемъ Евангелія, затѣмъ слѣдуетъ толкованіе прочитаннаго однимъ изъ начетчиковъ или „наставниковъ“. Потомъ опять пѣніе и, наконецъ, общая молитва. На это уходитъ много времени.

Вотъ запѣли изъ книги Паралипоменъ. Мотивъ — однообразный, тягучій — „протяжный“, какъ говорятъ молокане. Мотивъ старинныхъ народныхъ поволжскихъ пѣсенъ.

Было уже около двѣнадцати часовъ дня, когда вдругъ кто-то изъ стоявшихъ у раскрытаго окна громко сказалъ:

— Левъ Николаевичъ ѣдетъ!

Хозяинъ дома, Иванъ Дмитріевичъ, поспѣшилъ на крыльцо, навстрѣчу рѣдкому гостю.

Минуты черезъ двѣ Левъ Николаевичъ быстро вошелъ въ залъ, наполненный народомъ. На немъ была парусинная, свѣже-выгла-

женная блуза, подпоясанная широкимъ ремнемъ, въ рукахъ бѣлая лѣтняя фуражка.

Народъ разступился, и Толстой, пытливо окинувъ глазами собраніе, направился въ передній уголъ. Проходя мимо меня, онъ на минуту остановился и спросилъ:

— Вы—Пругавинъ?

На мой утвердительный отвѣтъ онъ протянулъ руку и сказалъ: „У меня въ карманѣ номеръ „Голоса“ съ вашей статьей [1])... Очень радъ познакомиться“...

И затѣмъ, тотчасъ же, быстрой, легкой походкой свѣтскаго человѣка прошелъ впередъ, въ глубь моленной, гдѣ стоялъ столъ съ Библіей. Вмѣстѣ съ Толстымъ пріѣхалъ и В. И. Алексѣевъ.

Моленье вскорѣ окончилось. Народъ началъ выходить изъ моленной, и вскорѣ залъ опустѣлъ. Остались только молоканскіе „наставники“, которые размѣстились вокругъ большого стола, стоявшаго въ переднемъ углу. Вслѣдъ за другими я также хотѣлъ выйти на улицу, но Иванъ Дмитріевичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Старики васъ за столъ просятъ.

То же самое, вѣроятно, онъ сказалъ и Льву Николаевичу, который тотчасъ же подсѣлъ къ столу и завязалъ оживленный разговоръ со стариками.

---

[1]) Въ это время—въ іюнѣ и іюлѣ 1881 года—въ „Голосѣ“ печатались мои статьи: „Современныя движенія въ сектантствѣ“.

Появился самоваръ необычайно внушительныхъ размѣровъ и принадлежности чаепитія. Бесѣда о вѣрѣ, объ ученіи „духовныхъ христіанъ“ еще болѣе оживилась. Толстой принималъ въ этой бесѣдѣ самое живѣйшее, дѣятельное участіе и предлагалъ множество вопросовъ, видимо, стараясь уяснить себѣ религіозныя воззрѣнія молоканъ и ихъ отношеніе къ разнымъ явленіямъ жизни.

Изъ молоканскихъ начетчиковъ особенно выдѣлялся знаніемъ Библіи и умѣніемъ обосновать ученіе молоканъ крестьянинъ села Патровки, Василій Константиновичъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ корявымъ лицомъ и скудной растительностью. Онъ былъ остороженъ и сдержанъ въ выраженіяхъ даже во время спора, но въ его глазахъ свѣтились огоньки, свидѣтельствовавшіе о неустанной работѣ мысли.

Рядомъ съ Василіемъ Константиновичемъ стоялъ другой молоканскій начетникъ, Леонтій Степановичъ, молодой, благообразный парень, съ открытымъ, пріятнымъ лицомъ и ясными глазами. Начитанный, рѣчистый и смѣлый въ своихъ выводахъ, онъ особенно любилъ подвергать рѣзкой критикѣ обряды православной церкви, а также поведеніе и образъ жизни православнаго духовенства. Левъ Николаевичъ съ видимымъ любопытствомъ прислушивался къ его рѣчамъ, хотя рѣзкія выступленія его и нѣкоторыхъ другихъ молоканъ противъ обрядовъ

и духовенства явно не встрѣчали въ немъ сочувствія.

Припоминаю, напримѣръ, такой случай. Одинъ изъ молоканъ, желая иллюстрировать свою мысль, привелъ слѣдующій разсказъ. Привожу этотъ разсказъ почти дословно, такъ какъ тогда же записалъ его.

„Сидѣлъ въ тюрьмѣ молоканъ за вѣру. Тутъ же сидѣли монахъ и дьяконъ,—неизвѣстно за какія дѣла. Началъ монахъ Богу молиться. Всталъ этакъ лицомъ къ образу и началъ: „Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй“... и пошелъ и пошелъ. Пріостановится этакъ чуточку, — передохнетъ малость — да опять какъ заладитъ: „Господи, помилуй, Господи, помилуй“, — до сорока разъ... Ладно, хорошо. Кончилъ онъ молиться, молоканъ и говоритъ ему: „Монахъ!“

Тотъ откликнулся: „Чаво?“ говоритъ.

А молоканъ снова: „Монахъ!“

Тотъ опять: „Чаво тебѣ?“

А молоканъ снова: „Монахъ!“

Монахъ сердится: „Да чего, говоритъ, тебѣ надо?“

— Монахъ!—говоритъ молоканъ.

— Да, что ты, въ умѣ ли? — говоритъ монахъ.—Али меня за глухого почитаешь? Десять разъ твердишь одно и то же.

— А ты,—говоритъ молоканъ,—видно, Богато вовсе глухимъ почитаешь, что сорокъ разъ заладилъ одно и то же.

Разсказъ этотъ вызвалъ большое удовольствіе молоканъ: лица ихъ расплывались въ широкую улыбку, многіе сочувственно хихикали.

Толстой, помолчавши, замѣтилъ разсказчику:

— Въ молитвѣ самое важное не слова, а чувство, настроеніе... И въ самыя простыя слова можно вложить искреннее и глубокое чувство. Я говорю это не въ защиту монаховъ и дьяконовъ, которые, дѣйствительно, по большей части совершенно механически произносятъ свои молитвы...

III.

Вошелъ Иванъ Дмитріевичъ и сообщилъ, что на дворѣ устраивается „обчественный“ обѣдъ для всѣхъ, участвующихъ въ собраніи. Толстой тотчасъ же убѣжалъ внизъ, на дворъ, гдѣ прямо подъ открытымъ небомъ были разставлены длинные ряды столовъ, накрытые скатертями и установленные разными яствами. Какъ я потомъ узналъ, обѣдъ этотъ былъ устроенъ молоканами въ складчину.

Черезъ нѣсколько минутъ Левъ Николаевичъ уже „сидѣлъ въ самомъ корню“, какъ говорили молокане. Весь обѣдъ онъ, не переставая, съ большимъ подъемомъ велъ самыя оживленныя пренія на религіозныя темы.

Было около двухъ часовъ дня. Солнце уже палило немилосердно, но это, повидимому,

этнюдь не мѣшало молоканамъ ни кушать съ аппетитомъ, ни вести горячія пренія о вѣрѣ.

Въ своемъ дневникѣ Левъ Николаевичъ такъ записалъ объ этомъ обѣдѣ: „Воскресенье. У молоканъ моленье. Жара. Платочкомъ потъ утираютъ. Сила голосовъ, шеи карія, коряавыя, какъ терки. Поклоны. Обѣдъ: 1) холодное, 2) крапивныя щи, 3) баранина вареная, 4) лапша, 5) орѣшки, 6) баранина жареная, 7) огурцы, 8) лапшанникъ, 9) медъ [1])“. О впечатлѣніи, которое онъ вынесъ изъ своихъ бесѣдъ съ молоканами, я скажу дальше.

Въ это время Льву Николаевичу было 53 года, и въ его бородѣ было уже немало сѣдыхъ волосъ. Но онъ казался полнымъ силъ, здоровья и кипучей энергіи. Въ его походкѣ, въ его движеніяхъ, въ томъ, какъ онъ выпрыгивалъ изъ телѣжки, какъ онъ вбѣгалъ на лѣстницу, видна была привычка военнаго человѣка, бывшаго кавалериста, а можетъ-быть, еще больше—спортсмена или, вѣрнѣе говоря, человѣка постоянныхъ физическихъ упражненій.

Вѣдь въ 50 лѣтъ Левъ Николаевичъ бѣгалъ съ дѣтьми на конькахъ, на шестомъ десяткѣ—рубилъ и пилилъ дрова, пахалъ землю, плотничалъ, клалъ печи, шилъ сапоги, ѣздилъ верхомъ на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ, выбирая изъ нихъ наиболѣе горячихъ, „съ темпераментомъ“.

---

[1]) П. И. Бирюковъ: «Левъ Николаевичъ Толстой», томъ II, стр. 396.

Когда я познакомился съ нимъ, въ его манерахъ, въ его обращеніи съ людьми не было и слѣда той рѣзкости и нетерпимости, о которой такъ много говорится въ нѣкоторыхъ литературныхъ воспоминаніяхъ 60-хъ годовъ. Наоборотъ, все его обращеніе съ людьми, которыхъ онъ встрѣчалъ, было проникнуто чѣмъ-то удивительно подкупающимъ, располагающимъ въ его пользу, влекущимъ къ нему. Когда онъ хотѣлъ, онъ могъ быть прямо обаятельнымъ.

И я вполнѣ понимаю ту даму, смолянку, принадлежавшую къ высшему слою петербургской родовитой и придворной знати, которая въ началѣ 80-хъ годовъ увѣряла, что изъ всѣхъ людей, которыхъ ей приходилось встрѣчать, она всегда и больше всего плѣнялась благородствомъ, достоинствомъ и привлекательностью обращенія двухъ лицъ: императора Александра II и графа Л. Н. Толстого.

Приведу еще одно свидѣтельство.

Анатолій Ѳедоровичъ Кони, который былъ лично знакомъ съ Толстымъ, пишетъ о немъ: „И какъ человѣкъ,—въ своихъ личныхъ отношеніяхъ и бесѣдахъ,—онъ былъ прекрасенъ“ [1]).

Въ то время, т.-е. въ 1881 году, Толстой былъ извѣстенъ исключительно только, какъ романистъ: ни одно изъ его произведеній религіозно-философскаго характера до тѣхъ поръ еще не появлялось въ печати. Точно такъ же

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, 1910 г., № 258.

не появились и его народные разсказы. Въ обществѣ ходили лишь смутные, неопредѣленные слухи о томъ, что Толстой начинаетъ увлекаться религіозными вопросами. Эти слухи тревожили и смущали поклонниковъ и почитателей художественнаго таланта Льва Николаевича. Часто высказывались опасенія, что онъ, подобно Гоголю, можетъ впасть въ мистицизмъ, который погубитъ его чудный даръ.

Лично мнѣ приходилось въ то время много слышать о Толстомъ отъ одного изъ его хорошихъ знакомыхъ—С. А. Юрьева, который поддерживалъ со Львомъ Николаевичемъ постоянныя сношенія. Основатель и первый редакторъ „Русской Мысли“, полу-славянофилъ, полу-народникъ, Юрьевъ былъ горячій почитатель Толстого.

Будучи человѣкомъ вѣрующимъ и религіознымъ, Юрьевъ не раздѣлялъ тѣхъ опасеній, которыя высказывались въ обществѣ относительно того, что Толстой,—разъ онъ заинтересовался религіозными вопросами,—непремѣнно долженъ впасть въ мистицизмъ. Зная хорошо Льва Николаевича, Юрьевъ былъ увѣренъ въ томъ, что жизненный реализмъ знаменитаго писателя вполнѣ застраховывалъ его отъ всякихъ крайностей мистицизма. Между прочимъ, Юрьевъ передавалъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ очень заинтересовался расколомъ и сектантствомъ и что онъ внимательно перечитываетъ все, что появляется по этому вопросу въ печати.

Въ нѣкоторыхъ литературныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ кружкахъ того времени можно было подмѣтить явно недружелюбное и отрицательное отношеніе къ Толстому. Его недолюбливали, какъ барина, аристократа, который якобы игнорируетъ жизнь народа, рабочихъ массъ и интеллигенціи и все свое вниманіе сосредоточиваетъ, главнымъ образомъ, на высшемъ слоѣ русскаго привилегированнаго общества, на разныхъ Карениныхъ, Вронскихъ и т. д. Затѣмъ ему ставилось въ вину также и сотрудничество въ катковскомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и дружба съ Фетомъ, который пользовался вполнѣ опредѣленной репутаціей заядлаго крѣпостника, и, наконецъ, его крупныя латифундіи, къ расширенію границъ которыхъ онъ въ то время, повидимому, не оставался равнодушнымъ.

Я никогда не раздѣлялъ подобныхъ взглядовъ на Толстого, хотя долженъ сознаться, что до личнаго знакомства съ нимъ бывали минуты, когда я вынужденъ былъ признавать, что нѣкоторые изъ этихъ упрековъ, изъ этихъ обвиненій имѣли до извѣстной степени свое основаніе. И вотъ теперь, когда судьба столкнула меня съ Толстымъ, какъ разъ въ самомъ пеклѣ крестьянства, при самой демократической обстановкѣ, — я въ высшей степени заинтересовался вопросомъ: какъ онъ подойдетъ, какъ онъ отнесется къ этому сѣрому, степному, заскорузлому крестьянству? И какъ,

въ свою очередь, отнесется сѣрое, степное крестьянство къ этому „барину“, къ этому „аристократу“ съ графскимъ титуломъ?

Какъ изслѣдователь непосредственной народной жизни—культурной, религіозной и соціальной,— я всегда придавалъ большое значеніе, всегда высоко цѣнилъ умѣнье сходиться съ мужикомъ, находить съ нимъ общій языкъ, вполнѣ понятный для обѣихъ сторонъ, проникать въ крестьянскую психику.

И вотъ то, что я увидѣлъ въ Патровкѣ, при встрѣчѣ съ Толстымъ, увлекло, тронуло и плѣнило меня, тѣмъ болѣе, что было совершенно неожиданно.

Съ удовольствіемъ, почти съ наслажденіемъ наблюдалъ я за бесѣдой Льва Николаевича съ молоканами, слѣдилъ за его спорами съ ними, невольно любуясь его непринужденностью, его необыкновенной способностью просто, естественно затронуть самыя задушевныя вѣрованія этихъ людей, завладѣть ихъ вниманіемъ, вызвать въ нихъ глубокій, горячій интересъ и сочувствіе.

При этомъ онъ ни на минуту не переставалъ быть самимъ собой, и въ его отношеніи къ крестьянамъ ни разу не промелькнуло ни малѣйшей тѣни, не проскользнуло ни одного штриха, которые бы указывали на то, что онъ не прочь, что называется, „подлаживаться“, „поддѣлываться“ къ мужику. Ничего подобнаго!

И они — эти сѣрые, степные мужики съ „корявыми шеями“, съ заскорузлыми руками, охотно, довѣрчиво и трогательно раскрывали передъ нимъ свою душу.

Очевидно, для нихъ, какъ и для меня, становилось совершенно ясно и несомнѣнно, что этотъ „баринъ“, этотъ титулованный аристократъ, не только понималъ мужика, но что онъ его *любилъ*, искренно любилъ своимъ большимъ и страстнымъ сердцемъ геніальнаго человѣка...

IV.

Во время обѣда кто-то сказалъ Льву Николаевичу, что сегодня въ Патровкѣ назначенъ волостной судъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ разбираться дѣло одного изъ молоканъ. Толстой почему-то заинтересовался этимъ и сказалъ, что пойдетъ въ волость, чтобы послушать, какъ разбираются дѣла волостнымъ судомъ.

В. И. Алексѣевъ и я вызвались отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

Дѣла въ судѣ разбирались мелкія, будничныя-мало интересныя, тѣмъ не менѣе, Левъ Николаевичъ внимательно прислушивался и присматривался къ тому, что происходило вокругъ.

Когда судъ приступилъ къ разбору дѣла молоканина, предъявившаго искъ къ православному, Толстой спросилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ крестьянина: „А кто судьи? Право-

славные или молокане?“ Оказалось, что всѣ судьи были православные; и когда они постановили рѣшеніе въ пользу молоканина, искъ котораго представлялся, дѣйствительно, обоснованнымъ, Левъ Николаевичъ сочувственно и съ видимымъ удовольствіемъ отмѣтилъ это обстоятельство.

По выходѣ изъ суда, на крыльцѣ волостного правленія, Толстой вступилъ въ разговоръ съ бывшими тутъ крестьянами. Онъ спрашивалъ: случаются ли могорычи? Есть ли обычай угощать судей? Много ли водки выпиваютъ во время суда? и т. д. При этомъ обнаружилось, что водки, въ видѣ могорычей, выпивается большое количество, но что пьютъ водку исключительно православные, молокане же водки совсѣмъ не пьютъ.

Изъ волостного правленія мы, т.-е. Толстой, Алексѣевъ и я, направились въ домъ Ивана Дмитріевича Кудрина.

— Тамъ вечеромъ опять собраніе молоканъ будетъ,—замѣтилъ Левъ Николаевичъ.

— Навѣрное, они уже ждутъ васъ, — сказалъ я.—А мнѣ позвольте пока попрощаться съ вами.

— Вы куда же?—спросилъ Толстой.

— А я думаю пока сходить къ здѣшнему священнику.

Помню, какъ на лицѣ Льва Николаевича проскользнуло удивленіе; онъ вопросительно взглянулъ на меня.

Я объяснилъ, что при изслѣдованіи сектантства я всегда знакомлюсь съ мѣстными священниками, во-первыхъ, для того, чтобы выяснить ихъ отношеніе къ тѣмъ или инымъ сектантамъ, а во-вторыхъ, чтобы получить тѣ свѣдѣнія объ этихъ сектантахъ, которыми располагаетъ мѣстное духовенство, ведущее съ ними борьбу.

Священникъ,—не помню, къ сожалѣнію, его имени,—встрѣтилъ меня любезно, но какъ-то офиціально и сдержанно. Въ его разговорѣ чувствовался какой-то холодокъ. Видимо, онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ, но считалъ необходимымъ скрывать свое чувство.

Такъ какъ меня особенно интересовалъ вопросъ о томъ: усиливается ли молоканство въ этой мѣстности или же, наоборотъ, слабѣетъ, то поэтому я и началъ наводить моего собесѣдника на эту тему. Тутъ-то и выяснились причины недовольства священника.

— Какъ же слабѣть молоканству,— началъ священникъ,—когда оно встрѣчаетъ сочувствіе къ себѣ со стороны не только крестьянъ и мужиковъ, но и со стороны образованныхъ людей? Видится, они вездѣ находятъ себѣ покровителей и защитниковъ... Вѣдь вотъ вы, напримѣръ,— продолжалъ священникъ,— извините, что я говорю прямо, — живете въ Патровкѣ больше недѣли и все время проводите съ молоканами. А они похваляются передъ православными: „Къ намъ, дескать, гость изъ Петербурга пріѣхалъ“...

Въ голосѣ священника слышалось уже явное раздраженіе. Обвиненіе было предъявлено въ слишкомъ прямой и откровенной формѣ. Дѣлать нечего, пришлось оправдываться.

— Батюшка, въ качествѣ этнографа, я изучаю русское сектантство и въ частности молоканство. Чтобы возможно ближе присмотрѣться къ послѣдователямъ этой секты, къ ихъ семейной и общинной жизни,—я поселился въ молоканскомъ домѣ. Это пріемъ, къ которому я постоянно прибѣгаю при своихъ изслѣдованіяхъ и который я считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Священникъ помолчалъ нѣсколько минутъ, какъ бы обдумывая что-то.

— Ну, положимъ, вы человѣкъ заѣзжій, имѣете порученія отъ ученыхъ обществъ, — согласился онъ,—а что же дѣлаетъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой? Вѣдь онъ здѣшній помѣщикъ, крупный землевладѣлецъ... Онъ здѣсь у всѣхъ на виду. Можно сказать, онъ первый человѣкъ въ нашей округѣ... А вы видите, какъ онъ поступаетъ? Въ церкви православной порога не переступилъ, глазъ не показалъ, а въ моленную къ молоканамъ пріѣхалъ. И цѣлый день съ молоканами: у нихъ обѣдаетъ, у нихъ чай пьетъ... Какъ будто это не пристало его сіятельству? Вѣдь что теперь православный народъ подумаетъ? Что скажутъ наши прихожане?

Изъ словъ священника было ясно, что онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Льва Николае-

вича и что ему немедленно же сообщалось о томъ, что происходило на молоканскомъ собраніи.

— Левъ Николаевичъ, — сказалъ я, — какъ художникъ, какъ романистъ, знакомится со всѣми проявленіями жизни. Сейчасъ онъ былъ въ волостномъ судѣ и пробылъ тамъ добрыхъ два часа, наблюдая и бесѣдуя съ крестьянами. Затѣмъ онъ заинтересовался молоканами и поэтому пріѣхалъ сюда посмотрѣть ихъ собраніе. Неужели въ этомъ поступкѣ можно усмотрѣть какой-то подрывъ для православія?

Однако всѣ мои доводы въ защиту знаменитаго писателя не достигали цѣли: раздраженіе батюшки не только не улеглось, а, наоборотъ, еще болѣе обострилось. Онъ уже не считалъ болѣе нужнымъ скрывать свое неудовольствіе и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ и порицалъ поступокъ Льва Николаевича.

Разстались мы очень холодно. И я долго послѣ этой бесѣды ощущалъ на душѣ непріятный, тяжелый осадокъ.

„Донесетъ, непремѣнно донесетъ“, думалъ я, выходя отъ священника и направляясь въ домъ Кудрина, гдѣ я жилъ.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ у меня тогда же шевельнулась мысль, что Льву Николаевичу можетъ угрожать какая-нибудь непріятность. Поэтому я счелъ нужнымъ сказать ему о неудовольствіи священника его сношеніями съ молоканами. Къ сожалѣнію, я не могу при-

помнить, какъ отнесся Толстой къ этому сообщенію. Въ моихъ замѣткахъ, которыя я дѣлалъ въ то время и которыя являются для меня главнымъ матеріаломъ для этихъ воспоминаній, ничего не сохранилось по этому поводу.

По всей вѣроятности, Левъ Николаевичъ не придалъ значенія этому факту. Но я, признаюсь, долгое время не могъ забыть своей бесѣды со священникомъ и того раздраженія, которое онъ проявилъ при разговорѣ о Толстомъ. И каждый разъ, когда я припоминалъ эту исторію, невольно прокрадывалось тревожное чувство и опасеніе за Льва Николаевича.

Послѣдствія вскорѣ показали, что эти опасенія не были совсѣмъ напрасны.

V.

Остальную часть этого дня Левъ Николаевичъ также провелъ среди молоканъ, въ домѣ Кудрина, въ бесѣдахъ на религіозныя темы и въ толкованіи Евангелія.

Въ теченіе дня мнѣ нѣсколько разъ пришлось бесѣдовать со Львомъ Николаевичемъ. Главной темой этихъ бесѣдъ служили религіозныя движенія, которыя въ то время во многихъ мѣстахъ Россіи широкой волной захватили не только народныя массы, но и нѣкоторые слои русскаго общества.

Напомню читателямъ, что въ это время мистико-раціоналистическое движеніе въ области религіи отлилось, главнымъ образомъ, въ форму двухъ сектъ: съ одной стороны, штунды, съ другой—хлыстовщины.

Въ петербургскомъ обществѣ, особенно въ высшемъ его слоѣ, замѣтно распространялось извѣстное ученіе лорда Редстока, благодаря его послѣдователямъ: В. А. Пашкову, графу М. М. Корфу и графу Ал. П. Бобринскому,— а также ученіе ирвингіанъ.

Затѣмъ въ народной средѣ то и дѣло возникали все новыя и новыя религіозныя ученія и секты, которыя обыкновенно начинали съ того, что порывали всякія связи, всякія сношенія съ господствующей церковью и съ православнымъ духовенствомъ.

Левъ Николаевичъ съ жаднымъ любопытствомъ разспрашивалъ меня о моихъ впечатлѣніяхъ и наблюденіяхъ, вынесенныхъ мною отъ знакомства и личнаго изученія тѣхъ или иныхъ сектъ на мѣстахъ ихъ распространенія. Но особенно его заинтересовали личность и ученіе только что появившагося тогда въ Тверской губерніи крестьянина Василія Сютаева, проповѣдывавшаго любовь и братство всѣхъ людей и народовъ и полный коммунизмъ имущества.

Узнавши, что прежде чѣмъ попасть въ Самару и Патровку, я былъ въ Тверской губерніи, у Сютаева, гдѣ прожилъ цѣлую недѣлю, почти не разставаясь съ нимъ,— Левъ Нико-

лаевичъ началъ разспрашивать меня относительно личной жизни и религіозныхъ взглядовъ этого необыкновеннаго крестьянина, а также о тѣхъ попыткахъ, которыя онъ предпринималъ у себя въ деревнѣ съ цѣлью устройства общины-коммуны.

Такъ какъ мнѣ удалось почти со стенографической точностью записать слова и рѣчи Сютаева, то поэтому я могъ передать Толстому ученіе Сютаева почти въ его собственномъ дословномъ изложеніи.

— Ахъ, какъ это важно! Ахъ, какъ это вѣрно! — нѣсколько разъ восклицалъ Толстой, слушая рѣчи Сютаева, записанныя мною.

Узнавши о томъ, что одинъ изъ сыновей Сютаева, будучи призванъ къ отбыванію воинской повинности, отказался принять присягу и взять въ руки ружье, за что и былъ заключенъ въ дисциплинарный батальонъ въ Шлиссельбургской крѣпости, Левъ Николаевичъ замѣтилъ:

— Все это такъ интересно, что я готовъ, при первой возможности, съѣздить къ Сютаеву, чтобы познакомиться съ нимъ.

Какъ извѣстно, онъ вскорѣ же привелъ въ исполненіе это намѣреніе.

Уѣзжая изъ Патровки и прощаясь со мной и съ молоканами, Левъ Николаевичъ пригласилъ какъ меня, такъ и нѣкоторыхъ изъ молоканъ, съ которыми онъ больше всего бесѣ-

довалъ, пріѣхать къ нему на хуторъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней.

О впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ Патровки, онъ писалъ на другой день, 20 іюля, графинѣ Софьѣ Андреевнѣ: „Нынче я съ Василіемъ Ивановичемъ (воскресенье) провелъ цѣлый день въ Патровкѣ, на молоканскомъ собраніи, обѣдѣ, и на волостномъ судѣ, и опять на молоканскомъ собраніи... Весь день провелъ очень интересно. На собраніи была бесѣда объ Евангеліи. Есть умные люди и удивительные по своей смѣлости“.[1]).

VI.

На другой день въ Патровкѣ только и разговоровъ было, что о Толстомъ. Особенно молокане чувствовали себя въ приподнятомъ настроеніи духа. Припоминая все то, что говорилъ Толстой по поводу Евангелія, они старались вникнуть въ смыслъ его словъ и выяснить, насколько его религіозные взгляды подходятъ къ ихъ ученію.

Иванъ Дмитріевичъ и Василій Константиновичъ приставали ко мнѣ, чтобы ѣхать поскорѣе, не откладывая, на „графскій хуторъ“, съ цѣлью еще разъ хорошенько побесѣдовать съ человѣкомъ, который затронулъ и возбудилъ

---

[1]) «Л. Н. Толстой». Біографія. Составилъ П. Бирюковъ. М., 1906 г., томъ II, стр. 396.

въ нихъ глубокій интересъ. Видя, что имъ не терпится, я согласился, и во вторникъ, 21 іюля, мы, т.-е. я, Василій Константиновичъ, Иванъ Дмитріевичъ и Леонтій Степановичъ, отправились на хуторъ Толстого, на двухъ лошадкахъ, въ плетушкахъ.

Мы пріѣхали на хуторъ во время завтрака: Бибиковъ, Алексѣевъ и другіе служащіе завтракали въ одномъ изъ „господскихъ“ флигелей, въ томъ самомъ, въ которомъ жилъ Левъ Николаевичъ. Его не оказалось дома: онъ былъ на прогулкѣ. Вернувшись, онъ пришелъ въ столовую, гдѣ происходилъ завтракъ, поздоровался со всѣми и затѣмъ пригласилъ къ себѣ въ комнату меня и молоканъ.

Обстановка всѣхъ комнатъ на хуторѣ отличалась необыкновенной, чуть не робинзоновской простотой: очень скудная и самая простая мебель, голыя, выбѣленныя мѣломъ стѣны. Комната Льва Николаевича была лишена даже самой необходимой мебели.

Помню, Толстой усадилъ меня на кровать—деревянную и шатавшуюся, а самъ помѣстился на чемоданчикѣ изъ рыжей кожи, поставивъ его предварительно ребромъ. Молокане заняли деревянные табуреты.

Сейчасъ же начались разговоры о вѣрѣ, въ которыхъ дѣятельное участіе приняли молокане, видимо, желавшіе уяснить себѣ религіозные взгляды Льва Николаевича, чтобы точнѣе опредѣлить его отношеніе къ тѣмъ положеніямъ,

которыя составляютъ главную сущность ученія „духовныхъ христіанъ“.

Толстой предложилъ молоканамъ тутъ же прочитать извлеченія изъ его „Толкованія на Евангеліе“, которое въ то время было еще въ рукописи. Конечно, молокане съ радостью согласились на это.

Левъ Николаевичъ началъ читать, а молокане слушали съ затаеннымъ дыханіемъ, боясь пропустить хоть одно слово. Чтеніе продолжалось очень долго, до самаго обѣда. А потомъ опять началась бесѣда на тему о томъ, что считать главной сущностью ученія Христа?

Взволнованные и растроганные, молокане только поздно вечеромъ уѣхали на хуторъ Ивана Дмитріевича. А я остался ночевать на хуторѣ Толстого.

Вечеромъ ко Льву Николаевичу явился башкиръ-кумысникъ, жившій въ своей юртѣ, въ степи, около хутора. Онъ пригласилъ Толстого и всѣхъ насъ, т.-е. Алексѣева, Бибикова и меня, къ себѣ въ гости, по случаю какого-то праздника, бывшаго въ тотъ день. Мы обѣщали быть у него.

Приходимъ. Въ юртѣ, конечно, не оказалось ни столовъ ни стульевъ, поэтому намъ пришлось, по древнему обычаю, „возлежать“. Башкиръ, встрѣтившій насъ съ большимъ радушіемъ, началъ очень гостепріимно угощать насъ бараниной и кумысомъ. Такъ какъ ни ножей ни вилокъ не было, то поэтому баранину при-

ходилось ѣсть при помощи пальцевъ. Признаюсь, въ первую минуту это обстоятельство нѣсколько озадачило меня, особенно въ виду полнаго отсутствія салфетокъ, и я съ нѣкоторой нерѣшительностью взглянулъ на лежавшій предо мной большой, жирный кусокъ молодого барашка. Но замѣтивъ, какъ артистически ловко справлялся съ этимъ неудобствомъ Левъ Николаевичъ, я тотчасъ устыдился своего малодушія и поспѣшилъ послѣдовать его примѣру.

Возвращаясь отъ башкира, мы прежде, чѣмъ направиться на хуторъ, прошлись по степи, хотя и пострадавшей отъ іюльскаго солнца, но все же прекрасной, а главное широкой, какъ море. Во все время прогулки шли разговоры большею частію на самыя острыя, жгучія темы.

Сначала рѣчь зашла о пріемахъ и методахъ изученія народной жизни, а затѣмъ вскорѣ же начали говорить о народѣ, о его духовныхъ запросахъ, о сектантствѣ, о „хожденіи въ народъ“, о значеніи общественныхъ формъ и личнаго нравственнаго совершенствованія, о революціи и т. д.

И хотя изъ этихъ разговоровъ для меня вполнѣ выяснилось, насколько различно смотримъ мы на главные и коренные вопросы человѣческаго существованія, тѣмъ не менѣе, однако, эта разница не испугала меня и не отшатнула отъ Толстого: въ моихъ глазахъ эта разница теоретическихъ воззрѣній сполна

покрывалась тѣмъ страстнымъ, „трепетнымъ“ [1]) отношеніемъ къ трудовому народу, тѣми глубокими настроеніями, которыя онъ переживалъ и которыя доказывали его горячую, почти благоговѣйную любовь къ народу...

Но со временемъ я постараюсь воспроизвести всѣ эти споры, такъ какъ взгляды, высказанные при этомъ Толстымъ, были весьма характерны для него. Долженъ сказать, что вообще въ то время Левъ Николаевичъ былъ страстнымъ спорщикомъ и очень охотно вступалъ въ горячіе теоретическіе диспуты въ видахъ выясненія вопросовъ, которые интересовали и волновали его.

Между прочимъ, меня немало поразилъ тогда высказанный Толстымъ взглядъ на методы изслѣдованія народной жизни вообще и сектантства въ частности. Узнавши отъ меня, что при изученіи различныхъ сторонъ народной жизни я всегда ставлю себѣ цѣлью возможно болѣе объективное отношеніе къ наблюдаемымъ явленіямъ, Левъ Николаевичъ началъ доказывать, что это „совсѣмъ напрасно“, что достигнуть полнаго объективизма при непосредственномъ изученіи народной жизни, живыхъ людей дѣло невозможное и недостижимое, а потому нужно отрѣшиться отъ такого стремленія. „Даже больше,—говорилъ Толстой,—чѣмъ субъектив-

---

[1]) Прочтите его письмо къ Д. В. Григоровичу въ «Письмахъ», изданныхъ г. Сергѣенко, томъ I, стр. 223.

нѣе будете вы при передачѣ своихъ наблюденій и впечатлѣній—тѣмъ лучше“.

Спустя два-три дня послѣ нашего посѣщенія толстовскаго хутора, Левъ Николаевичъ слѣдующимъ образомъ отзывался о молоканахъ въ своемъ письмѣ къ Софьѣ Андреевнѣ:

„Интересны молокане въ высшей степени. Былъ я у нихъ на моленіи, присутствовалъ при ихъ толкованіи Евангелія и принималъ участіе, и они пріѣзжали и просили меня толковать, какъ я понимаю; и я читалъ имъ отрывки изъ моего изложенія; и серьезность, и интересъ, и здравый, ясный смыслъ этихъ полуграмотныхъ людей — удивительны. Былъ я въ Гавриловкѣ у субботника [1]). Тоже очень интересно. Вообще, впечатлѣній за эту недѣлю даже слишкомъ много“.

VII.

Покинувъ Патровку, я снова вернулся въ Самару, чтобы закончить тамъ собираніе свѣдѣній о сектантствѣ. Такъ какъ я былъ почти вполнѣ увѣренъ въ томъ, что патровскій священникъ сдѣлаетъ доносъ на Толстого, то поэтому рѣшилъ произвести необходимыя развѣдки.

---

1) Въ «Біографіи» П. И. Бирюкова эта послѣдняя фраза изложена такъ: «Былъ въ Гавриловкѣ у Субботнина» (стр. 397); очевидно, тутъ ошибка.

Въ этихъ видахъ я сдѣлалъ визитъ самарскому архіерею, разсчитывая, что при разговорѣ о молоканахъ онъ, навѣрное, заговоритъ о Толстомъ, если только имъ получены уже доносы на него. Къ сожалѣнію, я не засталъ архіерея въ городѣ, такъ какъ оказалось, что онъ незадолго передъ этимъ уѣхалъ по епархіи. Тогда я направилъ свои развѣдки въ сторону свѣтской администраціи.

Губернаторомъ въ Самарѣ въ это время былъ Александръ Дмитріевичъ Свербеевъ, — теперь сенаторъ. Онъ пользовался репутаціей благодушнаго администратора, такъ какъ интересовался больше церковной археологіей, чѣмъ внутренней политикой; затѣмъ онъ отличался большимъ гостепріимствомъ и очень внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ заѣзжимъ изслѣдователямъ и писателямъ. Послѣднее, между прочимъ, пришлось испытать и мнѣ, и я до сихъ поръ питаю къ нему признательность за то содѣйствіе, которое онъ постоянно оказывалъ мнѣ въ моихъ изслѣдованіяхъ.

Изъ разговоровъ со Свербеевымъ я зналъ, что онъ, какъ коренной москвичъ [1]), былъ лично знакомъ со Львомъ Николаевичемъ и относился къ нему съ явной симпатіей, хотя и иронизировалъ по поводу „постоянныхъ увлеченій“ знаменитаго романиста.

---

[1]) Домъ отца А. Д. Свербеева, какъ извѣстно, служилъ центромъ, вокругъ котораго группировались московскіе славянофилы въ теченіе долгаго времени.

— Вѣдь онъ не можетъ чѣмъ-нибудь не увлекаться, — говорилъ добродушно Свербеевъ, — то педагогіей, то музыкой и симфоническими собраніями, то соціализмомъ, то лошадьми...

Я рѣшилъ заговорить съ нимъ о Толстомъ, надѣясь, что при этомъ можно будетъ узнать, былъ ли доносъ на Льва Николаевича. Свербеевъ уже зналъ отъ меня, что Толстой живетъ въ своемъ имѣньѣ, въ Бузулукскомъ уѣздѣ. Когда же я сообщилъ ему, что Левъ Николаевичъ вскорѣ долженъ проѣхать черезъ Самару на обратномъ пути въ Ясную Поляну, Свербеевъ очень оживился. Онъ выразилъ большое желаніе повидаться съ Толстымъ.

— Пожалуйста, передайте ему, если увидите, — говорилъ Свербеевъ, — что онъ очень-очень порадовалъ бы меня своимъ посѣщеніемъ. Будьте любезны, скажите ему, что я усиленно прошу его навѣстить меня... Вѣдь я большой поклонникъ его таланта!.. Кстати, на-дняхъ ко мнѣ пріѣзжаетъ его старый пріятель, графъ Сологубъ, Владимиръ Александровичъ. Онъ пріѣхалъ сюда на цѣлое лѣто и живетъ здѣсь, въ своемъ Никольскомъ [1]).

Искренній тонъ, которымъ все это говорилось, вполнѣ успокоилъ меня и убѣдилъ, что,

---

[1]) Авторъ «Тарантаса» и другихъ повѣстей, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ, В. А. Сологубъ часто проводилъ лѣто въ своемъ имѣніи, въ селѣ Никольскомъ, на Черемшанѣ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи.

очевидно, никакихъ доносовъ на Толстого пока еще не поступало.

Извѣщенный о времени пріѣзда Льва Николаевича въ Самару, я отправился встрѣтить его на станцію. Онъ пріѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса, вмѣстѣ съ В. И. Алексѣевымъ и, сколько помнится, съ Сергѣемъ Львовичемъ. Помню, мнѣ прежде всего бросилась въ глаза фигура Толстого, въ пыльномъ поношенномъ пальто, изъ-подъ котораго виднѣлась парусинная блуза. Онъ съ озабоченнымъ видомъ тащилъ, держа обѣими руками, какой-то огромный овчинный тулупъ, а, можетъ-быть, и дорожное одѣяло изъ овчины. Его спутники, также съ различными дорожными вещами въ рукахъ, едва поспѣвали за нимъ.

Левъ Николаевичъ имѣлъ столь демократическій видъ, что, навѣрное, никто не могъ бы даже заподозрѣть въ немъ барина, а тѣмъ болѣе аристократа.

„Если бы А. Д. Свербеевъ, — невольно подумалось мнѣ, — увидѣлъ въ такомъ видѣ автора „Анны Карениной“, онъ, конечно, не узналъ бы его, а если бы узналъ, то неска-занно бы изумился“.

Изъ спутниковъ Льва Николаевича по внѣшнему виду особенно выдѣлялся В. И. Алексѣевъ въ своей поддевкѣ со сборами и высокихъ сапогахъ. Этотъ костюмъ, какъ нельзя болѣе, придавалъ ему видъ пропагандиста, отправля-

ющагося въ народъ, какимъ онъ, въ сущности, и былъ до своего богочеловѣчества.

Станціонные жандармы пристально и подозрительно оглядывали нашу компанію, когда мы направлялись по платформѣ въ залъ второго класса, чтобы выпить по стакану чая. И потомъ, когда они дефилировали мимо нашего столика, мы каждый разъ чувствовали на себѣ ихъ внимательные взгляды.

Изъ разговоровъ, которые велись во время этого свиданія, мнѣ особенно запомнился разсказъ Толстого объ одномъ молодомъ человѣкѣ, привлекавшемся по процессу 193 („хожденіе въ народъ“) и долгое время сидѣвшемъ въ тюрьмѣ. Это былъ уроженецъ Самарской губерніи, сынъ крестьянина, Ла—евъ.

Левъ Николаевичъ только что передъ этимъ видѣлъ мать Ла—ева, простую крестьянку, которая подробно разсказывала ему о своемъ сынѣ, о томъ, какой онъ былъ добрый, веселый и любящій, и какъ онъ измѣнился, увлекшись революціоннымъ движеніемъ. По словамъ матери, съ этого момента онъ сталъ грустнымъ, задумчивымъ и тревожнымъ. Вскорѣ послѣ этого онъ долженъ былъ покинуть не только родину, но и Россію и уѣхать за границу, въ качествѣ эмигранта.

Сколько помнится, Левъ Николаевичъ лично зналъ этого Ла—ева, по крайней мѣрѣ, у меня осталось такое впечатлѣніе. Меня поразила та сердечность, съ которой Толстой говорилъ объ

этомъ „соціалистѣ“. При этомъ онъ особенно высоко ставилъ и цѣнилъ стремленіе и готовность Ла—ева служить народу, къ которому онъ самъ принадлежалъ,— готовность, доходившую до полнаго самопожертвованія.

Толстой уѣхалъ... А по Самарѣ пошли темные, нелѣпые слухи и сплетни по поводу того, что происходило въ Патровкѣ. Начались доносы, началась офиціальная переписка.

Въ Петербургѣ взглянули на дѣло весьма серьезно, и въ слѣдующемъ же 1882 году состоялось распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого объ учрежденіи за сношеніями Льва Николаевича съ сектантами секретнаго полицейскаго надзора...

СЕКРЕТНЫЙ ЦИРКУЛЯРЪ.

Сношенія Л. Н. Толстого съ сектантами не укрылись отъ вниманія властей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, въ началѣ 80-хъ годовъ, въ правительственныхъ сферахъ еще всецѣло господствовалъ взглядъ на сектантовъ, какъ на людей въ высшей степени вредныхъ и крайне опасныхъ не только для церкви, но и для государства. Официальный міръ видѣлъ въ сектантствѣ постоянную угрозу и серьезную опасность не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи. На эту опасность постоянно указывалъ, между прочимъ, въ своихъ отчетахъ тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, пользовавшійся въ то время огромнымъ вліяніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Отсюда становится понятно, почему сношенія Толстого съ сектантами не прошли безнаказанно для знаменитаго писателя. И духовныя и свѣтскія власти сильно безпокоились этими сношеніями. Начались доносы, начались выслѣживанія, а вслѣдъ за тѣмъ появляется вскорѣ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ объ

учрежденіи за сношеніями Льва Николаевича съ сектантами полицейскаго надзора.

Такъ какъ распоряженіе это было „совершенно секретное“, то поэтому оно и не получило въ то время огласки. Знали о немъ лишь тѣ, кому вѣдать о томъ надлежало, т.-е. мѣстныя административныя власти. Уже значительно позднѣе, случайно мнѣ пришлось убѣдиться въ существованіи министерскаго распоряженія. Благодаря добрымъ знакомымъ, въ мои руки попалъ „совершенно секретный“ циркуляръ саратовскаго губернатора отъ 25 сентября 1882 года за № 1129, основанный на „предложеніи г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 11 сентября 1882 года“.

Въ этомъ циркулярѣ губернаторъ предписывалъ уѣзднымъ исправникамъ „сдѣлать распоряженіе о наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами“ слѣдующихъ лицъ: извѣстнаго въ то время проповѣдника В. А. Пашкова, графа Л. Н. Толстого и, наконецъ... вашего покорнаго слуги. Послѣднее обстоятельство заставляетъ меня думать, что ближайшимъ поводомъ для такого распоряженія послужили тѣ именно сношенія Льва Николаевича съ молоканами, которыя происходили лѣтомъ 1881 года въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, и которыя—какъ мы видѣли—тогда же вызвали противъ него крайнее неудовольствіе и раздраженіе мѣстнаго священника.

Конечно, это только наша догадка, не больше, но мы почти увѣрены въ томъ, что дальнѣйшія свѣдѣнія, которыя со временемъ разсѣютъ „секретъ“, окутывающій этотъ эпизодъ, должны будутъ подтвердить нашу догадку, наше предположеніе. Считаемъ необходимымъ привести здѣсь цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, упомянутый нами секретный циркуляръ саратовскаго губернатора.

М. В. Д.
Саратовскій губернаторъ.
25 сентября 1882 г.
№ 1129.

Совершенно секретно.

Гг. Уѣзднымъ Исправникамъ.

„Циркуляромъ моимъ отъ 6 іюля было обращено вниманіе гг. Исправниковъ на вредный характеръ ученія, распространяемаго отставнымъ полковникомъ Пашковымъ.

„Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что *въ связи съ этимъ ученіемъ* (?!) представляется не менѣе вредною дѣятельность графа Льва Толстого и Члена Географическаго Общества Александра Пругавина, вслѣдствіе сношеній ихъ съ сектантами. Изъ нихъ послѣдній своими поѣздками къ сектантамъ и похвальными статьями объ нихъ въ литературѣ не только внушаетъ незнающимъ дѣла ложныя понятія о расколѣ, но и возбуждаетъ въ самихъ сектантахъ понятіе о сочувствіи ихъ ученію со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ общества и самого Правительства.

„Въ виду сего и согласно предложенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего сентября, предписываю гг. Исправникамъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами помянутыхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы о всякомъ проявленіи ихъ въ этомъ отношеніи мнѣ донести.

Губернаторъ Н. Зубовъ».

Къ сожалѣнію, намъ до сихъ поръ не удалось достать тотъ министерскій циркуляръ отъ 11 сентября, на которомъ былъ основанъ только что приведенный „совершенно секретный“ циркуляръ саратовскаго губернатора Зубова. Поэтому въ настоящее время невозможно рѣшить вопросъ: кто былъ иниціаторомъ этого необыкновеннаго циркуляра: министръ ли внутреннихъ дѣлъ графъ Дм. Андр. Толстой или же оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ?

Въ всякомъ случаѣ, министръ, дѣлая „предложеніе“ губернаторамъ о „наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами графа Льва Николаевича Толстого“, не могъ, разумѣется, не предвидѣть, въ какія формы можетъ вылиться это „наблюденіе“ въ жизни, на практикѣ. Онъ прекрасно зналъ, конечно, что губернаторы по полученіи его „предложенія о наблюденіи“ немедленно же предпишутъ о томъ же „господамъ уѣзднымъ исправникамъ“, а послѣдніе, въ свою очередь, поспѣшатъ предписать гг. стано-

вымъ приставамъ и т. д. вплоть до урядниковъ.

А какъ отразятся подобнаго рода предписанія въ умахъ урядниковъ—это также врядъ ли могло составлять секретъ для г. министра. Кому же неизвѣстно, что въ дѣлѣ надзора и наблюденія для нашихъ урядниковъ попрежнему служитъ, главнымъ образомъ, тотъ же руководящій принципъ, которымъ нѣкогда вдохновлялся незабвенный, историческій Мымрецовъ: „тащи и не пущай“.

Какъ бы то ни было, но теперь уже не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что русская самодержавная бюрократія въ началѣ 80-хъ годовъ не задумалась отдать подъ надзоръ полиціи автора „Войны и мира“ и „Анны Карениной“ за его попытку поближе подойти къ заинтересовавшему его явленію народной жизни. Фактъ этотъ станетъ еще болѣе нелѣпымъ и дикимъ, если мы припомнимъ, что русское сектантство свободно изучалось еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ барономъ Гакстгаузеномъ, въ 60-хъ годахъ—Меккензи-Уоллесомъ и т. д.

Мы не знаемъ въ точности, какъ отразились, въ чемъ именно сказались на Львѣ Николаевичѣ практическіе результаты „совершенно секретнаго“ циркуляра, но можно думать, что великій писатель почувствовалъ на себѣ усердіе полицейскихъ и административныхъ чиновъ, которымъ предписывалось слѣдить за его дѣя-

тельностью и за его сношеніями съ сектантами и доноситъ „о всякомъ проявленіи его въ этомъ отношеніи“.

Думаемъ такъ отчасти по собственному горькому опыту, о которомъ, однако, считаемъ лишнимъ и неумѣстнымъ говорить въ данномъ случаѣ, отчасти потому, что и въ письмахъ Толстого можно найти подтвержденіе только что высказанному предположенію.

Циркуляръ появился осенью 1882 года, а лѣтомъ слѣдующаго 1883 г. отъ 12 іюня Левъ Николаевичъ писалъ Софьѣ Андреевнѣ изъ своего самарскаго имѣнія: „Нынче ѣздилъ съ Вас. Ив. [1]) въ Патровку и Гавриловку по дѣлу сдачи земли и долго бесѣдовалъ съ молоканами, разумѣется, о христіанскомъ законѣ. *Пускай доносятъ. Я избѣгаю сношеній съ ними, но, сойдясь, не могу не говорить того, что думаю*“ [2]).

Изъ этихъ словъ ясно видно, что Толстой зналъ о томъ, что за нимъ слѣдятъ, что о его сношеніяхъ съ молоканами „доносятъ“, и это на первыхъ порахъ заставляетъ его быть настороже, заставляетъ даже „избѣгать сношеній съ молоканами“, несмотря на то, что онъ относился къ нимъ съ явнымъ сочувствіемъ и интересомъ. Очевидно, это дѣлалось для того, чтобы не раздражать гусей, чтобы не давать лишняго

---

[1]) Василій Ивановичъ Алексѣевъ учитель старшаго сына Льва Николаевича.

[2]) «Левъ Николаевичъ Толстой». Біографія. Составилъ П. Бирюковъ. М., 1908 г., томъ II, стр. 449.

повода господамъ „доносчикамъ“. Но подобныя уступки продолжались, однако, очень недолго: поселившись въ Москвѣ, Левъ Николаевичъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, продолжалъ сближаться и водить знакомство съ послѣдователями самыхъ различныхъ сектъ.

Какъ мало была знакома въ то время наша администрація съ характеромъ религіозныхъ настроеній и переживаній Толстого, ясно видно изъ того, что она дѣятельность его ставитъ въ прямую связь съ „ученіемъ полковника Пашкова“ и на этомъ основаніи учреждаетъ полицейскій надзоръ за сношеніями знаменитаго писателя съ сектантами. Между тѣмъ ни тогда, ни раньше, ни послѣ Толстой, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ ученіемъ лорда Редстока, горячимъ проповѣдникомъ котораго являлся В. А. Пашковъ.

Спрашивается: на какомъ же основаніи и съ какой цѣлью администрація пристягнула Толстого къ Пашкову? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: никакого ровно основанія для этого не было, а цѣль администраціи будетъ ясна, если мы припомнимъ, что начало 80-хъ годовъ ознаменовалось у насъ, съ одной стороны, очень быстрымъ распространеніемъ „пашковскаго ученія“, а съ другой — энергической борьбой нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей съ этимъ новымъ религіознымъ теченіемъ.

Быстрые успѣхи Пашкова и его друзей въ дѣлѣ пропаганды среди сектантовъ крайне оза-

бочивали духовныя власти, которыя по своей всегдашней привычкѣ старались подавить это движеніе путемъ систематическихъ репрессій. По русской пословицѣ—у страха глаза велики, духовныя власти склонны были сильно преувеличивать успѣхи Пашкова и зачислять въ ряды его сторонниковъ всѣхъ тѣхъ новыхъ лицъ, которыя почему-нибудь обнаруживали интересъ къ сектантамъ и входили съ ними въ сношенія. Поэтому при первыхъ же извѣстіяхъ о томъ, что Л. Н. Толстой завязываетъ знакомства съ сектантами, власти поспѣшили зачислить и его въ сторонники Пашкова и въ то же время принять противъ него одну изъ тѣхъ обычныхъ мѣръ, съ помощью которыхъ онѣ боролись съ Пашковымъ.

Впослѣдствіи, когда Пашковъ сошелъ со сцены и когда религіозные взгляды Толстого достаточно выяснились, власти во всѣхъ проявленіяхъ сектантства начали усматривать вліяніе идей Толстого.

ТОЛСТОЙ и МИССІОНЕРЫ.

Между Толстымъ и самарскими молоканами установились хорошія и прочныя отношенія. Правда, они не сдѣлались послѣдователями его религіознаго ученія, не приняли главныхъ положеній его credo, но они признали, что онъ очень близокъ имъ по духу, они глубоко почувствовали это. Съ теченіемъ времени они привыкли видѣть въ Толстомъ своего вѣрнаго друга и защитника, къ которому они свободно обращались въ трудныя и тяжелыя минуты своей жизни, и всегда находили поддержку и помощь.

И такія отношенія продолжались цѣлые десятки лѣтъ, до самой смерти Толстого. Далѣе читатель встрѣтится съ фактами, доказывающими, какъ много было сдѣлано Львомъ Николаевичемъ для населенія Самарской губерніи и въ частности — для самарскихъ молоканъ. Теперь же мы разскажемъ одинъ случай, показывающій, съ какой готовностью отзывался онъ на ихъ просьбы. Случай этотъ относится къ концу 90-хъ годовъ.

Въ 1897 году до Самары вдругъ начали доходить слухи о томъ, что по Николаевскому и Бузулукскому уѣздамъ разъѣзжаютъ по ночамъ становые пристава и урядники, насильно отби-

раютъ отъ молокана ихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, заранѣе намѣченныхъ отцами-миссіонерами, и куда-то ихъ увозятъ... Куда именно увозила дѣтей полиція — этого сначала никто не зналъ и менѣе всего это знали тѣ несчастные родители, у которыхъ отобраны были дѣти.

На первыхъ порахъ никто не хотѣлъ вѣрить этимъ слухамъ,—такъ они казались всѣмъ нелѣпыми, дикими, чудовищными. Даже въ эпоху Николаевскихъ гоненій ничего подобнаго не было.

Однако это недовѣріе вскорѣ должно было исчезнуть. Въ Самару прибыли родители тѣхъ дѣтей, которыя были взяты полиціей и куда-то увезены. Убитые горемъ, подавленные, растерянные, они разсказывали всѣмъ о своемъ несчастіи. Они не знали, что дѣлать, что предпринять, и только горько жаловались на свою судьбу. Сознавая, что съ ними сдѣлано что-то вопіюще-беззаконное, они ходили къ губернатору, архіерею, жандармскому полковнику, миссіонерамъ, но нигдѣ не могли добиться толку.

Губернаторскіе чиновники увѣряли ихъ, что „начальникъ губерніи“ здѣсь ни при чемъ, что это — дѣло архіерея и вообще духовенства. У архіерея имъ объявляли, что владыка не имѣетъ никакого отношенія къ этой исторіи, что это — дѣло полиціи. Съ полиціей же по обыкновенію разговоры были очень короткіе и весьма скоро заканчивались обычными возгласами: „Пошли вонъ! Можете жаловаться на насъ кому хотите!..“

Только съ большимъ трудомъ горемыкамъ удалось, наконецъ, узнать, что отобранныя отъ нихъ дѣти были размѣщены по разнымъ мужскимъ и женскимъ монастырямъ, раскиданнымъ по Самарской губерніи. Несчастные родители всячески добивались узнать: надолго ли заключены въ монастыри ихъ дѣти и когда именно они будутъ возвращены имъ?

Съ этими вопросами они обратились, между прочимъ, и къ православнымъ миссіонерамъ, которыхъ они не безъ основанія считали главными виновниками поразившаго ихъ несчастія. И вотъ что они услышали отъ нихъ въ отвѣтъ на свои горькія жалобы и сѣтованія.

— Ваши дѣти,—объявили имъ миссіонеры,— до тѣхъ поръ будутъ въ монастыряхъ, пока вы, ихъ родители, не покаетесь, пока вы не отречетесь отъ молоканской ереси и не присоединитесь снова къ лону православной церкви... Помните это!.. Вы сами губите своихъ дѣтей, такъ какъ не хотите крестить ихъ и воспитываете въ молоканскомъ духѣ, а въ монастыряхъ ихъ окрестятъ по православному обряду и будутъ воспитывать согласно ученію святой церкви...

Легко представить себѣ ужасъ и отчаяніе родителей. „Неужели есть такія права, по которымъ можно отнимать дѣтей отъ родныхъ отцовъ и матерей?“ спрашивали они миссіонеровъ и адвокатовъ. На это первые отвѣчали утвердительно и въ доказательство цитировали соотвѣтствующія статьи закона.

Адвокаты усердно писали жалобы и прошенія, которыя посылались молоканами во всевозможныя учрежденія и инстанціи. Однако эти прошенія, эти жалобы не оказывали никакого дѣйствія: молоканскія дѣти продолжали томиться въ монастыряхъ, гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ были окрещены.

Отцамъ и матерямъ хотя и разрѣшалось навѣщать своихъ дѣтей, но лишь на самое короткое время и притомъ не иначе, какъ въ присутствіи кого-либо изъ монастырской братіи. При этихъ свиданіяхъ дѣти обыкновенно горько плакали и умоляли своихъ родителей взять ихъ къ себѣ. Я до сихъ поръ хорошо помню, какое потрясающее впечатлѣніе производили на всѣхъ разсказы молоканъ объ этихъ свиданіяхъ съ дѣтьми, отобранными отъ нихъ и насильно заключенными въ монастыри.

Такъ какъ время шло, а жалобы молоканъ на незаконныя дѣйствія самарскихъ миссіонеровъ нимало не помогали дѣлу, то въ народѣ начали распространяться зловѣщіе слухи о томъ, что вскорѣ у всѣхъ молоканъ будутъ отобраны дѣти и помѣщены въ монастыри. Необходимо отмѣтить, что молоканство весьма сильно распространено въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи. Здѣсь имѣются цѣлыя огромныя села, населеніе которыхъ наполовину и даже болѣе состоитъ изъ молоканъ. Понятно, какое страшное волненіе началось въ молоканской средѣ подъ вліяніемъ слуховъ о

предстоящемъ всеобщемъ отобранiи дѣтей отъ молоканъ. Мѣстами это возбужденiе доходило до рѣшимости на насилiе отвѣчать насилiемъ.

Хотя изъ Самары были тогда же посланы корреспонденцiи въ столичныя, болѣе независимыя и болѣе либеральныя газеты, съ просьбою огласить приведенные факты о дѣятельности миссiонеровъ, тѣмъ не менѣе, ни одна изъ газетъ не рѣшилась напечатать о томъ, что творили въ самарскихъ степяхъ отцы-миссiонеры, совмѣстно съ становыми приставами и урядниками.

Тогда самарцы обратились ко Льву Николаевичу съ просьбой о помощи,—и онъ тотчасъ же откликнулся на эту просьбу. Благодаря авторитету Толстого, возмутительные факты получили, наконецъ, огласку. Въ газетахъ появились извѣстiя, въ которыхъ были поименно перечислены крестьяне-молокане Самарской губернiи, у которыхъ отобраны были дѣти. Эти извѣстiя, разумѣется, тотчасъ же были перепечатаны какъ русскими, такъ и заграничными изданiями. И если русскiя газеты не смѣли дать волю чувствамъ негодованiя по поводу неслыханныхъ подвиговъ самарскихъ отцовъ-миссiонеровъ, то заграничная печать, конечно, не стѣснялась въ своихъ сужденiяхъ при оцѣнкѣ этихъ вопiющихъ фактовъ. Съ глубокимъ изумленiемъ и негодованiемъ узналъ культурный мiръ о томъ, что̀ совершалось у насъ въ поволжскихъ степяхъ.

Но Левъ Николаевичъ не ограничился однимъ оглашеніемъ въ печати насилій, совершенныхъ православными миссіонерами ad majorem Dei gloriam. Онъ старается использовать свои связи съ цѣлью добиться скорѣйшаго освобожденія молоканскихъ дѣтей изъ монастырей и возвращенія ихъ къ родителямъ.

Дочь великаго писателя, графиня Татьяна Львовна Толстая, лично отправилась къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, чтобы просить за несчастныхъ молоканъ. К. П. Побѣдоносцевъ увѣрилъ графиню, что дѣти молоканъ будутъ немедленно возвращены ихъ родителямъ, и заявилъ, что вся эта исторія произошла единственно вслѣдствіе того, что самарскія духовныя власти „черезчуръ переусердствовали“.

Послѣ этого весьма естественно было ожидать, что иниціаторы и виновники насильственнаго отобранія дѣтей отъ родителей, насильственнаго заключенія ихъ въ монастыри и, наконецъ, насильственнаго крещенія ихъ по православному обряду понесутъ должное наказаніе, что у нихъ разъ навсегда будетъ отнята возможность въ будущемъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Можно было думать, что церковнымъ управленіемъ и духовными властями дано будетъ хотя какое-нибудь нравственное удовлетвореніе глубоко оскорбленному и возмущенному народно-общественному чувству.

Ничего подобнаго, однако, не случилось.

Л. Н. Толстой въ Москвѣ.

Лѣтомъ 1909 года московскія газеты были полны описаніями грандіозной демонстраціи, устроенной населеніемъ Москвы „великому писателю земли русской“ во время его проѣзда черезъ этотъ городъ.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Москва устроила Толстому царскія проводы, какъ и подобаетъ „Льву Великому“. Такъ звалъ геніальнаго писателя покойный В. В. Стасовъ, горячій его почитатель и поклонникъ.

Экспромптомъ, безъ всякихъ приготовленій, воспользовавшись мимолетнымъ посѣщеніемъ Льва Николаевича, москвичи поспѣшили выразить ему чувства своего уваженія, своей симпатіи, своего благоговѣнія и восторга.

Конечно, не одна Москва любитъ, уважаетъ и цѣнитъ Толстого. Это чувство, эту любовь, безъ сомнѣнія, раздѣляетъ вся мыслящая Россія, за исключеніемъ ничтожной горсти тѣхъ людей, въ глазахъ которыхъ онъ является лишь еретикомъ и ересіархомъ, отлученнымъ отъ Церкви, — онъ, который такъ безконечно много сдѣлалъ для укрѣпленія религіозной идеи

въ сердцахъ не только русскихъ людей, но и всего современнаго человѣчества.

И тѣмъ не менѣе, однако, нельзя отрицать, что между Москвой и Толстымъ издавна установились особыя связи, особыя нити, закрѣпляющія тѣ чувства, о которыхъ мы только что упомянули. Москва была близка Толстому не только географически. Онъ часто бывалъ въ этомъ городѣ, подолгу живалъ въ немъ, съ Москвой у него связана цѣлая масса воспоминаній изъ разныхъ эпохъ его жизни, начиная съ ранней молодости и кончая годами глубокой старости.

Но особенно онъ сблизился съ Москвой въ 80-хъ годахъ, со времени своего переѣзда въ этотъ городъ. Несмотря на все его предубѣжденіе противъ городской столичной жизни, Левъ Николаевичъ принужденъ былъ покинуть Ясную Поляну и переселиться со всей своей семьей въ Москву, такъ какъ старшій его сынъ, Сергѣй Львовичъ, поступилъ тогда въ московскій университетъ.

Это было осенью 1881 года. Родители не хотѣли разстаться съ сыномъ, тѣмъ болѣе, что и другія дѣти также подрастали и не могли уже болѣе довольствоваться домашнимъ образованіемъ. Съ этихъ поръ Левъ Николаевичъ началъ проводить значительную часть года въ Москвѣ.

Зиму 1881 — 1882 года Толстой вмѣстѣ съ семьей прожилъ въ домѣ князя Волконскаго,

въ Денежномъ переулкѣ, но уже на слѣдующій годъ графиня Софья Андреевна пріобрѣла въ собственность, для жизни въ Москвѣ, двухъ-этажный барскій особнякъ, съ обширнымъ дворомъ и садомъ, въ Хамовникахъ, въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ, близъ Дѣвичьяго поля.

Личная близость, личное непосредственное вліяніе, личныя встрѣчи и знакомства—все это, разумѣется, въ сильнѣйшей степени способствовало широкой популярности Толстого въ Москвѣ, среди московскаго населенія.

Проводя значительную, а иногда и большую часть года въ Москвѣ, Левъ Николаевичъ, благодаря своей кипучей натурѣ и необыкновенной подвижности, постоянно приходилъ въ соприкосновеніе съ огромной массой лицъ и кружковъ изъ самыхъ различныхъ слоевъ московскаго населенія. Гдѣ только онъ не бывалъ, съ кѣмъ только онъ не знакомился!

Великосвѣтскіе салоны титулованныхъ аристократовъ, въ родѣ Алсуфьевыхъ и Зубовыхъ, профессорскіе журфиксы, литературные кружки, народныя аудиторіи, сходки молодежи, засѣданія ученыхъ обществъ, сектантскія собранія, проповѣди пашковцевъ, жизнь босяковъ московскихъ притоновъ, положеніе арестантовъ въ тюрьмахъ, разные радикальные и нигилистическіе кружки, вплоть до „нелегальныхъ“— все это живо, горячо занимало его и волновало.

Уже въ то время у него не было никакого другого костюма, кромѣ блузы,— темной, шерстяной — зимой, и свѣтлой, парусиновой — лѣтомъ. Въ этомъ костюмѣ онъ появлялся вездѣ и всюду, не исключая и аристократическихъ гостиныхъ московской знати.

Зимой, выходя на улицу, онъ всегда одѣвалъ нагольный полушубокъ, довольно-таки заношенный. Въ этомъ костюмѣ его нерѣдко можно было встрѣтить на улицахъ Москвы, а также на конкахъ, сидящимъ всегда, подобно Виктору Гюго, наверху, среди сѣрой публики и рабочаго люда.

Извозчиковъ Левъ Николаевичъ отрицалъ и прибѣгалъ къ нимъ лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Точно такъ же онъ почти не пользовался и собственными лошадьми, если не считать обычныхъ для него поѣздокъ верхомъ. Разъ какъ-то я встрѣтилъ его на площади Страстного монастыря, ѣдущимъ въ деревенскихъ санкахъ, на собственной лошади, безъ кучера. Такъ какъ въ санкахъ не было устроено сидѣнья, то поэтому Левъ Николаевичъ сидѣлъ на днѣ санокъ.

Большею же частью всѣ свои экскурсіи по Москвѣ онъ дѣлалъ пѣшкомъ. Разумѣется, подобныя похожденія весьма часто сопровождались интересными встрѣчами и наблюденіями. По этому поводу мнѣ припоминается одинъ разсказъ Льва Николаевича о его встрѣчѣ съ

Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Это было зимою 1881 года.

— Я подошелъ къ конкѣ, что у Тверскихъ воротъ, — разсказывалъ Левъ Николаевичъ,— и хотѣлъ уже садиться, чтобы ѣхать на Никольскую. Смотрю — несется рысакъ, а въ саняхъ сидитъ знакомый человѣкъ. Я сразу узналъ Аксакова, хотя и давно уже не видался съ нимъ. Въ то время, какъ лошадь поровнялась со мной, я снялъ шапку и крикнулъ: „Здравствуйте, Иванъ Сергѣевичъ!..“ Онъ услыхалъ, обернулся, увидѣлъ меня, но, конечно, не узналъ: во-первыхъ, мы давно не видались, во-вторыхъ, мой костюмъ: я былъ въ полушубкѣ. Но онъ очень хорошо видѣлъ, что какой-то старикъ, въ полушубкѣ, кланяется ему, привѣтствуетъ его. Онъ оглянулся, посмотрѣлъ и—проѣхалъ мимо, не остановившись...

— Это былъ экзаменъ его народолюбію и народничеству, — улыбаясь, закончилъ Левъ Николаевичъ свой разсказъ.—И онъ, какъ говорятъ гимназисты, блистательно срѣзался на этомъ экзаменѣ.

Живя въ Москвѣ, Толстой знакомился съ художниками, литераторами, учеными, свѣтскими дамами, съ чиновниками, сектантами, земскими и городскими дѣятелями, студентами, старообрядцами, рабочими, мастеровыми, торговцами, революціонерами. Мнѣ извѣстно, что Левъ Николаевичъ былъ лично знакомъ съ старообрядческимъ московскимъ епископомъ Сав-

ватіемъ, видѣлся съ нимъ и не разъ бесѣдовалъ. Однажды я встрѣтилъ Льва Николаевича на собраніи пашковцевъ, бывшемъ у Л. Ф. Сомовой.

Въ числѣ восторженныхъ поклонницъ Л. Н. была одна глубокая старушка, Анастасія Васильевна Дмоховская, мать того Дмоховскаго, который въ 1874 году былъ осужденъ по дѣлу Долгушина за антиправительственную пропаганду въ каторжныя работы и умеръ въ иркутской тюрьмѣ. Старушка обожала Толстого, чуть не молилась на него, была счастлива, когда ей удавалось повидать его, поговорить съ нимъ.

Все, что выходило изъ-подъ пера Льва Николаевича, она жадно и тщательно собирала и усиленно распространяла среди своихъ знакомыхъ. А знакомство у нея было большое и весьма разнообразное.

Между прочимъ, у нея было не мало знакомыхъ изъ радикальныхъ и революціонныхъ кружковъ того времени. Изъ этой категоріи ея знакомыхъ я особенно хорошо помню Сергѣя Андреевича Иванова, жившаго въ то время въ Москвѣ „на нелегальномъ положеніи“. Послѣ разгрома „Народной Воли“ въ началѣ 80-хъ годовъ и ареста главныхъ участниковъ этой организаціи С. А. Ивановъ являлся въ то время однимъ изъ видныхъ представителей „народовольческаго“ направленія.

Узнавъ отъ Дмоховской, что Толстой интересуется революціоннымъ движеніемъ и сочув-

ственно относится къ положенію политическихъ ссыльныхъ, С. А. Ивановъ началъ просить Анастасію Васильевну устроить ему свиданіе съ Толстымъ.

Старушка съ энтузіазмомъ взялась за исполненіе этой просьбы, и, дѣйствительно, вскорѣ же ей удалось получить согласіе Льва Николаевича. Назначенъ былъ вечеръ, когда Толстой и С. А. Ивановъ должны были прійти къ Дмоховской, жившей тогда вмѣстѣ съ своей дочерью Аделаидой, въ меблированныхъ комнатахъ на Арбатѣ, близъ Арбатскихъ воротъ.

Присутствуя при этомъ свиданіи, я былъ свидѣтелемъ чрезвычайно интереснаго разговора Толстого, какъ всегда, конечно, отрицавшаго всякое насиліе, съ убѣжденнымъ революціонеромъ, который глубоко вѣрилъ въ необходимость и цѣлесообразность самыхъ крайнихъ средствъ борьбы.

Толстой внимательно выслушивалъ своего оппонента и спокойно доказывалъ полнѣйшую безполезность подобнаго рода „актовъ“ для достиженія общаго счастія. Между прочимъ, онъ сказалъ своему случайному собесѣднику:

— Если бы въ вашемъ распоряженіи былъ такой аппаратъ, на электрическую кнопку котораго стоило бы только нажать, чтобы тотчасъ же совершить „актъ“ противъ любого изъ намѣченныхъ вами лицъ, то и тогда подобная дѣятельность оказалась бы совершенно без-

плодной и безполезной и не приблизила бы людей ни къ счастью, ни къ свободѣ...

Они разстались, разумѣется, не убѣдивши другъ друга. Вскорѣ послѣ этого С. А. Ивановъ былъ арестованъ, а затѣмъ, послѣ суда, заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, въ которой и просидѣлъ около двадцати лѣтъ, до самой амнистіи.

Когда въ дни свободъ судьба снова столкнула меня съ нимъ, онъ вспоминалъ о вечерѣ, проведенномъ въ обществѣ Толстого, какъ объ одномъ изъ самыхъ яркихъ моментовъ своей жизни на волѣ...

Внимательное отношеніе Толстого къ людямъ самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, его любовь и глубокій интересъ къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ — все это сказывалось на каждомъ шагу въ московскій періодъ жизни Льва Николаевича. Въ этой чертѣ чувствуется романистъ, художникъ большихъ полотенъ, широко захватывающихъ жизнь, авторъ колоссальныхъ произведеній, воспроизводящихъ цѣлыя историческія эпохи, во всемъ ихъ огромномъ разнообразіи явленій, типовъ, характеровъ, настроеній.

Съ 80-хъ годовъ Москва, близко познакомившись съ Толстымъ, горячо полюбила его. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что первый и лучшій домъ-музей имени Л. Н. Толстого возникнетъ именно въ Москвѣ.

Письма и записочки Л. Н. Толстого.

Конечно, никогда и никто изъ русскихъ людей не велъ такой огромной, такой колоссальной по своимъ размѣрамъ и по своему внутреннему значенію переписки, какъ именно Левъ Николаевичъ Толстой. Онъ переписывался со множествомъ лицъ, раскиданныхъ не только по всей Россіи, но и по всему свѣту. Среди его корреспондентовъ были и американцы, и японцы, и китайцы, и индусы. Особенно послѣднія тридцать лѣтъ его жизни отличались необычайнымъ усиленіемъ и развитіемъ его корреспонденціи. Кто только не обращался къ нему въ эти годы за разрѣшеніемъ своихъ запросовъ, своихъ сомнѣній, нерѣдко мучительныхъ и наболѣвшихъ!

Въ числѣ его корреспондентовъ были не только люди разныхъ націй, разныхъ расъ, но и самаго различнаго общественнаго положенія: тутъ и сильные міра сего, великіе князья, министры, сенаторы, титулованные аристократы, тутъ и дамы общества, фрейлины, поэты, писатели, художники, общественные дѣятели, священники, земскіе врачи, студенты, курсистки, народныя учительницы, сектанты, юнкера, ма-

тросы, рядовые крестьяне и рабочіе, революціонеры, политическіе ссыльные и заключенные въ тюрьмахъ, вплоть до каторжанки и каторжанина.

Намъ, русскимъ людямъ, да и не только русскимъ, но всѣмъ, кто цѣнитъ и любитъ Толстого, не можетъ не быть дорога каждая строчка геніальнаго художника и великаго учителя жизни. Поэтому на лицахъ, которыя наиболѣе близко стояли къ Толстому, лежитъ священный долгъ возможно скорѣе собрать всю переписку Льва Николаевича и издать ее въ свѣтъ. Всего лучше, если бы они сдѣлали это при активномъ участіи такого компетентнаго и авторитетнаго учрежденія, какимъ является Академія Наукъ. Для каждаго ясно, что задача эта совершенно непосильна отдѣльнымъ, частнымъ лицамъ, что̀ наглядно доказала, между прочимъ, попытка г. Сергѣенко, издавшаго недавно два тома „писемъ Льва Николаевича Толстого“. Несмотря на всю энергію, проявленную г. Сергѣенко, ему удалось собрать лишь 562 письма,—цифра совершенно ничтожная сравнительно съ общимъ числомъ всѣхъ писемъ Толстого. Даже по самому скромному подсчету количество писемъ, написанныхъ Толстымъ, нужно считать многими *тысячами*.

Въ виду этого было бы крайне желательно, чтобы лица, располагающія письмами Льва Николаевича, поспѣшили опубликованіемъ ихъ и затѣмъ передачей ихъ въ Академію Наукъ, ко-

торая, повидимому, серьезно озабочена мыслью объ увѣковѣченіи памяти Толстого и съ этой цѣлью организовала уже особый комитетъ.

Такъ какъ въ нашихъ рукахъ имѣется около 20 писемъ и записочекъ, полученныхъ нами въ разное время отъ Льва Николаевича, которыя до сихъ поръ нигдѣ напечатаны не были [1]), то поэтому мы рѣшили опубликовать ихъ и затѣмъ передать въ Академію Наукъ. Первая изъ записочекъ относится къ 1885 году, а послѣднее письмо къ 1907 году. Къ сожалѣнію, въ данную минуту у насъ недостаетъ нѣкоторыхъ, очень немногихъ, впрочемъ, писемъ Льва Николаевича изъ числа полученныхъ нами отъ него.

И письма и записочки Толстого приводятся нами здѣсь полностью, при чемъ мы не позволяемъ себѣ, конечно, измѣнять въ нихъ ни одного слова. Но чтобы содержаніе этихъ писемъ и записочекъ было вполнѣ понятно читателямъ, мы считаемъ необходимымъ со своей стороны предпослать имъ нѣсколько словъ относительно повода, вызвавшаго то или другое письмо, пользуясь при этомъ своими личными воспоминаніями.

---

1) За исключеніемъ лишь одного письма отъ 12 сентября 1902 года, которое было напечатано въ журналѣ „Солнце Россіи“ за 1910 годъ, № 3.

I.

На почвѣ сектантства.

Благодаря печати, слухи о томъ, что Толстой съ живымъ интересомъ и сочувствіемъ относится къ русскому сектантству, уже въ началѣ 80-хъ годовъ получили большое распространеніе въ народѣ. И вотъ представители разныхъ сектъ начинаютъ стремиться повидать Толстого, посѣтить его въ Москвѣ, завязать съ нимъ сношенія. И Левъ Николаевичъ очень охотно знакомится съ этими людьми, внимательно выслушиваетъ ихъ и нерѣдко проводитъ съ ними цѣлые вечера въ разговорахъ о вѣрѣ, о томъ, какъ слѣдуетъ понимать ученіе Христа и какъ нужно проводить его въ жизнь.

Зная, что меня весьма интересовали встрѣчи съ людьми, задающимися религіозными исканіями, Толстой нерѣдко направлялъ ко мнѣ тѣхъ сектантовъ, которые навѣщали его. Такъ, напримѣръ, однажды, весной 1885 года, онъ прислалъ ко мнѣ молоканина, Сергѣя Петровича Степанова, снабдивши его клочкомъ бумаги, на которомъ рукою Льва Николаевича было написано: „Пругавинъ Александръ Степановичъ. Отъ Л. Н. Толстого“.

Податель этой записки, крестьянинъ села Песокъ, Воронежской губерніи, С. П. Степановъ пользовался извѣстностью среди молокан-

скаго населенія этой губерніи, какъ хорошій знатокъ ученія „духовныхъ христіанъ“. Въ то время ему можно было дать около 55 лѣтъ отроду; живъ ли онъ въ настоящее время—я не имѣю свѣдѣній, такъ какъ давно уже потерялъ его изъ вида.

Въ другой разъ—не помню точно когда—ко мнѣ явился молодой человѣкъ, въ поддевкѣ, косовороткѣ и высокихъ сапогахъ, и подалъ листокъ бумаги, сложенный пополамъ. Съ наружной стороны листка рукою Льва Николаевича былъ написанъ мой подробный адресъ: „Тверская, подлѣ Англійскаго клуба, меблированныя комнаты „Англія“, 12“, и затѣмъ мое имя, отчество и фамилія. Въ запискѣ стояло:

„Александръ Степановичъ!

Ѳедоръ Алексѣевичъ Желтовъ, духовный христіанинъ (молоканинъ) Нижегородской губерніи, заѣхалъ ко мнѣ въ Москвѣ. Вамъ хорошо познакомиться.

Л. Толстой“.

На словахъ Желтовъ сообщилъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ просилъ меня, если я свободенъ, въ тотъ же день вечеромъ прійти къ нему, что тамъ будетъ онъ, Желтовъ, и его мать Марія Ивановна, тоже молоканка. Разговорившись съ Желтовымъ, я убѣдился, что имѣю передъ собой довольно развитого и на-

читаннаго крестьянина, глубоко убѣжденнаго въ непреложности ученія „духовныхъ христіанъ“.

Вечеромъ, придя къ Толстому, я засталъ его за работой: засучивъ рукава своей блузы до локтя, онъ усердно шилъ сапоги. Въ то время,— приблизительно около половины 80-хъ годовъ,— онъ особенно увлекался пилкой дровъ и шитьемъ сапоговъ. Злые языки немало острили въ то время по этому поводу. Такъ, между прочимъ, москвичи разсказывали, что первые сапоги, которые были сработаны Львомъ Николаевичемъ и которые были подарены имъ своему письмоводителю или переписчику, черезъ недѣлю же расползлись настолько, что не держались на ногахъ.

О судьбѣ второй пары сапогъ, сработанныхъ Толстымъ, существовалъ такой разсказъ. Онъ подарилъ эту пару своему давнишнему пріятелю, поэту Фету. Тотъ былъ очень доволенъ этимъ подаркомъ, но заявилъ, что, конечно, онъ никогда не будетъ носить этихъ сапогъ, а поставитъ ихъ въ витрину, подъ стекло, и затѣмъ пожертвуетъ въ музей, какъ „необыкновенное и замѣчательное произведеніе“ графа Л. Н. Толстого... Но возвращаюсь къ разсказу.

Вокругъ Толстого были его дочери: Татьяна и Марія, а также, сколько помнится, m-lle Философова и еще какая-то барышня, очевидно, подруга дочерей. Вскорѣ Левъ Николаевичъ прекратилъ работу и перешелъ со мной въ свою

комнату, столь хорошо всѣмъ знакомую и извѣстную по множеству описаній.

Пришли Желтовъ и его мать, и начался разговоръ на религіозныя темы, въ которомъ Толстой принялъ очень дѣятельное участіе. Мать Желтова оказалась женщиной умной, разсудительной, обладавшей прекраснымъ, чисто народнымъ говоромъ, какимъ отличаются поволжскіе жители. Держалась она просто, спокойно, съ достоинствомъ. На Льва Николаевича,—какъ онъ самъ потомъ говорилъ,—она произвела самое благопріятное впечатлѣніе.

Желтовы и сейчасъ попрежнему живутъ въ селѣ Богородскомъ, на Окѣ, занимаясь, главнымъ образомъ, шорнымъ мастерствомъ. На Нижегородской ярмаркѣ у нихъ имѣется своя лавка, которую каждый молоканинъ, пріѣзжающій на ярмарку, считаетъ своей обязанностью посѣтить. Въ настоящее время Ѳ. А. Желтовъ является дѣятельнымъ сотрудникомъ молоканскаго журнала „Духовный Христіанинъ“; кромѣ того, онъ занимается составленіемъ разсказовъ для народнаго чтенія и принимаетъ живое участіе въ мѣстныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.

Кромѣ сектантовъ, Левъ Николаевичъ нерѣдко направлялъ ко мнѣ и тѣхъ лицъ, которыя почему-нибудь интересовались религіозными движеніями русскаго народа и задавались цѣлью изучить наше сектантство и старообрядчество. Такъ, напримѣръ, однажды онъ напра-

вилъ ко мнѣ извѣстнаго профессора пражскаго университета Масарика, бывшаго въ то время въ Москвѣ, при слѣдующемъ письмѣ:

„Александръ Степановичъ!

Мой хорошій знакомый и очень хорошій человѣкъ Ѳома Осиповичъ Масарикъ, — профессоръ философіи въ Прагѣ,—желаетъ по моему совѣту познакомиться съ вами.—Увѣренъ, что вы понравитесь и будете полезны другъ другу.

Вашъ Л. Толстой".

Къ сожалѣнію, г. Масарикъ меня не засталъ и такимъ образомъ мнѣ не пришлось познакомиться съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

И впослѣдствіи, уже гораздо позднѣе, Левъ Николаевичъ не переставалъ направлять ко мнѣ лицъ, интересовавшихся русскимъ сектантствомъ вообще или же той или другой изъ нашихъ сектъ въ отдѣльности. Такъ, въ 1904 году онъ направилъ ко мнѣ Елизавету Владиміровну Молоствову, которая по его же совѣту и указанію занялась собираніемъ свѣдѣній о сектѣ „Десного братства", послѣдователи которой извѣстны болѣе подъ именемъ „іеговистовъ".

II.

Въ голодовку 1899 года.

Въ 1898 году все среднее Поволжье и примыкающія къ нему юго-восточныя губерніи были поражены полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ и травъ.

... Хлѣбъ на поляхъ не родился.
Сдѣлался голодъ. Народъ умиралъ...

Особенно печальныя извѣстія шли изъ Казанской, Самарской, Симбирской и Уфимской губерній. Подъ вліяніемъ голода крестьяне распродавали за безцѣнокъ скотъ и домашній скарбъ; но это лишь на короткое время избавляло ихъ отъ крайней и острой нужды, которая росла все болѣе и болѣе. Появились болѣзни и эпидеміи,—всегдашніе, вѣчные спутники голода.

Чтобы дать представленіе о тѣхъ размѣрахъ, которыхъ достигло народное бѣдствіе, достаточно напомнить, что число больныхъ цынгою только въ трехъ губерніяхъ: Самарской, Казанской и Симбирской, весною 1899 года доходило до 100.000 человѣкъ.

Голодовка 1898—99 года застала меня въ городѣ Самарѣ, который въ силу своего географическаго положенія являлся естественнымъ центромъ района, наиболѣе пострадавшаго отъ неурожая. Въ то время я состоялъ на службѣ

самарскаго губернскаго земства, въ качествѣ представителя „третьяго элемента“, занимая должность секретаря губернской земской управы.

О томъ, какъ отнеслось правительство того времени, какъ отнеслась правящая бюрократія къ народному бѣдствію, я уже имѣлъ случай говорить въ печати [1]). Поэтому я не буду здѣсь распространяться на эту тему и ограничусь лишь указаніемъ на то, что какъ мѣстная, самарская администрація въ лицѣ вице-губернатора г. Кондоиди, такъ и центральная власть въ лицѣ министра Горемыкина не переставали настойчиво утверждать, что никакого голода нѣтъ, а есть лишь легкій недородъ.

Между тѣмъ въ это самое время по селамъ, деревнямъ и хуторамъ Поволжья дѣти и взрослые пухли отъ голода и разныхъ суррогатовъ, которые они примѣшивали къ хлѣбу, чахли отъ недоѣданія, буквально гнили и разлагались отъ цынги, умирали отъ тифа.

При первыхъ же извѣстіяхъ о голодѣ въ Самарѣ, въ средѣ мѣстной интеллигенціи, возникъ частный кружокъ, который поставилъ себѣ цѣлью оказывать помощь крестьянскимъ дѣтямъ, въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая,—путемъ устройства безплатныхъ столовыхъ. Кружокъ составлялъ воззванія, въ которыхъ выяснялъ размѣры и

---

[1]) „Голодающее крестьянство“. Очерки голодовки 1898—99 гг. Изданіе „Посредника“. М. 1906 г.

степень нужды крестьянскаго населенія, пострадавшаго отъ неурожая, и приглашалъ общество къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ самарцевъ. Опасаясь противодѣйствія администраціи, кружокъ не рѣшался печатать этихъ воззваній въ газетахъ, но онъ усердно разсылалъ ихъ всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, на сочувствіе которыхъ можно было разсчитывать. Сдѣлавшись членомъ этого кружка, я старался путемъ печати знакомить русское общество съ тѣмъ, что творилось тогда въ Самарской губерніи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1899 года ко мнѣ неожиданно явились молокане села Патровки, Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи, возвращавшіеся изъ Москвы, гдѣ они были у Л. Н. Толстого. Это были тѣ самые молокане, съ которыми я познакомился еще въ 1881 году, когда мнѣ пришлось прожить въ ихъ селѣ нѣсколько недѣль для собиранія свѣдѣній о молоканской сектѣ. Въ числѣ ихъ былъ, между прочимъ, и Василій Константиновичъ, — тотъ самый молоканскій начетчикъ, съ которымъ я ѣздилъ изъ Патровки ко Льву Николаевичу, когда онъ жилъ на своемъ хуторѣ.

Пріѣхавшіе изъ Москвы молокане сообщили мнѣ, что Левъ Николаевичъ очень интересуется положеніемъ, въ которомъ находится населеніе Поволжья вслѣдствіе неурожая, и проситъ меня сообщить ему подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣла помощи въ Самарской губерніи.

При этомъ Василій Константиновичъ передалъ мнѣ, что Левъ Николаевичъ выражалъ готовность прислать къ намъ въ Самару часть изъ тѣхъ денегъ, которыя присылаются къ нему въ его распоряженіе для помощи голодающимъ.

Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить желаніе Льва Николаевича и на другой же день отправилъ ему большое письмо, въ которомъ откровенно и подробно описалъ положеніе дѣла въ Самарской губерніи, насколько оно было мнѣ извѣстно. Спустя дня три послѣ этого, 23 февраля, поздно вечеромъ, вернувшись съ засѣданія самарскаго частнаго кружка, я нашелъ у себя телеграмму изъ Москвы отъ Л. Н. Толстого, который спрашивалъ разрѣшенія напечатать въ газетахъ мое письмо къ нему. Конечно, я поспѣшилъ отвѣтить, что ничего не имѣю противъ напечатанія моего письма и что вообще предоставляю его въ полное его распоряженіе.

Вслѣдъ за этимъ въ № 62 „Русскихъ Вѣдомостей“, отъ 4 марта, Левъ Николаевичъ помѣстилъ мое письмо къ нему съ нѣкоторыми очень незначительными сокращеніями, вызванными, очевидно, цензурными соображеніями. Я, разумѣется, не буду приводить здѣсь моего письма, тѣмъ болѣе, что оно занимаетъ много мѣста; къ тому же письмо это цѣликомъ перепечатано въ моей книгѣ „Голодающее крестьянство“.

Левъ Николаевичъ, помѣщая мое письмо, предпослалъ ему отъ себя нѣсколько словъ,

при чемъ сообщилъ краткій отчетъ въ тѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, которыя были получены имъ для помощи голодающимъ. Перечисливъ полученныя имъ суммы и указавъ то употребленіе, которое онъ сдѣлалъ изъ нихъ согласно волѣ жертвователей, Левъ Николаевичъ писалъ:

„Изъ остальныхъ 3.925 рублей посылаю 3.101 руб. самарскому кружку для помощи нуждающимся на имя Ал. Ст. Пругавина. Остающіеся 903 руб., такъ же какъ и нѣкоторыя не полученныя еще съ почты и не вписанныя пожертвованія, направляю или въ Казанскую губернію, изъ которой ожидаю свѣдѣній отъ поѣхавшаго туда знакомаго, или опять же въ самарскій кружокъ.

„Не имѣя возможности самому ѣхать на мѣста,—писалъ Левъ Николаевичъ,—я прошу жертвователей обращаться прямо къ людямъ, занятымъ распредѣленіемъ помощи: кн. С. И. Шаховскому или А. С. Пругавину, письмо котораго ко мнѣ прилагаю. Письмо это уничтожаетъ всякую возможность сомнѣнія о существованіи нужды въ той мѣстности, которая описывается. Нужда должна быть очень тяжелая.

Левъ Толстой“.

28 февраля 1899 года.

Лично же мнѣ Левъ Николаевичъ писалъ по этому поводу отъ 2 марта.

„Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо ваше напечатаю и посылаю на дѣло вашего кружка 3.101 р. изъ находившихся въ моемъ распоряженіи пожертвованій. Помогай Богъ вамъ и вашимъ сотоварищамъ.

Уважающій и любящій васъ
Левъ Толстой“.

Призывъ Толстого, напечатанный въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, сдѣлалъ свое дѣло. Русское общество горячо отозвалось на этотъ призывъ великаго писателя. Пожертвованія, которыя до тѣхъ поръ поступали довольно скудно, вдругъ полились теперь рѣкой. Въ короткій срокъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, нашъ самарскій кружокъ получилъ болѣе 250 тысячъ руб. Немало пожертвованій получилъ также кружокъ князя С. И. Шаховского, работавшій въ Уфимской губерніи.

Нѣкоторые жертвователи продолжали посылать деньги на имя Льва Николаевича, прося его употребить ихъ по своему усмотрѣнію. И эти деньги онъ также спѣшилъ переслать лично извѣстнымъ ему людямъ, работавшимъ на мѣстахъ голодовки: въ Уфимскую, Казанскую и особенно много—въ Самарскую губернію.

Такъ, 14 апрѣля, бывшій проѣздомъ въ Самарѣ сынъ Толстого, графъ Андрей Львовичъ, передалъ мнѣ отъ отца два банковскихъ перевода на двѣ тысячи двѣсти рублей.

Тронутые довѣріемъ и сочувствіемъ великаго писателя къ нашей скромной дѣятельности, мы, т.-е. я и другіе члены самарскаго частнаго кружка, отправили ему адресъ, въ которомъ горячо благодарили его и выражали ему свои чувства глубокаго уваженія и душевной симпатіи. Адресъ этотъ въ то время былъ полностью напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, 1 мая, Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ:

„Дорогой Александръ Степановичъ!

Посылаю вамъ одну тысячу рублей изъ жертвуемыхъ черезъ меня для нуждающихся и прошу васъ передать ихъ въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности и наиболѣе практическія руки. Очень благодарю васъ и вашихъ сотоварищей за выраженныя мнѣ чувства, которыхъ я не заслуживаю къ сожалѣнію.

Любящій васъ Л. Толстой“.

Въ концѣ мая, 29 числа, Левъ Николаевичъ снова пишетъ:

„Посылаю вамъ, дорогой А. С., часть полученныхъ мною отъ жертвователей денегъ 441 р., прося васъ распредѣлить ихъ наилучшимъ образомъ на помощь страждущимъ.

Желаю вамъ всего лучшаго

Л. Толстой“.

9 іюня Левъ Николаевичъ переводитъ мнѣ по почтѣ 600 рублей, при чемъ на одномъ изъ шести купоновъ, при которыхъ онъ отправлялъ эти деньги, писалъ:

„Посылаю вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, 600 р. изъ пожертвованныхъ черезъ меня. Тутъ есть 461 р. 68 к. изъ Ревельской гимназіи, предназначенные для Самарской и Саратовской и 23 р. исключительно для дѣтей Алексѣевскаго [1]). Будьте добры размѣстить ихъ по назначенію. Радуюсь успѣху вашей дѣятельности.

Левъ Толстой“.

На другомъ купонѣ приписка рукою Льва Николаевича: „Спѣшу посылать деньги. Времени остается мало. Жалко бы было, если бы отъ несвоевременности помощи не покрылась бы та нужда, которая можетъ быть покрыта деньгами.

Левъ Толстой“.

17 іюня Левъ Николаевичъ пишетъ на открыткѣ: „Посылаю вамъ семьсотъ рублей. Спѣшу, чтобы не опоздать.

Л. Толстой“.

А черезъ два дня онъ снова пишетъ:

---

[1]) Село Бузулукскаго уѣзда, сосѣднее съ Патровкой.

„Дорогой Александръ Степановичъ!

Каждый день получаю деньги и спѣшу посылать. Посылаю вамъ 800 р.

Вашъ Л. Толстой“.

Такимъ образомъ, благодаря Льву Николаевичу [1]), мы могли располагать довольно крупными средствами. Это дало намъ возможность значительно расширить свою дѣятельность и прежде всего открыть массу новыхъ столовыхъ для голодающихъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая.

Но въ борьбѣ съ голодомъ, кромѣ средствъ, нужны были *люди*, которые завѣдывали бы столовыми, помогали бы больнымъ, ходили бы за ними и т. д. Такіе люди особенно нужны были въ татарскихъ и другихъ инородческихъ селахъ и деревняхъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ голода и наиболѣе безпомощныхъ вслѣдствіе отсутствія мѣстной интеллигенціи.

И въ этомъ отношеніи Левъ Николаевичъ явился нашимъ добрымъ геніемъ. Онъ началъ направлять къ намъ людей, которыхъ онъ лично зналъ и въ которыхъ былъ увѣренъ. И вотъ къ намъ начали пріѣзжать молодыя ба-

---

[1]) Члены семьи Льва Николаевича также нерѣдко направляли къ намъ, въ Самару, пожертвованія, которыя получались ими изъ разныхъ мѣстъ. Такъ, при письмѣ отъ 16 апрѣля (1899 г.), гр. Татьяна Львовна Толстая выслала мнѣ изъ Москвы 900 рублей, „полученные отъ англійскихъ друзей“.

рышни и молодые люди, съ рекомендаціями отъ Толстого.

Позвольте привести здѣсь одно изъ такихъ писемъ-рекомендацій:

„Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо это вамъ передастъ Юлія Михайловна Комарова. Эта молодая дѣвушка желаетъ работать въ дѣлѣ помощи народу. Я знаю по опыту, какъ бываетъ хорошъ, самоотверженъ и полезенъ трудъ такихъ особъ, и потому надѣюсь, что она будетъ нужна въ томъ дѣлѣ, на которое вы ее направите.

Вашъ Левъ Толстой".

10 марта.

А вотъ другое письмо Льва Николаевича также съ рекомендаціей:

„Дорогой Александръ Степановичъ!

Письмо это передастъ вамъ Любовь Матвѣевна Лепаринская, фельдшерица, очень хорошо и съ самой хорошей стороны мнѣ извѣстная. Трудолюбивая, умная, пріятная въ жизни, она хочетъ служить больнымъ въ вашей губерніи. Направьте ее,—гдѣ нужны хорошіе люди.

Любящій васъ Левъ Толстой".

И я долженъ сказать, что если вообще молодежь обоего пола, являвшаяся къ намъ на

голодъ, работала прекрасно, то дѣятельность людей, которыхъ направлялъ къ намъ Толстой, прямо поражала своей полной самоотверженностью и той сердечной, беззавѣтной любовью, которую эти люди вкладывали въ дѣло помощи обнищавшему и голодавшему населенію селъ и деревень.

III.

Изъ позднѣйшихъ писемъ Л. Н. Толстого.

Охарактеризованная нами выше политика Святѣйшаго Синода, во главѣ котораго стоялъ все тотъ же Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, къ началу только что минувшаго десятилѣтія достигаетъ своего апогея. Людей, которые желали вѣрить такъ, какъ подсказывала имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее чувство, а не такъ, какъ требовалъ Св. Синодъ и православные отцы и господа миссіонеры, подвергали суровымъ, а подчасъ и жестокимъ преслѣдованіямъ.

Дѣло доходило до того, что нерѣдко людей, заподозрѣнныхъ въ уклоненіи отъ православія, въ отпаденіи отъ господствующей церкви, арестовывали и заключали въ Суздальскую крѣпость или, какъ она называлась официально, въ „арестантское отдѣленіе Спасо-Евфиміева монастыря“.

Заключали безъ всякаго суда, а нерѣдко даже и безъ слѣдствія, по одному доносу православнаго миссіонера и по дознанію, произведенному какимъ-нибудь членомъ духовной консисторіи. И держали цѣлые годы въ сырыхъ, холодныхъ и мрачныхъ казематахъ монастырской тюрьмы.

Когда лѣтомъ 1902 года мнѣ удалось посѣтить Суздаль и Спасо-Евфиміевъ монастырь, а также проникнуть въ секретный архивъ этого монастыря, гдѣ хранятся „арестантскія дѣла“,— я пришелъ въ ужасъ отъ того, что мнѣ пришлось тамъ узнать, увидѣть и услышать. Суздальская монастырская тюрьма оказалась наполненной заключенными, изъ которыхъ нѣкоторые сидѣли уже по 5, по 10, по 15 и даже по 20 лѣтъ.

Я рѣшилъ опубликовать то, что мнѣ удалось узнать о монастырской тюрьмѣ и объ ея узникахъ. Но, зная по горькому опыту, насколько была терроризирована въ то время наша печать Побѣдоносцевымъ, я плохо надѣялся на то, что найдется русскій органъ, который рѣшится выступить съ обличеніемъ вопіющихъ беззаконій, совершаемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ при активномъ участіи и дѣятельномъ содѣйствіи гражданской власти.

Поэтому я и обратился ко Льву Николаевичу съ большимъ письмомъ, въ которомъ, сообщивъ ему подробно о Суздальской крѣпости, спра-

шивалъ его совѣта: возможно ли, по его мнѣнію, огласить въ русской печати собранные мною факты или же слѣдуетъ обратиться къ содѣйствію заграничной печати?

Левъ Николаевичъ не замедлилъ отозваться на мое обращеніе къ нему письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Очень благодаренъ вамъ, дорогой Александръ Степановичъ, за ваше письмо и за тѣ свѣдѣнія, которыя вы сообщаете въ немъ.

„Разумѣется, надо употребить всѣ средства для оглашенія этихъ темныхъ дѣлъ. Но какъ? Я думаю, что надо и то и другое, т.-е., смягчивъ, сколь возможно, попытаться напечатать въ русскихъ изданіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изложить вполнѣ въ заграничныхъ.

„Все у васъ прекрасно изложено и производитъ сильное впечатлѣніе, но описаніе состоянія Золотницкаго [1]) надо или вовсе выпустить или значительно сократить. А то это можетъ подать поводъ къ разсужденію о томъ, что вы черты, свойственныя личности, переносите на послѣдствія заключенія. И безъ этого описаніе всего ужасно. Мы читали вслухъ и чтеніе безпрестанно прерывалось восклицаніями негодованія.

---

[1]) Священникъ П. Ф. Золотницкій за переходъ къ старообрядцамъ былъ заключенъ въ Суздальскую крѣпость, въ которой ему и пришлось просидѣть *болѣе тридцати лѣтъ*. Онъ былъ освобожденъ изъ крѣпости въ 1901 году.

„Я давно знаю Суздальскую тюрьму. Мнѣ удалось содѣйствовать освобожденію оттуда трехъ старообрядческихъ архіереевъ, взятыхъ въ Турціи. Кромѣ того, Маклаковъ—Николай—женатый на моей внучкѣ, былъ въ самой тюрьмѣ года четыре тому назадъ. Очень-очень желалъ бы содѣйствовать распространенію свѣдѣній объ этомъ. Располагайте мною.

Дружески жму вашу руку

Левъ Толстой“.

1902 г. 12 сентября.

Письмо это, конечно, лишній разъ доказываетъ горячую, сердечную отзывчивость Льва Николаевича на всякій запросъ, обращенный къ нему. Онъ, видимо, принялъ близко къ сердцу судьбу суздальскихъ узниковъ и со своей стороны выразилъ полную готовность „содѣйствовать“ опубликованію фактовъ грубаго произвола и насилія. Конечно, я рѣшилъ воспользоваться столь любезно предложеннымъ мнѣ „содѣйствіемъ“ и тотчасъ же засѣлъ за статью о монастырскихъ узникахъ.

Въ то же время, заинтересовавшись словами Льва Николаевича въ его письмѣ о томъ, что ему удалось содѣйствовать освобожденію изъ Суздальской тюрьмы трехъ старообрядческихъ архіереевъ, я обратился къ нему съ просьбой сообщить мнѣ, если возможно, болѣе подробныя свѣдѣнія по этому поводу, т.-е. въ чемъ именно

выразилось его содѣйствіе въ дѣлѣ освобожденія епископовъ-узниковъ [1]).

Въ отвѣтъ на свой запросъ я получилъ письмо отъ дочери Льва Николаевича кн. Маріи Львовны Оболенской, которая писала мнѣ: „Мой отецъ, Левъ Николаевичъ, будучи самъ не совсѣмъ здоровъ эти послѣдніе дни, поручилъ мнѣ отвѣтить на ваше письмо слѣдующее:

„1) Онъ очень одобряетъ ваше намѣреніе относительно статьи о монастырскихъ заточеніяхъ и радъ будетъ посодѣйствовать ея распространенію и напечатанію.

„2) Относительно его участія въ освобожденіи епископовъ дѣло было такъ: онъ былъ знакомъ съ тульскимъ раскольничьимъ архіереемъ Савватіемъ, а этотъ Савватій и разсказалъ отцу о заточенныхъ. Отецъ же передалъ его разсказъ своему пріятелю, тогдашнему тульскому вице-губернатору Урусову (Леониду Дмитріевичу), который, въ свою очередь, разсказалъ объ этомъ министру Игнатьеву. Игнатьевъ и устроилъ ихъ освобожденіе.

„Отецъ просилъ передать вамъ его привѣтъ и благодарность за ваше письмо“.

Въ настоящее время выясняется, что Левъ Николаевичъ не только черезъ кн. Урусова хлопоталъ объ освобожденіи старообрядческихъ

---

[1]) Судьба этихъ епископовъ-узниковъ, давно интересовавшая меня, была подробно описана въ моей брошюрѣ, изданной „Посредникомъ“ въ 1908 году подъ заглавіемъ: „Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости“.

архіереевъ, но и писалъ объ этомъ своей теткѣ, камеръ-фрейлинѣ А. А. Толстой, пользовавшейся особымъ уваженіемъ Александра III.

„У меня двѣ просьбы къ вамъ, т.-е. черезъ васъ къ Государю и Императрицѣ, — писалъ Левъ Николаевичъ Александрѣ Андреевнѣ.—Не бойтесь. Надѣюсь, что просьбы такъ легки, что вамъ не придется мнѣ отказать. Просьба къ Императрицѣ даже такова, что я увѣренъ, что она будетъ благодарна вамъ. Просьба черезъ нее къ Государю—за трехъ стариковъ, раскольничьихъ архіереевъ (одному 90 лѣтъ, двумъ около 60, четвертый умеръ въ заточеніи), которые 22 года сидятъ въ заточеніи въ Суздальскомъ монастырѣ. Имена ихъ: Кононъ, Геннадій, Аркадій.

„Когда я узналъ про нихъ, я не хотѣлъ вѣрить, какъ и вы, вѣрно, не повѣрите, что четыре старика сидятъ за свои религіозныя убѣжденія въ тяжеломъ заключеніи 23 года [1])... Вы знаете лучше меня—можно или нѣтъ просить за нихъ и освободить ихъ. А какъ бы хорошо было освободить ихъ въ эти дни [2]). Мнѣ кажется, что нашей доброй Императрицѣ такъ идетъ ходатайство за такихъ людей“.

Приводя эту выдержку изъ письма, которое напечатано въ недавно вышедшемъ сборникѣ

---

[1]) Изъ подлинныхъ архивныхъ дѣлъ видно, что епископъ Аркадій сидѣлъ въ тюрьмѣ 27 лѣтъ, епископъ Кононъ—22 года и епископъ Геннадій—18 лѣтъ.

[2]) На Страстной недѣлѣ.

„Писемъ Л. Н. Толстого“, изданномъ г. Сергѣенко, мы считаемъ необходимымъ указать на явную ошибку, допущенную редакторомъ сборника при опредѣленіи даты этого письма. Письмо это отнесено къ 1883 году, при чемъ въ заголовкѣ письма стоитъ: „Ясная Поляна, 1883 г., мартъ (?)“. Но тутъ очевидная ошибка, такъ какъ Толстой не могъ въ 1883 году просить объ освобожденіи изъ тюрьмы трехъ старообрядческихъ епископовъ, такъ какъ освобожденіе ихъ произошло двумя годами раньше, а именно въ 1881 году и состоялось, какъ и писала кн. М. Л. Оболенская, при содѣйствіи министра Игнатьева, который, какъ извѣстно, въ 1882 году замѣненъ былъ Дмитріемъ Андреевичемъ Толстымъ.

Закончивъ свою статью о монастырскихъ узникахъ, я тогда же переслалъ ее Л. Н. Толстому, съ просьбою попытаться напечатать ее въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ князя Ухтомскаго. Но въ этотъ моментъ редакція газеты „Право“ открыла страницы своего журнала для моихъ статей о монастырскихъ тюрьмахъ вообще и въ частности о Суздальской крѣпости. Такимъ образомъ необходимость въ содѣйствіи Льва Николаевича устранялась сама собой, тѣмъ болѣе, что вскорѣ явились лица, которыя выражали желаніе познакомить съ содержаніемъ этихъ статей и заграничную публику.

Спустя годъ послѣ этого, въ 1903 году, я получилъ отъ Толстого интересное письмо, гдѣ

онъ высказываетъ мысли, которыя онъ собирался развить и доказать въ задуманной имъ тогда новой книгѣ о необходимости религіознаго сознанія и о томъ, что „безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество“. Письмо это было вызвано присылкой ему мною только что вышедшей тогда моей книги: „Религіозные отщепенцы“. Вотъ это письмо:

„Дорогой Александръ Степановичъ!

„Получилъ вашу книгу и очень благодаренъ за нее. Многое—„Бѣлоризцы“, напримѣръ,—было для меня совсѣмъ новое, но и старое я перечелъ съ тѣми же чувствами, которыя испытывалъ прежде: зачѣмъ такъ мало написано въ этомъ родѣ и зачѣмъ то, что написано, такъ мало распространено.

„Книга о томъ, что всѣ наши бѣдствія, съ которыми борются самыми разнообразными, но всегда только палліативными средствами, всѣ происходятъ отъ того, что у нашей интеллигенціи, какъ правительственной, такъ и антиправительственной, нѣтъ не только религіознаго сознанія, но даже понятія о томъ, что безъ религіи никогда не жило и не можетъ жить человѣчество,—такая книга, матеріалы для которой у меня собраны, составляетъ мою мечту. Хотѣлось бы до близкой смерти сдѣлать это кажущееся очень нужнымъ дѣло. И думается, что я могу его сдѣлать. Фетъ остроумно говорилъ: „чѣмъ больше живу, тѣмъ больше ничего не

понимаю“, я же, напротивъ, чѣмъ больше живу, тѣмъ яснѣе понимаю то, чего намъ недостаетъ и надъ чѣмъ мы всѣ должны трудиться.

„Прощайте пока. Дружески жму вашу руку.

27 ноября 1903 года. Л. Толстой“.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось обратиться съ письмомъ ко Льву Николаевичу въ 1906 г. по слѣдующему поводу. Редакція историческаго журнала „Былое“, рѣшивъ посвятить мартовскую книжку своего журнала за 1906 годъ выясненію событія 1 марта 1881 года, задалась цѣлью сгруппировать въ ней свѣдѣнія объ отношеніи къ этому событію и его участникамъ русскихъ выдающихся писателей того времени: Л. Н. Толстого, Владиміра Соловьева, Н. К. Михайловскаго, Н. В. Шелгунова и др.

Зная о моемъ знакомствѣ съ Толстымъ, редакція просила меня написать Льву Николаевичу: не признаетъ ли онъ возможнымъ предоставить ей для напечатанія въ „Быломъ“ копію того письма, которое онъ написалъ государю Александру III въ 1881 году, послѣ того, какъ судъ приговорилъ къ смертной казни шесть человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ женщинъ—Перовскую и Гельфманъ, принимавшихъ участіе въ событіи 1 марта.

Исполняя желаніе редакціи „Былого“, я сообщилъ объ этомъ Толстому, при чемъ писалъ ему, что было бы чрезвычайно важно и интересно одновременно съ его письмомъ Го-

сударю напечатать и то въ высшей степени характерное письмо К. П. Побѣдоносцева, которое онъ написалъ Льву Николаевичу по этому поводу и о которомъ мнѣ лично приходилось слышать отъ Толстого. Одновременно съ этимъ я написалъ также и П. И. Бирюкову, такъ какъ зналъ, что у него, какъ біографа Толстого, находится въ рукахъ много писемъ Льва Николаевича. Въ отвѣтъ на свое обращеніе къ Толстому я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

„Вчера получилъ ваше письмо, милый Александръ Степановичъ, а нынче о томъ же отъ Бирюкова. Мнѣ было бы непріятно посылать отъ себя письмо—да у меня его и нѣтъ, а Павлу Ивановичу (Бирюкову. *А. П.*) это подобаетъ какъ эпизодъ изъ біографіи, которую онъ пишетъ. И я сегодня пишу, что даю ему carte blanche распоряжаться съ письмомъ къ А. III (къ Александру III-му,—*А. П.*), какъ онъ хочетъ. О письмѣ же Побѣдоносцева пишу ему, что для напечатанія его нужно получить на то согласіе Побѣдоносцева. Я думаю можно бы вамъ или Павлу Ивановичу обратиться объ этомъ къ нему.

„Желаю вамъ успѣха въ вашемъ изданіи и вамъ лично всего хорошаго.

Вашъ Л. Толстой“.

1906 г. 3 марта.

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ дорогого, незабвеннаго Льва Николаевича.

Замыслы бюрократіи
противъ Толстого.

I.

Намъ уже приходилось довольно подробно писать [1]) о тѣхъ общественныхъ условіяхъ, при которыхъ среди русской высшей бюрократіи возникла мысль о необходимости заключенія Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. Поэтому на этотъ разъ мы ограничимся изложеніемъ лишь тѣхъ фактическихъ свѣдѣній, какія имѣются въ нашей печати относительно угрожавшей Толстому опасности.

Смутные слухи о томъ, что Льву Толстому грозитъ монастырское заточеніе, проникали отъ времени до времени въ общество, вызывая, конечно, тревогу за любимаго писателя. Однако долгое время ничего опредѣленнаго не было извѣстно. Только въ 1905 году въ одномъ петербургскомъ журналѣ появилась статья, сообщающая нѣкоторыя фактическія данныя, касающіяся замысла русской бюрократіи засадить геніальнаго писателя въ Суздальскій монастырь.

---

[1]) См. «Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ», 2-ое изданіе, стр. 105—111.

Мы говоримъ о статьѣ г. Захарьина, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1905 годъ. Статья основана на разсказахъ бывшей камеръ-фрейлины высочайшаго двора А. А. Толстой, умершей въ Петербургѣ въ 1903 году.

Пользуясь этой статьей, мы приведемъ здѣсь разсказъ графини А. А. Толстой о томъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, замышлялъ заточить въ монастырь „великаго писателя русской земли“. А затѣмъ укажемъ тѣ недоумѣнія, которыя невольно вызываются указанной нами статьей и разъясненіе которыхъ было бы весьма желательно.

Графиня Александра Андреевна Толстая приходилась родной теткой Льва Николаевича. Родившись въ 1817 году, она съ 1846 года находилась всегда при дворѣ въ качествѣ фрейлины, а затѣмъ камеръ-фрейлины. Графиня Толстая знала государя Александра Александровича еще во время его дѣтства; впослѣдствіи, состоя наставницей-воспитательницей его сестры, великой княжны Маріи Александровны, она имѣла возможность знать покойнаго государя очень близко.

Благодаря этой близости, графиня имѣла возможность оказать важныя и серьезныя услуги своему племяннику Льву Николаевичу, котораго она очень любила и художественный талантъ котораго высоко цѣнила. Но само

собою понятно, что она отнюдь не раздѣляла его религіозныхъ и соціальныхъ воззрѣній, которыя всегда были ей совершенно чужды.

По мнѣнію графини Александры Андреевны Толстой, тучи, которыя скопились въ то время— когда именно, мы скажемъ въ слѣдующей главѣ—надъ головой Льва Николаевича, были вызваны газетными нападками на него, газетной травлей московскихъ журналистовъ. Какихъ именно — нетрудно, конечно, догадаться.

„По-моему,—писала графиня,— нѣтъ ничего гаже и печальнѣе, какъ журнальная война. Въ Москвѣ вдругъ зашевелилось цѣлое полчище этихъ подпольныхъ крысъ, которыя силились во что бы то ни стало очернить Льва Николаевича не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, выбрасывая на свѣтъ Божій изъ своей крысиной норы давно забытые литературные его грѣхи, ими же когда-то обглоданные, т.-е. то, что всякій авторъ и поэтъ позволяетъ себѣ тайкомъ (?), въ своей молодости, en guise d'airs de bravoure.

„Затѣмъ, самое худшее разразилось изъ чистой неосторожности Льва Николаевича, который, пренебрегая мнѣніемъ общимъ и, главное, цензурнымъ, допустилъ одного англійскаго журналиста унести съ собою, конечно, не для печати, статью антиправительственную; этотъ же сынъ de la perfide Albion немедленно напечаталъ ее въ своей газетѣ съ заявленіемъ,

что Левъ Николаевичъ далъ ему на то разрѣшеніе.

„Можно себѣ представить,—продолжаетъ графиня Александра Андреевна,—съ какой демонской радостью московскія крысы ухватились за эту статью, цитируя ее въ своихъ „Вѣдомостяхъ“ съ своими, конечно, комментаріями и придавая мыслямъ автора совершенно другой и, разумѣется, еще болѣе худшій смыслъ... Не берусь описывать, какой переполохъ послѣдовалъ по всей Европѣ изъ-за этой статьи, и сколько было придумано московскими журналистами наказаній бѣдному Льву Николаевичу; ему предсказывали Сибирь, крѣпость, изгнаніе изъ Россіи, чуть ли даже не висѣлицу...

„Иностранныя газеты по обыкновенію переполнились подробностями этого инцидента — и въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ я безпрестанно получала отовсюду, не исключая Америки, письма съ просьбой увѣдомить ихъ, къ чему именно приговоренъ извѣстный писатель, мой родственникъ?..

„Въ это время до меня стали доходить петербургскіе слухи, что министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, по наущенію московскихъ публицистовъ, проектируетъ для Льва Николаевича заточеніе въ Суздальскій монастырь, безъ права писать; то-есть ему стали бы отпускать бумагу въ ограниченномъ размѣрѣ, при томъ непремѣнномъ условіи, что новое количество онъ будетъ получать лишь

по возвращеніи (исписаннымъ) того, что было отпущено ему ранѣе“.

Пораженная, потрясенная подобными зловѣщими слухами и толками, графиня Александра Андреевна рѣшаетъ ѣхать сама къ министру, чтобы лично отъ него узнать все.

„Я застала его дома,—разсказываетъ графиня,—и въ большомъ, повидимому, недоумѣніи. Такимъ, по крайней мѣрѣ, недоумѣвающимъ онъ мнѣ представился.

„— Право, не знаю, на что рѣшиться,—сказалъ Д. А. Толстой Александрѣ Андреевнѣ.—Прочтите вотъ всѣ эти доносы на Льва Толстого... Первые, полученные мною, я положилъ подъ сукно; но не могу же я всю эту исторію скрывать отъ государя...

„— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчала графиня,—но вы должны знать, что государь очень любитъ Льва et probablement que cela adoucira ses impressions...

„И вотъ,—говоритъ графиня,—когда я узнала и увидала, какой опасности можетъ подвергнуться Левъ Николаевичъ отъ доклада Дмитрія Андреевича государю и что этотъ докладъ будетъ сдѣланъ на-дняхъ, я рѣшила употребить все свое вліяніе, чтобы его спасти. Я написала государю, что мнѣ очень нужно его видѣть, и просила назначить мнѣ для этого время. Представьте мою радость, когда я вдругъ получила отвѣтъ, что въ тотъ же день государь зайдетъ ко мнѣ самъ.

„Я была сильно взволнована, ожидая его посѣщенія, и мысленно просила Бога помочь мнѣ. Наконецъ государь вошелъ. Я замѣтила, что лицо его утомлено, и онъ былъ чѣмъ-то разстроенъ. Но это не измѣнило моего намѣренія и лишь придало мнѣ большую рѣшимость. На вопросъ государя, что имѣю сказать ему, я отвѣчала прямо:

„— На-дняхъ вамъ будетъ сдѣланъ докладъ о заточеніи въ монастырь самаго геніальнаго человѣка въ Россіи.

„Лицо государя мгновенно измѣнилось: оно стало строгимъ и глубоко опечаленнымъ.

„— Толстого?—коротко спросилъ онъ.

„— Вы угадали, государь,—отвѣчала я.

„— Значитъ, онъ замышляетъ на мою жизнь?—спросилъ государь.

„Я изумилась, но внутренно была обрадована: я подумала, что только *одно это* (преступленіе) могло бы склонить государя къ утвержденію доклада Дмитрія Андреевича.

„Я разсказала государю подробно все, что узнала отъ Дмитрія Андреевича о винѣ Льва, и видѣла, къ величайшей моей радости, что его лицо принимало все болѣе и болѣе свое обычное, кроткое и чрезвычайно ласковое выраженіе. Вскорѣ же государь всталъ, чтобы уйти. Я позволила себѣ при прощаніи сказать лишь одно,—что *не на графа Дмитрія Андреевича,* конечно, обрушится всеобщее, въ Россіи

и за границей, негодованіе въ случаѣ утвержденія его доклада.

„Черезъ два дня я узнала, что государь превзошелъ всѣ мои ожиданія, и его доброта и мудрость разрѣшили вопросъ совершенно инымъ образомъ. Прослушавъ докладъ Дмитрія Андреевича о случившемся и о сильномъ будто бы возбужденіи публики, государь, отклоняя отъ себя докладъ, отвѣтилъ буквально слѣдующее:

„— Прошу васъ Толстого не трогать. Я нисколько не намѣренъ сдѣлать изъ него мученика и обратить на себя всеобщее негодованіе. Если онъ виноватъ, тѣмъ хуже для него.

„Я узнала тогда же, что Дмитрій Андреевичъ вернулся изъ Гатчины, изображая изъ себя, по его словамъ, „вполнѣ счастливаго человѣка“, такъ какъ въ случаѣ утвержденія его доклада и на него, конечно, пало бы не мало нареканій. Онъ это хорошо понималъ и довольно искусно входилъ въ роль „счастливаго“...

II.

Таковъ разсказъ фрейлины А. А. Толстой, видимо, пользовавшейся. особымъ уваженіемъ императора Александра III. Такимъ образомъ разсказъ этотъ вполнѣ подтверждаетъ справедливость тѣхъ слуховъ, которые долгое время ходили въ обществѣ относительно замысловъ нашей бюрократіи противъ Толстого.

Судя по этому разсказу, иниціаторомъ проекта заключенія Льва Толстого въ монастырь является министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ „по наущенію московскихъ публицистовъ“. Насколько это соотвѣтствуетъ дѣйствительности, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Было бы весьма желательно, если бы лица, располагающія болѣе подробными свѣдѣніями объ этой характерной и поучительной исторіи, подѣлились ими въ печати [1]).

Съ своей стороны, мы не можемъ не замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ народная молва иниціативу въ дѣлѣ предполагавшагося заточенія Толстого въ монастырь приписывала другому лицу, другому представителю высшей бюрократіи того времени, а именно бывшему оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву. Но опять-таки за точность этихъ слуховъ и толковъ поручиться, разумѣется, невозможно, хотя враждебное отношеніе покойнаго Побѣдоносцева къ Л. Н. Толстому едва ли можетъ подлежать какому-нибудь сомнѣнію.

Конечно, весьма важнымъ и существеннымъ является вопросъ, къ какому именно году относится только что описанная попытка министра

---

[1]) Лицъ, которыя пожелали бы подѣлиться своими свѣдѣніями по этому поводу съ авторомъ настоящаго очерка, онъ проситъ обращаться къ нему по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Введенская, 17, Александру Степановичу Пругавину.

графа Толстого запереть въ монастырскую тюрьму своего знаменитаго однофамильца?

Къ сожалѣнію, въ разсказѣ А. А. Толстой не указывается точно годъ, когда все это происходило. Г-нъ же Захарьинъ относитъ это происшествіе къ 1886 году. Но устанавливаемая имъ дата противорѣчитъ разсказу графини Толстой.

Дѣло въ томъ, что въ разсказѣ графини весьма опредѣленно намекается на извѣстную исторію съ письмомъ Л. Н. Толстого, опубликованнымъ въ англійскихъ газетахъ корреспондентомъ „Daily Telegraph“, г. Диллономъ. По мнѣнію графини, эта именно исторія и послужила главной причиной, вслѣдствіе которой министръ Толстой счелъ необходимымъ сдѣлать докладъ государю о заточеніи Льва Николаевича въ Суздальскій монастырь.

Насколько намъ извѣстно, исторія съ письмомъ Толстого, опубликованнымъ „Daily Telegraph“, имѣла мѣсто не въ 1886 году, а значительно позднѣе, именно въ началѣ 1892 года. Тогда же „Московскія Вѣдомости“, перепечатавъ у себя это письмо [1]), особенно рѣзко и грубо громили нашего знаменитаго писателя. Но въ 1892 году министра Толстого не было уже въ живыхъ, такъ какъ онъ умеръ въ 1889 году, и, слѣдовательно, въ 1892 году онъ никакъ

---

[1]) Письмо Л. Н. Толстого было озаглавлено: „Отчего голодаютъ русскіе крестьяне?“

не могъ дѣлать докладъ государю о заточеніи Льва Николаевича въ монастырь.

Такимъ образомъ ясно, что тутъ кѣмъ-то допущена грубая ошибка: или г. Захарьинъ ошибается, утверждая, что именно въ 1886 году правительство намѣревалось заточить Льва Николаевича въ Суздальскій монастырь, или же графиня Александра Андреевна спутала хронологію событій и невѣрно объясняетъ тѣ ближайшія причины, которыя послужили поводомъ для министра внутреннихъ дѣлъ Д. А. Толстого возбудить вопросъ о заточеніи Льва Николаевича.

Впрочемъ, можно сдѣлать еще одно предположеніе, а именно, что вопросъ о ссылкѣ Л. Н. Толстого въ монастырь *дважды* возникалъ въ правительственныхъ сферахъ, а именно: первый разъ — въ 1886 году, а второй разъ — въ 1892 году. Въ такомъ предположеніи не будетъ ничего неправдоподобнаго, тѣмъ болѣе, что и слухи, которые ходили въ обществѣ по этому поводу, точно такъ же утверждали, что государю Александру III *два раза* представлялся докладъ о необходимости заточенія Льва Толстого въ Суздальскій монастырь и что одинъ изъ этихъ докладовъ былъ сдѣланъ К. П. Побѣдоносцевымъ.

По всей вѣроятности, всѣ эти недоразумѣнія можно было бы разрѣшить съ помощью подлинныхъ записокъ графини Ал. Андр. Толстой, тѣмъ болѣе, что изъ статьи г. Захарьина видно, что сообщеніе его основано, главнымъ

образомъ, на ея личныхъ разсказахъ, а не на запискахъ. Въ разсказахъ же она легко могла, конечно, допустить разныя неточности, точно такъ же какъ и г. Захарьинъ при передачѣ словъ покойной графини, въ свою очередь, могъ впасть въ ошибку.

Въ виду того, что записки Ал. Анд. Толстой находятся въ настоящее время въ Академіи Наукъ, пишущій эти строки хотѣлъ лично ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Къ сожалѣнію, это оказалось невозможнымъ по слѣдующей причинѣ. Пользованіе записками графини Толстой допускается не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія ея наслѣдницы, г-жи З—чъ. Но г-жа З—чъ, какъ меня увѣрили въ Академіи Наукъ, самымъ категоричнымъ образомъ отказываетъ всѣмъ въ своемъ разрѣшеніи, вѣроятно, опасаясь обезцѣнить эти записки, подлежащія опубликованію съ благотворительной цѣлью. Изданіе же записокъ можетъ состояться лишь послѣ смерти Л. Н. Толстого. Такова была воля покойной графини, которая, разумѣется, обязательна для Академіи [1]).

Какъ бы то ни было, но теперь не можетъ уже подлежать никакому сомнѣнію тотъ фактъ,

---

[1]) Въ скоромъ времени, — какъ сообщали газеты, — переписка гр. А. А. Толстой со Львомъ Николаевичемъ будетъ издана въ свѣтъ петербургскимъ Толстовскимъ обществомъ. Можно надѣяться, конечно, что переписка эта разрѣшитъ тѣ недоразумѣнія, которыя отмѣчены нами въ этой статьѣ. Во всякомъ случаѣ, по опубликованіи переписки, мы еще разъ вернемся къ этому эпизоду изъ жизни знаменитаго писателя.

что знаменитѣйшему писателю современной эпохи грозило ужасное, чисто средневѣковое наказаніе, которое если и миновало его, то, быть-можетъ, только потому, что у него оказалась... вліятельная тетушка при императорскомъ дворѣ.

Въ началѣ царствованія государя Александра III, какъ извѣстно, состоялось освобожденіе нѣсколькихъ лицъ, которыя въ теченіе долгихъ лѣтъ томились въ монастырскихъ тюрьмахъ. Обстоятельство это возбудило въ то время преувеличенныя надежды: многіе разсчитывали на скорое и окончательное упраздненіе монастырскихъ заточеній. Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ съ теченіемъ времени, быть-можетъ, подъ вліяніемъ все того же „злого генія Россіи“, имя котораго мы не разъ называли въ этомъ очеркѣ, случаи ссылки и заточенія въ монастыри начинаютъ повторяться все чаще и чаще.

Между прочимъ, одно время предполагалось заключить въ монастырь извѣстную писательницу М. К. Цебрикову за ея „открытое письмо къ императору Александру III“. По словамъ почтенной писательницы, въ комиссію, разбиравшую ея дѣло, послѣдовалъ запросъ: нельзя ли ее, т.-е. г-жу Цебрикову, „запереть въ монастырь“? Однако „въ концѣ XIX вѣка эта карательная мѣра московскихъ царей противъ строптивыхъ была признана невозможной“ [1]).

---

[1]) М. К. Цебрикова: „Письмо къ Александру III“. СПБ. 1906 г. Изданіе „Свѣточа“, стр. 45.

III.

Такъ какъ, по свидѣтельству графини Толстой, злостныя нападки „Московскихъ Вѣдомостей“ послужили ближайшимъ поводомъ для бюрократіи возбудить вопросъ о заточеніи геніальнаго писателя, то мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь извлеченіе изъ статьи этой газеты, напечатанной въ № 22 за 1892 г., по поводу письма Толстого въ „Daily Telegraph“.

Приведя рядъ отрывковъ изъ письма Льва Николаевича, напечатаннаго „Daily Telegraph“, „Московскія Вѣдомости“ съ негодованіемъ обрушиваются на него.

„Письма графа Толстого, — заявляетъ реакціонная газета, — не нуждаются въ комментаріяхъ: они являются открытою пропагандою къ ниспроверженію всего существующаго во всемъ мірѣ соціальнаго и экономическаго строя, который съ весьма понятною цѣлью приписывается графомъ одной только Россіи. Пропаганда графа есть пропаганда самаго крайняго, самаго разнузданнаго соціализма, предъ которымъ блѣднѣетъ даже наша подпольная пропаганда“.

При этомъ, очевидно, желая подкрѣпить свои инсинуаціи, „Московскія Вѣдомости“ сопоставляютъ письмо графа Толстого съ „подпольными“ прокламаціями. „На-дняхъ, — говорятъ онѣ, — намъ прислали по почтѣ одинъ изъ под-

польныхъ печатныхъ мерзкихъ листковъ, въ которомъ такъ же, какъ и у графа Толстого, говорится, что „спасеніе русской земли въ ней самой, а не въ министрахъ, генералъ-губернаторахъ и губернаторахъ, которые привели Россію къ самому краю пропасти“. Въ этомъ листкѣ высказывается также нелѣпая мысль, будто „правительство довело Россію до голода“, какъ и у графа Толстого, который, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ подпольными агитаторами, тѣмъ не менѣе, тоже твердитъ, что правительство является „паразитомъ народа“, высасывающимъ его соки ради собственнаго удовольствія“.

Но хотя графъ Толстой и „не имѣетъ ничего общаго съ подпольными агитаторами“, однако, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, его литературная дѣятельность является неизмѣримо болѣе вредной и болѣе опасной, чѣмъ дѣятельность „подпольныхъ агитаторовъ“, и именно вотъ почему:

„Подпольные агитаторы стремятся къ мятежу, выставляя въ видѣ приманки „конституцію“, какъ средство къ тому хаосу, о которомъ они мечтаютъ, а графъ открыто проповѣдуетъ программу *соціальной* [1]) революціи, повторяя за западными соціалистами избитыя, нелѣпыя, но всегда дѣйствующія на невѣжественную массу фразы о томъ, какъ „богачи

---

[1]) Курсивъ подлинника.

ньютъ кровь народа, пожирая все, что народъ имѣетъ и производитъ".

И вотъ, обративъ „подпольныхъ агитаторовъ" въ конституціоналистовъ, а графа Толстого—въ соціалъ-революціонера, „Московскія Вѣдомости" такъ заканчиваютъ свою грозную филиппику: „Можемъ ли *мы* (??) оставаться равнодушными при подобной пропагандѣ, которую могутъ не замѣчать развѣ только люди совершенно слѣпые или *не желающіе* (курсивъ подлинника) видѣть?"

Интимная близость „Московскихъ Вѣдомостей" къ заправиламъ нашей внутренней политики того времени—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Если мы напомнимъ, что въ числѣ сотрудниковъ и вдохновителей этой газеты значились такія особы, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, то этимъ, надѣемся, многое уяснится въ темной исторіи, послужившей темой для этого очерка...

Въ одной изъ своихъ предыдущихъ работъ [1]) я указалъ, что великому нашему поэту, „солнцу русской поэзіи", А. С. Пушкину, одно время угрожало заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Но это было въ 1820 году, въ мрачную, мертвую эпоху, когда на Руси царилъ всесильный Аракчеевъ, отъ котораго можно было, конечно, ожидать всего. Это было время,

---

[1]) „Монастырскія тюрьмы въ борьбѣ съ сектантствомъ". Москва, 1906 г. Второе дополненное изданіе „Посредника".

когда, по выраженію Герцена, въ воздухѣ „крѣпко пахло застѣнкомъ и казармами“.

Съ тѣхъ поръ прошло чуть не цѣлое столѣтіе. Много воды утекло за эти 70 лѣтъ, многое измѣнилось. Но русская бюрократія и въ концѣ XIX вѣка осталась тѣмъ же, чѣмъ была въ началѣ столѣтія. И когда на горизонтѣ русской общественной жизни снова появился яркій, могучій художникъ слова, геній котораго признается всѣмъ культурнымъ міромъ,—русская бюрократія рѣшила, что она исполнитъ свой нравственный долгъ, если запретъ этотъ геній въ монастырскую тюрьму. Къ счастью Россіи этого не случилось. Слова государя, сказанныя министру: „Прошу васъ не трогать Толстого“, разсѣяли грозныя тучи, которыя собирались надъ головой великаго писателя.

ОТЛУЧЕНІЕ ОТЪ ЦЕРКВИ.

(По офиціальнымъ даннымъ.)

Отлученіе отъ Церкви Л. Н. Толстого состоялось въ февралѣ мѣсяцѣ 1901 года. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода по этому поводу помѣчено 20—22 февраля 1901 г. за № 557 и сопровождалось „посланіемъ вѣрнымъ чадамъ православныя греко-россійскія Церкви о графѣ Львѣ Толстомъ“. Приводимъ здѣсь это опредѣленіе Синода полностью, безъ всякихъ измѣненій.

Опредѣленіе Св. Синода.

Святѣйшій Синодъ, въ своемъ попеченіи о чадахъ православной Церкви, охраненіи ихъ отъ губительнаго соблазна и спасеніи заблуждающихся, имѣвъ сужденіе о графѣ Львѣ Толстомъ и его противохристіанскомъ и противоцерковномъ лжеученіи, призналъ благовременнымъ, въ предупрежденіе нарушенія мира церковнаго, обнародовать чрезъ напечатаніе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ нижеслѣдующее свое посланіе: „Божіею милостію Святѣйшій всероссійскій Синодъ вѣрнымъ чадамъ православныя каѳолическія греко-россійскія Церкви о Господѣ радоватися. Молимъ вы, братіе, блю-

дитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, ему же вы научитеся, и уклонитеся отъ нихъ (Римл. XVI, 17).

„Изначала Церковь Христова терпѣла хулы и нападенія отъ многочисленныхъ еретиковъ и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣрѣ во Христа, Сына Бога живаго; но всѣ силы ада, по обѣтованію Господню, не могли одолѣть Церкви святой, которая пребудетъ неодолѣнною вовѣки. И въ наши дни Божіимъ попущеніемъ явился новый лжеучитель графъ Левъ Толстой, извѣстный міру писатель. Русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрекся отъ вскормившей и воспитавшей его матери-Церкви православной и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которой жили и спасались наши предки и которою доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣиваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ доро-

гого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностью фанатика ниспроверженіе всѣхъ догматовъ православной Церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго, живаго Бога, во святой Троицѣ славимаго, Создателя и промыслителя вселенной, отрицаетъ Господа Іисуса Христа Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради, человѣковъ, и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи; не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія; отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой непрерывно, словомъ и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикровенно, но явно предъ всѣми, сознательно и намѣренно, отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковью православною; бывшія же къ его вразумленію попытки не увѣнчались успѣхомъ. Посему Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею Церковью къ утвержденію правостоящихъ

и къ вразумленію заблуждающихся, особливо же къ новому вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись отъ благословенія и молитвъ церкви и отъ всякаго общенія съ нею. Посему, свидѣтельствуя объ отпаденіи его отъ Церкви, вмѣстѣ и молимся, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истины (2 Тим. II, 25). Молимтися, милосердый Господи, не хотяй смерти грѣшныхъ, услыши и помилуй и обрати его ко святой твоей Церкви. Аминь".

Подлинное подписали:

Смиренный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Смиренный Ѳеогностъ, митрополитъ кіевскій и галицкій.

Смиренный Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій.

Смиренный Іеронимъ, архіепископъ холмскій и варшавскій.

Смиренный Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій.

Смиренный Маркеллъ, епископъ.

Смиренный Борисъ, епископъ.

Первой отозвалась на этотъ актъ жена Льва Николаевича, графиня С. А. Толстая, которая

26 февраля отправила свой „протестъ“ по этому поводу тремъ митрополитамъ, подписавшимъ „опредѣленіе Св. Синода“, а также г. оберъ-прокурору Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Письмо графини С. А. Толстой митрополиту Антонію.

Ваше высокопреосвященство!

Прочитавъ вчера въ газетахъ жестокое распоряженіе Синода объ отлученіи отъ Церкви мужа моего графа Льва Николаевича Толстого и увидавъ въ числѣ подписей пастырей Церкви и вашу подпись, я не могла остаться къ этому вполнѣ равнодушною. Горестному негодованію моему нѣтъ предѣловъ. И не съ точки зрѣнія того, что отъ этой бумаги погибнетъ духовно мужъ мой. Это не дѣло людей, а дѣло Божье. Жизнь души человѣческой, съ религіозной точки зрѣнія, никому, кромѣ Бога, невѣдома и, къ счастью, не подвластна. Но съ точки зрѣнія той Церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божіимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, горестей и радостей людскихъ, — которая громко должна провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненави-

дящимъ насъ, молиться за всѣхъ,—съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо распоряженіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Московскихъ Вѣдомостей“), а негодованіе въ людяхъ и большую любовь и сочувствіе къ Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъявленія, и имъ не будетъ конца, отъ всего міра.

Не могу не упомянуть еще о горѣ, испытанномъ мною, отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно—о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти.

Кого же хотятъ наказывать? Умершаго, не чувствующаго уже ничего человѣка, или окружающихъ его вѣрующихъ и близкихъ ему людей? Если это угроза, то кому и чему?

Неужели для того, чтобы отпѣвать моего мужа и молиться за него въ церкви, я не найду или такого порядочнаго человѣка, который не побоится людей передъ настоящимъ Богомъ любви, или *не* порядочнаго, котораго я подкуплю большими деньгами для этой цѣли?

Но мнѣ это и не нужно. Для меня Церковь есть понятіе отвлеченное, и служителями ея я признаю только тѣхъ, кто истинно понимаетъ значеніе Церкви.

Если же признать Церковью людей, дерзающихъ своею злобой нарушать высшій за-

конъ — любовь Христа, то давно бы всѣ мы, истинно вѣрующіе и посѣщающіе церковь, ушли бы отъ нея.

И виновны въ грѣшныхъ отступленіяхъ отъ Церкви не заблудившіеся люди, а тѣ, которые гордо признали себя во главѣ ея и, вмѣсто любви, смиренія и всепрощенія, стали духовными палачами тѣхъ, кого вѣрнѣе проститъ Богъ за ихъ смиренную, полную отреченія отъ земныхъ благъ, любви и помощи людямъ жизнь, хотя и внѣ Церкви, чѣмъ носящихъ брильянтовыя митры и звѣзды, но карающихъ и отлучающихъ отъ Церкви пастырей ея.

Опровергнуть мои слова лицемѣрными доводами легко, но глубокое пониманіе истины и настоящихъ намѣреній людей никого не обманетъ.

Гр. Софія Толстая.

26 февраля 1901 г.

Митрополитъ Антоній не оставилъ безъ возраженій „протеста“ графини Толстой.

Отвѣтъ митрополита Антонія.

Милостивая государыня, Софія Андреевна! Не то жестоко, что сдѣлалъ Синодъ, объявивъ объ отпаденіи отъ Церкви вашего мужа, а жестоко то, что онъ самъ съ собою сдѣлалъ, от-

рекшись отъ вѣры въ Іисуса Христа, Сына Бога живаго, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отреченіе и слѣдовало давно излиться вашему горестному негодованію, и не отъ клочка, конечно, печатной бумаги гибнетъ мужъ вашъ, а отъ того, что отвратился отъ источника жизни вѣчной.

Для христіанина немыслима жизнь безъ Христа, по словамъ Котораго, вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную и переходитъ отъ смерти къ жизни, а невѣрующій не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ (Іоан. III, 15, 16, 36; V, 24), и потому объ отрекающемся отъ Христа одно только и можно сказать, что онъ перешелъ отъ жизни къ смерти. Въ этомъ и состоитъ гибель вашего мужа, но въ этой гибели повиненъ только онъ самъ одинъ, а не кто-либо другой.

Изъ вѣрующихъ во Христа состоитъ Церковь, къ которой вы себя считаете принадлежащею, и для вѣрующихъ, для членовъ своихъ, Церковь эта благословляетъ именемъ Божіимъ всѣ значительнѣйшіе моменты человѣческой жизни: рожденія, брака, смерти, горести и радости людскія, но никогда не дѣлаетъ она этого и не можетъ дѣлать для невѣрующихъ, для язычниковъ, для хулящихъ имя Божіе, для отрекшихся и не желающихъ получать отъ нея ни молитвъ, ни благословеній, вообще для всѣхъ тѣхъ, которые не суть члены ея. И потому, съ точки зрѣнія этой Церкви, распоря-

женіе Синода вполнѣ постижимо, понятно и ясно, какъ Божій день. И законъ любви и всепрощенія этимъ ничуть не нарушенъ. Любовь Божія безконечна, но и она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святого не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Матѳ. XII, 32). Господне всепрощеніе ищетъ человѣка своею любовью, но человѣкъ иногда не хочетъ итти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Бога, а потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ своихъ, но и Онъ въ своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный (Іоан. XVII, 12). О вашемъ мужѣ, пока живъ онъ, нельзя еще сказать, что онъ погибъ, но совершенная правда сказана о немъ, что онъ отъ Церкви отпалъ и не состоитъ ея членомъ, пока не покается и не возсоединится съ нею.

Въ своемъ посланіи, говоря объ этомъ, Синодъ засвидѣтельствовалъ лишь существующій фактъ, и потому негодовать на него могутъ только тѣ, которые не разумѣютъ, что творятъ. Вы получаете выраженія сочувствія отъ всего міра; не удивляюсь сему, но думаю, что утѣшаться тутъ вамъ нечѣмъ; есть слава человѣческая и есть слава Божія. Слава человѣческая какъ цвѣтъ на травѣ: засохла трава, и цвѣтъ ея опалъ. Но слава Господня пребываетъ вовѣкъ (I Петра, I, 24, 25).

Когда въ прошломъ году газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ вѣры и Церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвъ? Послѣдовали обращенія къ Синоду, и онъ въ руководство священнослужителямъ секретно далъ и могъ дать только одинъ отвѣтъ [1]): не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковью. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, и иного отвѣта быть не могло, и я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь даже не порядочный священникъ, который рѣшился бы совершить надъ графомъ христіанское погребеніе, а если бы и совершилъ, то

---

[1]) Предписаніе Святѣйшаго Синода, о которомъ упоминаетъ митрополитъ Антоній, до сихъ поръ не было еще опубликовано, но въ нашихъ рукахъ имѣется подлинный конфиденціальный указъ Самарской духовной консисторіи, основанный на этомъ самомъ предписаніи Синода. Въ виду этого считаемъ необходимымъ привести его здѣсь цѣликомъ.

Конфиденціально.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Самарской духовной консисторіи. По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Самарская духовная консисторія, слушали: конфиденціальное отношеніе первенствующаго члена Святѣйшаго Синода отъ 31 минувшаго марта за № 767, о воспрещеніи поминовенія, панихидъ и заупокойныхъ литургій по графѣ Львѣ Толстовѣ, въ случаѣ его смерти безъ покаянія,—такъ какъ графъ Левъ Толстой въ многочисленныхъ своихъ сочиненіяхъ, въ коихъ онъ выражаетъ свои религіозныя воззрѣнія, явно показалъ себя врагомъ Православной Христовой Церкви. *Приказали:*

такое погребеніе надъ невѣрующимъ было бы преступной профанаціей священнаго обряда. Да и зачѣмъ творить насиліе надъ мужемъ вашимъ? Вѣдь, безъ сомнѣнія, онъ самъ не желаетъ совершенія надъ нимъ христіанскаго погребенія?

Разъ вы, живой человѣкъ, хотите считать себя членомъ Церкви, и она, дѣйствительно, есть союзъ живыхъ и разумныхъ существъ во имя Бога живого, то ужъ падаетъ само собою ваше заявленіе, что Церковь для васъ есть понятіе отвлеченное, и напрасно вы упрекаете служителей Церкви въ злобѣ и нарушеніи высшаго закона любви, Христомъ заповѣданной. Въ синодальномъ актѣ нарушенія этого закона

конфиденціальное сообщеніе первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнаго Іоанникія, митрополита Кіевскаго, о распоряженіи Святѣйшаго Синода относительно воспрещенія совершенія поминовенія, панихидъ и заупокойныхъ литургій по графѣ Львѣ Толстомъ, въ случаѣ смерти его безъ покаянія, сообщить конфиденціально указами на имя настоятелей церквей Самарской епархіи, къ исполненію въ данномъ случаѣ и къ руководству въ случаяхъ подобныхъ, а именно, чтобы епархіальное духовенство, при обращеніи къ нему съ просьбами объ отпѣваніи и поминовеніи лицъ, при жизни своей открыто себя заявившихъ невѣрующими и умершихъ безъ покаянія, предварительно испрашивало въ такихъ сомнительныхъ случаяхъ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго лично, рапортами или телеграммами, смотря по удобству и по возможности.

1900 года, апрѣля 21 дня.

Членъ консисторіи, протоіерей *В. Лаврскій.*
Секретарь *В. Іорданскій.*
Столоначальникъ *Гребневъ.*

нѣтъ; это, напротивъ, есть актъ любви, актъ призыва мужа вашего къ возврату въ Церковь и вѣрующихъ—къ молитвѣ о немъ.

Пастырей Церкви поставляетъ Господь, а не сами они гордо, какъ вы говорите, признали себя во главѣ ея; носятъ они брильянтовыя митры и звѣзды, но это въ ихъ служеніи совсѣмъ не существенное; оставались они пастырями, одѣваясь и въ рубище, гонимые и преслѣдуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и въ рубище пришлось имъ опять одѣться, какъ бы ихъ не хулили и какими бы презрительными словами не обзывали.

Въ заключеніе прошу прощенія, что не сразу вамъ отвѣтилъ. Я ожидалъ, пока пройдетъ первый острый порывъ вашего огорченія.

Благослови васъ Господь и храни, и графа, мужа вашего, помилуй!

Антоній, митрополитъ петербургскій.

Марта, 16 дня, 1901 года.

Вскорѣ послѣ этого выступилъ со своимъ заявленіемъ по поводу „отлученія“ и Л. Н. Толстой.

Приводимъ здѣсь его заявленіе полностію, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было напечатано г. Скворцовымъ въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи“.

Левъ Толстой и „богочеловѣки“.

I.

Для тѣхъ читателей, которые, быть-можетъ, никогда не слыхали о „богочеловѣкахъ“, спѣшимъ пояснить, что подъ этимъ именемъ у насъ были извѣстны послѣдователи религіозно-этическаго ученія, возникшаго въ средѣ русской интеллигенціи въ 70-хъ годахъ, въ самый разгаръ „хожденія въ народъ“.

„Богочеловѣчество“ и само по себѣ представляетъ немалый интересъ, какъ одно изъ проявленій религіозныхъ исканій, которыя отъ времени до времени захватываютъ интеллигентные слои нашего общества. Интересъ этотъ еще болѣе возрастаетъ въ виду того, что религіозныя исканія на этотъ разъ захватили среду молодежи, при томъ очень активной, соціалистически настроенной, т.-е. той части молодежи, которая въ большинствѣ, въ массѣ обыкновенно остается совершенно равнодушной и даже совсѣмъ чуждой интересамъ религіознаго характера.

Но къ этому присоединяется еще особый, спеціальный интересъ вслѣдствіе тѣхъ связей, тѣхъ отношеній, которыя, несомнѣнно, существовали

между „богочеловѣчествомъ“ и Львомъ Толстым Какъ теперь выясняется, основатель этого учен и нѣкоторые изъ его ближайшихъ послѣдоват лей стояли очень близко къ Л. Н. Толстом находились съ нимъ въ постоянныхъ отношеніяхъ.

Фактъ этотъ получаетъ еще большее значеніе въ виду того, что знакомство великаго писателя съ „богочеловѣками“ какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, когда его собствен ныя религіозныя исканія пріобрѣли особенную остроту.

По словамъ Толстого, онъ всегда стремился къ отысканію смысла жизни и только сложныя внѣшнія явленія и событія и его собственныя страсти и увлеченія отодвигали это рѣшеніе во просовъ жизни. Но къ концу 70-хъ годовъ эти исканія начинаютъ принимать опредѣленныя, за конченныя формы, выливаются въ извѣстную си стему, извѣстные тезисы. Къ этому именно вре мени относится и знакомство Льва Николаевича съ „богочеловѣками“.

Въ 1878 году Толстой пишетъ Страхову: „У меня живетъ учителемъ математики кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціа листовъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ теперь судятъ [1]).

---

[1]) Въ это время въ Петербургѣ происходилъ процессъ 193-хъ, къ которому, какъ извѣстно, были привлечены, главнымъ обра зомъ, лица,. «ходившія въ народъ».

Но и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ, всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя“ [1]).

Учителемъ математики старшихъ сыновей Льва Николаевича, какъ извѣстно, былъ въ то время „кандидатъ петербургскаго университета“ Василій Ивановичъ Алексѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Толстого, который называлъ его въ своихъ письмахъ „милымъ другомъ“. Алексѣевъ, находившійся сначала подъ сильнымъ вліяніемъ народническихъ идей, которыми вдохновлялась тогда наша молодежь, вскорѣ, однако, увлекся „богочеловѣчествомъ“ и сдѣлался однимъ изъ видныхъ послѣдователей этого ученія.

Далѣе я буду еще имѣть случай болѣе подробно говорить объ Алексѣевѣ и объ его участіи въ американской общинѣ, о которой вскользь упоминаетъ Толстой, теперь же мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на слова Льва Николаевича изъ только что приведеннаго письма о томъ, что, благодаря Алексѣеву, онъ „познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ“.

О комъ говоритъ здѣсь Толстой? Кто были эти лица, я въ точности не знаю, но мнѣ извѣстно, что Левъ Николаевичъ познакомился черезъ Алексѣева съ А. К. Маликовымъ, который былъ

---

[1]) «Письма Л. Н. Толстого», томъ второй, 1911 г., стр. 53.

основателемъ богочеловѣчества и организаторомъ русской общины въ Америкѣ. Толстой очень скоро сблизился съ Маликовымъ, такъ какъ у нихъ сразу же нашлась общая почва — глубокое убѣжденіе въ томъ, что безъ религіи не можетъ жить человѣчество.

Хотя впослѣдствіи, уже значительно позднѣе, Толстой въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ разошелся съ Маликовымъ, такъ какъ послѣдній подъ вліяніемъ пережитыхъ потрясеній и тяжелыхъ утратъ отказался отъ идей, послужившихъ основаніемъ для богочеловѣчества, и вернулся въ церковное православіе, тѣмъ не менѣе, великій писатель не переставалъ относиться къ Маликову съ глубокимъ уваженіемъ.

Но, кромѣ Алексѣева и Маликова, къ Толстому былъ очень близокъ еще одинъ „богочеловѣкъ“ — Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ, который долгое время состоялъ управляющимъ его самарскаго имѣнія. Наконецъ позднѣе — въ 1886—1887 гг. — Толстому пришлось довольно близко познакомиться и сойтись съ Вильямомъ Фреемъ [1]), который хотя и не былъ настоящимъ „богочеловѣкомъ“, такъ какъ являлся убѣжденнымъ послѣдователемъ Огюста Конта, но во многомъ раздѣлялъ идеи Маликова и былъ членомъ американской общины „богочеловѣковъ“.

---

1) О сношеніяхъ Толстого съ Фреемъ см. статью П. И. Бирюкова («Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей». «Минувшіе годы», 1908 годъ, № 9).

Есть основанія думать, что продолжительное знакомство и сношенія съ „богочеловѣками“ не могли пройти безслѣдно для Толстого, не могли не вліять извѣстнымъ образомъ на направленіе и характеръ его религіозныхъ и этическихъ идей и убѣжденій, которыя въ это время складывались и формировались въ опредѣленную религіозно-философскую доктрину.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ небезынтересно поближе познакомиться какъ съ самымъ ученіемъ „богочеловѣковъ“, такъ и съ личностью его основателя и съ фигурами его главныхъ послѣдователей и участниковъ, насколько это позволяютъ матеріалы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи.

Обо всемъ этомъ въ печати имѣются лишь самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Первыя свѣдѣнія о „богочеловѣкахъ“ или „маликовцахъ“ появились въ заграничной печати. Базельскій профессоръ Тунъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о революціонномъ движеніи въ Россіи приводитъ слѣдующія данныя о Маликовѣ и его ученіи: „Въ началѣ 1874 года вокругъ Маликова, привлекавшагося еще по каракозовскому дѣлу и находившагося тогда подъ полицейскимъ надзоромъ въ Орлѣ, собралось нѣсколько десятковъ энтузіастовъ, такъ называемыхъ „богочеловѣковъ“, которые утверждали, что въ каждомъ человѣкѣ живутъ добрыя свойства: любовь къ ближнему, готовность пожертвовать собой, и что даже въ самомъ ничтожномъ субъектѣ находится эта

„искра божія“. Необходимо только пробудить ее въ людяхъ проповѣдью, укрѣпить въ нихъ „божественное начало“, т.-е. идею равенства и братства. Согласно своему ученію, эта мистическая секта совершенно отказалась отъ всякаго революціоннаго насилія, а ея основатель, Маликовъ, попытался даже, когда былъ арестованъ, подѣйствовать на прокурора и раздуть находившуюся въ немъ „божественную искру“ въ пламя любви къ человѣчеству. Это удалось ему въ томъ смыслѣ, что прокуроръ объявилъ мечтателя сумасшедшимъ и не препятствовалъ ему и его товарищамъ переселиться въ Сѣверную Америку. Попытка ихъ устроить тамъ коммунистическія земледѣльческія колоніи была неудачна; они скоро очутились въ страшной нуждѣ и черезъ 2—3 года вернулись въ Европу“ [1]). Вотъ и все.

Въ русской печати за послѣднія 5—6 лѣтъ въ разныхъ воспоминаніяхъ изъ жизни 70-хъ годовъ нерѣдко мелькаетъ имя Маликова и упоминанія о „богочеловѣчествѣ“, но всегда вскользь, мимоходомъ. Такъ, напримѣръ, бывшій шлиссельбуржецъ М. Ф. Фроленко въ своихъ воспоминаніяхъ удѣляетъ „богочеловѣкамъ“ лишь нѣсколько строкъ. По его словамъ, Маликовъ велъ „горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога,—какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ кора всѣхъ

---

[1]) Тунъ: «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи». Переводъ Л. Ш., стр. 108.

порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцовъ, не способныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай“ [1]).

Мы будемъ рады, если намъ удастся хотя до нѣкоторой степени возстановить истинный характеръ этого движенія.

II.

Ученіе „богочеловѣковъ“ возникло въ 1874 году, какъ мы уже замѣтили, въ самый разгаръ „хожденія въ народъ“.

Основатель этого ученія Александръ Капитоновичъ Маликовъ, по общему мнѣнію людей, знавшихъ его лично, являлся человѣкомъ очень крупнымъ, въ которомъ здоровый и трезвый реализмъ какъ-то непостижимо уживался съ религіозно-мистическими стремленіями и исканіями. А знали Маликова многіе изъ лучшихъ и выдающихся представителей нашей интеллигенціи.

Маликовъ происходилъ изъ зажиточной крестьянской семьи Владимірской губерніи, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу по судебному вѣдомству, при чемъ вскорѣ былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя въ

---

[1]) «Изъ далекаго прошлаго» М. Ф. Фроленко. «Минувшіе годы», 1908 г., № 7, стр. 96.

Жиздринскій уѣздъ, Калужской губ. Но недолго ему пришлось служить здѣсь.

Въ 1866 году онъ былъ привлеченъ по дѣлу каракозовцевъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, А. А. Бибиковымъ, который одновременно съ нимъ служилъ мировымъ посредникомъ въ томъ же Жиздринскомъ уѣздѣ. Затѣмъ идутъ обычныя послѣдствія такого „привлеченія“: арестъ, крѣпость, судебный процессъ и, наконецъ, ссылка въ Архангельскую губернію, подъ надзоръ полиціи.

Чтобы точнѣе опредѣлить себѣ роль и участіе Маликова и Бибикова въ каракозовскомъ дѣлѣ, необходимо прежде всего припомнить, что въ этомъ движеніи слились тогда два различныхъ теченія. „Одно изъ нихъ,—говоритъ кн. П. А. Кропоткинъ,—представляло въ зародышѣ то движеніе „въ народъ“, которое впослѣдствіи приняло такіе громадные размѣры, второе же имѣло характеръ чисто политическій. Нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли бы блестящіе профессора, выдающіеся историки и этнографы, рѣшили въ 1864 году стать, несмотря на всѣ препятствія со стороны правительства, носителями знанія и просвѣщенія среди народа. Они селились, какъ простые работники, въ большихъ промышленныхъ городахъ, устраивали тамъ кооперативныя общества, открывали негласныя школы. Они надѣялись, что при извѣстномъ тактѣ и терпѣніи имъ удастся воспитать людей изъ народа и, такимъ образомъ, создать центры, изъ

которыхъ постепенно среди массъ будутъ распространяться лучшія и болѣе высокія идеи. Для осуществленія плана были пожертвованы большія состоянія; любви и преданности дѣлу было очень много... Съ другой стороны, Каракозовъ, Ишутинъ и нѣкоторые другіе члены кружка придали движенію чисто политическій характеръ“ [1]).

Всѣ данныя, которыя имѣются въ нашихъ матеріалахъ, заставляютъ думать, что какъ Маликовъ, такъ и Бибиковъ, несомнѣнно, принадлежали къ первой группѣ каракозовцевъ, т.-е. къ тѣмъ именно лицамъ, которыя на первый планъ выдвигали культурно-просвѣтительныя цѣли и задачи и дальше мирной пропаганды соціалистическихъ идей не шли. Отправляясь на службу въ Жиздринскій уѣздъ, Калужской губерніи, въ которомъ находятся извѣстные Мальцевскіе заводы, они мечтали о дѣятельности на пользу рабочаго населенія этихъ заводовъ. Однако дѣятельность эта продолжалась очень недолго, такъ какъ вскорѣ послѣдовалъ арестъ, а затѣмъ и ссылка.

Первые годы ссылки на далекомъ сѣверѣ Маликову пришлось прожить въ крохотномъ и захолустномъ уѣздномъ городкѣ — Холмогорахъ — при крайне тяжелыхъ условіяхъ, безъ всякой работы и службы, если не считать занятій въ мѣстномъ архивѣ. Съ переводомъ въ Архангельскъ Маликовъ получилъ возможность начать работы

---

1) П. А. Кропоткинъ: «Записки революціонера», Лондонъ, 1902 г., стр. 239.

по изслѣдованію крайняго Сѣвера и занять мѣсто секретаря архангельскаго губернскаго статистическаго комитета.

Но жизнь въ Архангельскѣ, въ силу его отдаленности и отсутствія желѣзной дороги, а также въ виду суровыхъ климатическихъ условій, не могла не тяготить Маликова. Поэтому, какъ только состоялось освобожденіе его отъ надзора полиціи, онъ спѣшитъ оставить суровый сѣверъ и въ 1872 г. переѣзжаетъ въ г. Орелъ на службу въ управленіе желѣзной дороги [1]).

Проходитъ годъ, другой—и Маликова вдругъ всецѣло захватываетъ волна религіозно-этическаго увлеченія, которое, особенно на первыхъ порахъ, выражалось очень ярко и носило характеръ настоящаго религіознаго экстаза. О томъ, какъ и подъ какими вліяніями совершился въ Маликовѣ этотъ рѣзкій переломъ, послѣ котораго онъ вдругъ выступилъ въ роли религіознаго реформатора, до сихъ поръ въ точности почти ничего не извѣстно.

Необходимо сказать, что въ Орлѣ Маликовъ вращался, главнымъ образомъ, среди молодежи, которая въ то время была охвачена горячимъ стремленіемъ „служить народу“, „итти въ народъ“ для пропаганды соціалистическихъ идей. Маликовъ, какъ человѣкъ съ политическимъ прошлымъ, пользовался въ кружкахъ тогдашней радикально настроенной молодежи всеобщимъ уваженіемъ и даже авторитетомъ. Этому еще болѣе способство-

---

1) «Негласный» полицейскій надзоръ за Маликовымъ оставался и въ Орлѣ.

вали его личныя достоинства, а также его знакомство съ нѣкоторыми изъ наиболѣе видныхъ вождей народническаго движенія того времени, какъ, напримѣръ, съ Порфиріемъ Войнаральскимъ и, наконецъ, дружба его съ Н. В. Чайковскимъ и другими.

Молодые пропагандисты изъ числа студентовъ, офицеровъ и курсистокъ, отправляясь въ народъ, считали полезнымъ побывать въ Орлѣ у Маликова, чтобы получить отъ него разныя свѣдѣнія, указанія практическаго характера, рекомендаціи къ нужнымъ и полезнымъ людямъ и т. д.

Собственно говоря, Маликовъ никогда не былъ революціонеромъ, въ прямомъ значеніи этого слова, хотя его страстный темпераментъ, съ одной стороны, а съ другой — впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній во время службы, во время скитаній по тюрьмамъ и ссылкамъ и, наконецъ, его знакомства съ дѣятелями радикальныхъ кружковъ—быть можетъ, и толкали его на этотъ путь. Но „движенію въ народъ“ онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ и потому обращавшейся къ нему молодежи всегда оказывалъ всяческое содѣйствіе.

Окружавшая Маликова молодежь была не мало смущена, когда въ одинъ прекрасный день вмѣсто рѣчей на общественныя и соціальныя темы она вдругъ услышала отъ него... проповѣдь, въ которой онъ со свойственной ему страстностью началъ развивать идею богочеловѣчества. Но это смущеніе молодежи скоро разсѣялось, смѣнившись глубокимъ вниманіемъ и интересомъ къ новому

слову, столь не похожему на то, что ей приходилось слышать до тѣхъ поръ. Маликову сразу же удалось приковать къ своему ученію вниманіе молодежи, явившейся къ нему совсѣмъ съ другими цѣлями, съ другими настроеніями. А за вниманіемъ явилось и сочувствіе. Всѣхъ заражала его глубокая искренность, подкупала его убѣжденность, которая казалась непоколебимой, увлекалъ страстный энтузіазмъ. Въ проповѣдываніи своего „богочеловѣчества“ Маликовъ былъ неутомимъ. Зачастую не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи напролетъ онъ развивалъ свое ученіе, доказывая, что всѣ люди должны стремиться довести до высшаго развитія религіозное чувство, которое заложено въ каждомъ человѣкѣ, и этимъ путемъ достигать совершенства. Онъ вѣрилъ, что всѣ революціонеры и нигилисты откажутся отъ своей дѣятельности, какъ не достигающей цѣли, и сдѣлаются богочеловѣками. Рѣчи Маликова въ это время походили больше на вдохновенныя проповѣди, дышали огнемъ и страстью „жгли сердца“ слушателей. Недаромъ ихъ всегда называли „пламенными рѣчами“. Одинъ изъ слышавшихъ въ это время Маликова увѣрялъ, что, когда тотъ говорилъ на тему о богочеловѣчествѣ, то казалось, что „искры сыпались“.

Слѣдуетъ замѣтить, что взгляды на религію Маликова и его главнаго послѣдователя Н. В. Чайковскаго и ранѣе были какъ нельзя болѣе далеки отъ тѣхъ шаблонныхъ опредѣленій отрицательнаго характера, которыя были въ такомъ

ходу въ интеллигентной средѣ, особенно въ нигилистическихъ кружкахъ того времени. Придавая важное значеніе психологическому элементу, они считали религіозный вопросъ не болѣзненнымъ, а вполнѣ закономѣрнымъ, будучи убѣждены, что религіи принадлежитъ руководящая рѣчь въ массовой жизни человѣчества.

Они говорили, что нѣтъ такихъ людей, у которыхъ не было бы никакой религіи. У такъ называемыхъ атеистовъ есть своя религія, религія принциповъ, высшихъ нравственныхъ началъ, въ которые они вѣрятъ непоколебимо и которые для нихъ являются своего рода религіозными догматами, заповѣдями.

III.

Христіанство Маликовъ и Чайковскій ставили очень высоко. Всю современную цивилизацію, весь культурный прогрессъ они разсматривали, какъ порожденіе христіанскаго ученія путемъ вліянія на міръ и человѣка и постепеннаго внесенія христіанскихъ воззрѣній въ сознаніе и жизнь людей. Но, вполнѣ признавая колоссальныя заслуги христіанства въ прошломъ, въ исторіи человѣчества, богочеловѣки находили, что въ настоящее время насталъ моментъ, когда христіанство дало все то, что оно могло дать человѣчеству, оно выжило свое содержаніе и такимъ образомъ сдѣлалось безсильно предъ новыми назрѣвающими задачами

и запросами современной соціальной и міровой жизни. И вотъ поэтому является настоятельная и жгучая необходимость въ новой религіи, которая дѣйствительно зажгла бы сердца людей, которыя обновила бы ихъ жизнь, ихъ духовный, моральный міръ, которая дѣйствительно внесла бы гармонію въ смятенную, измученную душу современнаго человѣчества и сдѣлала его счастливымъ. Такой именно религіей, — по убѣжденію Маликова,—и должно было явиться ученіе о „богочеловѣчествѣ“.

Чѣмъ же въ сущности отличалось „богочеловѣчество“ отъ христіанства?

Главная, основная идея христіанскаго ученія заключается въ положеніи, что „царство Божіе *внутри* насъ“. Отсюда вытекаетъ обязанность и долгъ каждаго отдѣльнаго человѣка заботиться о *личномъ* совершенствованіи. Но отсюда же у христіанина явное равнодушіе къ тому, что *внѣ* насъ, *внѣ* человѣка, отсюда индифферентизмъ къ общественнымъ и государственнымъ условіямъ и формамъ жизни. Эта сторона христіанства, какъ извѣстно, выражена и подчеркнута въ ученіи Л. Н. Толстого, опирающемся, главнымъ образомъ, на Евангеліи.

„Богочеловѣки“ вполнѣ и безусловно признавали необходимость нравственнаго, религіозно-моральнаго обновленія и возрожденія человѣка. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходились съ христіанскимъ ученіемъ. Но они утверждали, что на этомъ, т.-е. на одномъ личномъ совершенство-

ваніи, остановиться невозможно. Они утверждали, что миръ, гармонія, любовь, справедливость должны быть не только въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, но должны проникать всѣ общественныя, соціальныя, международныя отношенія людей.

На основаніи исторіи религій богочеловѣки доказывали, что во всѣхъ религіяхъ человѣкъ въ сущности всегда боготворилъ самого себя. Они доказывали, что, постепенно совершенствуясь морально, освобождаясь отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, слабостей, порочныхъ наклонностей и дурныхъ страстей, человѣкъ можетъ достигнуть высокаго, идеальнаго совершенства, можетъ приблизиться къ самому Богу, можетъ слиться съ Нимъ, объединиться съ Богомъ, и въ доказательство этого ссылались на то необычайное, мистическое, чисто божественное состояніе, которое переживаетъ вѣрующій человѣкъ въ минуты религіознаго экстаза.

При такомъ состояніи людей естественно должны прекратиться и исчезнуть изъ жизни всякіе антогонизмы, отравляющіе въ настоящее время существованіе человѣчества: войны, борьба классовъ и партій, преступленія и пороки въ жизни людей. Словомъ, гармонія водворится не только въ душѣ человѣка, но и во внѣшнихъ условіяхъ и формахъ общественной жизни.

И все это, по мнѣнію богочеловѣковъ, должно совершиться путемъ обоготворенія человѣка. Такимъ образомъ на мѣсто христіанскаго

самопожертвованія во имя какихъ бы то ни было высокихъ идеаловъ, они ставили самоуваженіе человѣка, переходившее въ прямое его обоготвореніе.

Насиліе отрицалось въ силу его безполезности. Однако непротивленіе злу никогда не возводилось въ догму. Но всѣ насильственные пріемы борьбы со зломъ, со страстями, съ разрушительными наклонностями въ человѣческомъ обществѣ считались совершенно безплодными, безполезными. Понятно, что всякіе насильственные пути, въ родѣ революціи и возстанія, отрицались богочеловѣками самымъ категорическимъ образомъ. Маликовъ проповѣдывалъ, что насиліе нельзя уничтожить насиліемъ,—точно такъ же, какъ нельзя огонь залить керосиномъ. Онъ горячо призывалъ всѣхъ на насиліе отвѣтить любовью, съ враждой и злобой бороться путемъ примиренія и общаго единенія.

Охваченный необыкновеннымъ энтузіазмомъ, Маликовъ нерѣдко переживалъ минуты религіознаго экстаза, который, случалось, разражался слезами и рыданіями. Это приподнятое настроеніе Маликова и его послѣдователей, число которыхъ все возрастало, продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы это движеніе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но тутъ, по русскому обыкновенію, выступили на сцену... жандармы и прокуроры, которые сочли долгомъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы „положить предѣлъ“. Далѣе я подробнѣе разскажу объ этомъ.

IV.

Какъ же отнеслась молодежь того времени къ проповѣди Маликова о необходимости религіозно-этическаго обновленія, о необходимости разъ навсегда отказаться отъ всякаго насилія, а, слѣдовательно, и отъ всякихъ революціонныхъ средствъ борьбы?

Казалось, всѣ основанія были за то, что молодежь, увлеченная соціалистическимъ движеніемъ, если не отнесется враждебно, то во всякомъ случаѣ останется совершенно глухой къ проповѣди, отрицавшей самыя основы ея міросозерцанія, какъ нельзя болѣе далекаго отъ всякой метафизики и мистицизма.

Чтобы показать, какіе взгляды на религію и на религіозный элементъ высказывались въ то время людьми, признававшимися вождями и руководителями движенія, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько строчекъ изъ вступительной статьи, помѣщенной въ первомъ номерѣ журнала „Впередъ“ за 1873 годъ, подъ названіемъ: „Наша программа“:

„*Религіозный* [1]), церковный, догматическій элементъ намъ безусловно враждебенъ. Мы опираемся на критику, стремимся къ торжеству реальной мысли, къ удовлетворенію реальныхъ потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на

---

[1]) Курсивъ подлинника.

откровеніе или на идеалистическую метафизику, нѣтъ ничего общаго. Принципъ сверхъестественнаго, мистическаго мы не признаемъ ни въ одномъ изъ его оттѣнковъ“ (стр. 5).

При господствѣ такихъ взглядовъ слѣдовало бы ожидать, что богочеловѣчество Маликова на первыхъ же порахъ неминуемо должно потерпѣть полнѣйшій крахъ. Тѣмъ не менѣе, приходится признать, что проповѣдь Маликова имѣла несомнѣнный успѣхъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ же у него появляется цѣлый рядъ послѣдователей, горячо увѣровавшихъ въ его „богочеловѣчество“. Между прочимъ, ученіе это приняли: два молодыхъ артиллерійскихъ офицера Тепловъ и Аитовъ, кандидатъ петербургскаго университета В. И. Алексѣевъ, бывшій студентъ-медикъ московскаго университета С. А. Клячко, слушательница петербургскихъ, только что открывшихся тогда медицинскихъ курсовъ, К. С. Пругавина, старый пріятель Маликова, бывшій мировой посредникъ А. А. Бибиковъ, затѣмъ: Святскій, Хохловъ, Смольяниновъ, г-жа Эйгофъ и многіе другіе.

Но въ глазахъ молодого поколѣнія богочеловѣчество особенно много выиграло съ момента присоединенія къ нему Николая Васильевича Чайковскаго, основателя извѣстнаго кружка чайковцевъ,—кружка, который сыгралъ такую крупную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Необходимо замѣтить, что Чайковскій пользовался огромной популярностью и вліяніемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени.

Чѣмъ же можно объяснить столь быстрый успѣхъ мистической проповѣди Маликова въ средѣ, которая, казалось бы, какъ нельзя болѣе была застрахована отъ всякаго мистицизма?

Намъ кажется, что явленіе это слѣдуетъ объяснить, главнымъ образомъ, тѣми альтруистическими настроеніями, которыя переживались тогда нашей передовой молодежью, поставившей на своемъ знамени „служеніе народу“ и жаждавшей подвига, самоотреченія, стремившейся отказаться отъ всякихъ привилегій, удобствъ и преимуществъ своего положенія, чтобы слиться съ трудовой народной массой, безправной и угнетенной, но которая въ глазахъ молодежи являлась носительницей свѣтлыхъ нравственныхъ идеаловъ.

Движеніе это, проникнутое самымъ высокимъ идеализмомъ, по своему внутреннему содержанію носило въ значительной степени религіозный, этическій характеръ. Не даромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ участниковъ „хожденія въ народъ“, Сергѣй Кравчинскій, слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ общій характеръ этого движенія, его психологію. „Движеніе это едва ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очище-

нія“ [1]). Именно въ этомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ видѣть причину того, что мистическія проповѣди Маликова о богочеловѣчествѣ, о нравственномъ совершенствованіи, о развитіи религіознаго сознанія нашли въ адептахъ этого движенія такой скорый отзвукъ.

Идеи, составлявшія народническое credo, носились въ то время въ воздухѣ. Эти идеи исповѣдывались и всѣми богочеловѣками. Мы глубоко убѣждены, что и Толстой, при его необыкновенной чуткости, не могъ не подпасть подъ вліяніе этихъ идей.

Правда, любовь къ мужику пробудилась въ Толстомъ очень рано. Въ своемъ письмѣ къ Григоровичу по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности онъ писалъ: „Вы мнѣ дороги... въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня вмѣстѣ съ „Записками Охотника“ Тургенева ваши первыя повѣсти. Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, 16-лѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, „Антономъ-Горемыкой“, бывшимъ для меня радостнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и—хочется сказать—учителя, можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже съ трепетомъ“ [2]).

---

[1]) С. Степнякъ: «Подпольная Россія» Лондонъ. 1893 г., стр. 15.
[2]) «Письма Л. Н. Толстого». 1910 г., стр. 223.

Здѣсь, въ этихъ строчкахъ, какъ нельзя болѣе ярко сказывается то же самое настроеніе, то же самое отношеніе къ „мужику“, полное восторга и „трепета“, которыя являлись самыми характерными особенностями народнической идеологіи 70-хъ годовъ. Всегда таившіяся въ Толстомъ симпатіи къ трудовому народу и крестьянину пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный характеръ именно въ концѣ 70-хъ годовъ, т.-е. въ то самое время, когда происходитъ его сближеніе съ богочеловѣками и народниками.

Въ это именно время Толстой начинаетъ стремиться къ „опрощенію“, которое, какъ извѣстно, составляло основную черту людей, „ходившихъ въ народъ“; съ этого времени въ его отношеніяхъ къ свѣтскому обществу, въ аристократической средѣ проглядываютъ явно отрицательныя тенденціи. Онъ стремится сблизиться съ народомъ, ознакомиться съ его духовнымъ міромъ, для чего предпринимаетъ путешествія по монастырямъ, знакомится съ сектантами и т. д. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которые практиковались лицами, „ходившими въ народъ“, т.-е. ходитъ по Россіи пѣшкомъ, одѣвается въ крестьянское платье до лаптей включительно, и проч.

Демократическія симпатіи Толстого постепенно растутъ все болѣе, принимая при этомъ чисто народническій характеръ. Это прежде всего, конечно, очень сильно отражается въ его произведеніяхъ, а затѣмъ и въ условіяхъ его личной

жизни, въ его обстановкѣ, костюмѣ и т. д. Около этого же времени изъ подписи Льва Николаевича исчезаетъ титулъ графа. Онъ задумываетъ писать для широкихъ народныхъ массъ, задается мыслью создать народный органъ, стремится улучшить лубочную народную литературу и т. д.

V.

Успѣхъ ученія Маликова обратилъ на него вниманіе администраціи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ его послѣдователей начали распространять богочеловѣчество въ народѣ, съ Евангеліемъ въ рукахъ. Молодые офицеры Тепловъ и Литовъ были арестованы за это „на мѣстѣ преступленія“.

Жандармскій генералъ Слезкинъ и прокуроръ Жихаревъ, производившій въ то время дознаніе по дѣлу о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ, заинтересовались ученіемъ Маликова, его „пропагандой“. Маликовъ былъ арестованъ и привезенъ въ Москву.

На первомъ же допросѣ, въ присутствіи Жихарева и Слезкина, Маликовъ, вмѣсто показаній, которыя отъ него требовались, произнесъ горячую рѣчь о богочеловѣчествѣ, о необходимости нравственнаго совершенствованія, о развитіи религіознаго чувства и сознанія, о достиженіи того высокаго идеала, который долженъ приблизить человѣка къ Богу. Сообщеніе профессора Туна о томъ, что рѣчь эта заставила прокурора объявить мечтателя (т.-е. Маликова) „сумасшедшимъ“, не

подтверждается обстоятельствами дѣла. Напротивъ, имѣется нѣсколько свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что рѣчь Маликова произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. То, что они услышали, было для нихъ и ново, и неожиданно. Вслѣдъ за этимъ Маликовъ былъ немедленно же освобожденъ.

Вскорѣ, однако, власти спохватились и признали, что, хотя ученіе Маликова и не заключаетъ въ себѣ „ничего политическаго“, тѣмъ не менѣе, распространеніе его не можетъ быть допущено. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, какими соображеніями мотивировалось это распоряженіе. Какъ-никакъ, но Маликову строго-настрого было воспрещено распространять свое ученіе.

Обстоятельство это заставило „богочеловѣковъ“ задуматься относительно своего дальнѣйшаго существованія, тѣмъ болѣе, что они предвидѣли возможность новыхъ стѣсненій, новыхъ репрессій. Съ цѣлью примѣнить свои идеи къ жизни, „богочеловѣки“ еще ранѣе задумали образовать, на началахъ своего ученія, особую земледѣльческую общину. Но, убѣдившись, что русскія политическія условія того времени отнюдь не благопріятствовали какимъ бы то ни было религіозно-соціальнымъ опытамъ, они рѣшили уѣхать въ Америку, чтобы тамъ, на полной свободѣ, осуществить опытъ достиженія намѣченнаго ими идеала, устроить такую общину, которая послужила бы образцомъ для всѣхъ другихъ. Въ августѣ 1875 года „богочеловѣки“ эмигрировали въ

Америку въ числѣ 15 человѣкъ и тамъ въ штатѣ Канзасъ купили землю и устроили общину. Въ числѣ членовъ этой общины были: Маликовъ съ женой и дѣтьми, Чайковскій съ женой, Алексѣевъ съ семьей, Клячко съ женой, Хохловъ, Бруевичъ изъ Орла, братъ Алексѣева, Лидія Эйгофъ изъ Саратова. Позднѣе къ нимъ присоединился русскій эмигрантъ Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вильяма Фрея, оставившій Россію еще въ 1868 году.

Живя въ Россіи, Гейнсъ окончилъ двѣ военныя академіи: артиллерійскую и генеральнаго штаба, послѣ чего поступилъ въ Финляндскій гвардейскій полкъ. Подобная служба не могла его удовлетворить, не смотря на то, что его обширныя спеціальныя знанія какъ нельзя болѣе цѣнились начальствомъ. Все обѣщало ему быструю и блестящую карьеру (его родной братъ былъ казанскимъ губернаторомъ). Но все это нимало не прельщало его, такъ какъ всѣ его интересы, стремленія и планы лежали совсѣмъ въ иной плоскости. Онъ задавался широкими, грандіозными цѣлями о перевоспитаніи общества и народа. Подъ вліяніемъ сочиненій Фурье, Роберта Овена и Чернышевскаго, онъ усвоилъ соціалистическія идеи съ сильнымъ этическимъ налетомъ и мечталъ о возрожденіи человѣчества къ новой жизни путемъ устройства трудовыхъ общинъ на коммунистическихъ началахъ. И вотъ онъ сжигаетъ корабли и вмѣстѣ съ женой, носившей фамилію Славинской, вполнѣ раздѣлявшей его убѣжденія,

уѣзжаетъ въ 1868 году въ Америку, гдѣ и поселяется окончательно. При этомъ онъ принялъ американское подданство и перемѣнилъ свое имя и фамилію, назвавшись Вильямомъ Фреемъ.

Послѣ разныхъ перипетій, неизбѣжныхъ въ положеніи эмигранта, онъ ѣдетъ въ Миссури и тамъ вступаетъ въ общину „Union“, которой отдаетъ свои послѣдніе сто долларовъ. Но проходитъ годъ, и община распадается „вслѣдствіе внутреннихъ несогласій“. Тогда онъ перекочевываетъ въ Канзасъ и тамъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, докторомъ Bricks, основываетъ свою общину-коммуну „La Progressive“. Однако и эта община вскорѣ распалась „изъ-за разногласій, возникшихъ съ американцами, которые желали придать общинѣ коммерческій характеръ“. Эти неудачи убѣждаютъ Фрея въ томъ, что одинѣ экономическія основы и въ частности коммунизмъ совершенно недостаточны „для созданія прочнаго общества и что для этого необходимо и нравственное возрожденіе человѣка“. Изученіе О. Конта и его „религіи человѣчества“ окончательно укрѣпляетъ Фрея въ необходимости выдвинуть на первый планъ идею объ этическомъ совершенствованіи. Сдѣлавшись горячимъ послѣдователемъ позитивной религіи, увлекшись ея возвышенными принципами, въ родѣ знаменитаго „vivre pour autrui, Фрей началъ доказывать, что „никакая общинная жизнь не возможна безъ религіи, которая составляетъ основу человѣческой дѣя-

тельности, объединяя вѣрующихъ и руководя ими“ [1]).

Такъ объясняетъ біографъ Фрея Н. В. Рейнгардъ ту эволюцію, которую пришлось пережить Фрею на пути отъ коммунизма къ позитивизму. Мы считаемъ не лишнимъ добавить, что мысль о невозможности общинной жизни безъ религіи могла явиться у Фрея подъ впечатлѣніемъ знакомства съ состояніемъ различныхъ американскихъ общинъ. Ему не могъ не броситься въ глаза фактъ, что въ то время, когда общины коммунистовъ и людей, задававшихся исключительно соціальными цѣлями, всегда очень быстро распадались, общины людей, объединенныхъ религіозной идеей, сектантовъ: шэкеровъ, перфекціонистовъ, мормоновъ и т. д., существовали и развивались, достигая нерѣдко цвѣтущаго состоянія.

Познакомившись съ „богочеловѣками“, Фрей вмѣстѣ съ женой и дѣтьми вступилъ въ ихъ общину. Но это вступленіе не только не повлекло за собой укрѣпленія богочеловѣческой общины, а, наоборотъ, немало поспособствовало ея окончательному распаденію.

Г. Рейнгардъ, кстати сказать, черезчуръ идеализировавшій Фрея въ своей брошюрѣ, ни слова не говоритъ объ его жизни въ общинѣ „богочеловѣковъ“. Между тѣмъ пребываніе Фрея въ этой общинѣ проливаетъ яркій свѣтъ на личность

---

[1]) Н. В. Рейнгардъ: „Необыкновенная личность“, Казань, 1889 г.

этого безспорно замѣчательнаго, но и въ то же время сектантски-односторонняго человѣка. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія личной морали Вильямъ Фрей былъ поистинѣ человѣкомъ святой жизни. Человѣкъ идеи и принциповъ по преимуществу, онъ отличался полнымъ отсутствіемъ всякихъ побужденій личнаго характера, былъ совершенно свободенъ отъ всего, что носитъ характеръ эгоистическихъ стремленій и помысловъ. Но въ то же время онъ, несомнѣнно, былъ слишкомъ прямолинейнымъ человѣкомъ, черезчуръ склоннымъ доводить до абсурда выполненіе тѣхъ или иныхъ положеній или догматовъ исповѣдуемой имъ доктрины. Такъ, напримѣръ, свое вегетаріанство Фрей не приминулъ довести до крайнихъ, невозможныхъ предѣловъ, категорически и разъ навсегда отказавшись отъ употребленія даже сахара, даже соли. То же самое повторялось и въ другихъ случаяхъ. Извѣстный принципъ позитивной религіи „жить открыто“—vivre au grand jour—т.-е. не скрывать отъ людей образъ своей частной жизни, Фрей точно такъ же доводилъ до совершенно нелѣпыхъ предѣловъ. Такъ, живя въ общинѣ „богочеловѣковъ“, онъ пытался доказывать, что даже мужъ и жена не имѣютъ права вести между собой сепаратные разговоры, что и они не должны позволять себѣ хотя по временамъ изолироваться отъ другихъ членовъ общины... Дальше этого, конечно, уже не могла итти изступленная ненависть ко всякому проявленію индивидуализма.

VI.

Дѣло у „богочеловѣковъ“ не пошло: община ихъ не развилась и не окрѣпла. Это, разумѣется, объясняется многими причинами, изъ которыхъ можно указать: незнаніе мѣстныхъ условій, неумѣніе быстро примѣниться къ нимъ, полное отсутствіе привычки къ физическому труду.

Неудивительно, что община начала нуждаться. Постепенно нужда обострялась все больше и больше. Членамъ общины жилось голодно и холодно. Въ результатѣ чрезмѣрной, напряженной работы, помимо утомленія и усталости, являлось недовольство, прокрадывалось раздраженіе. Взаимныя отношенія членовъ общины начали разлаживаться, начали возникать недоразумѣнія, неудовольствія, пререканія. Вѣра въ возможность достиженія богочеловѣческаго совершенства, — вѣра, которая воодушевляла и окрыляла членовъ общины,—постепенно слабѣла и гасла. Надежда создать новую религію, которая явилась бы синтезомъ христіанства и соціализма, распадалась окончательно.

Въ отношеніяхъ къ нимъ американцевъ проглядывало явное недовѣріе и предубѣжденіе. Американцы называли ихъ коммунистами, говорили, что у нихъ существуетъ общность женъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это обычные слухи, почти всегда пускаемые въ Америкѣ о членахъ разныхъ сектантскихъ общинъ.

Вообще между практическими американцами и русскими общинниками, преисполненными крайняго идеализма, не установилось сколько-нибудь прочныхъ отношеній и связей. Это, разумѣется, не могло не тяготить „богочеловѣковъ“, которые начали чувствовать себя въ Америкѣ совершенно чужими людьми. И вотъ у нихъ появляется тоска по родинѣ, мучительная тоска по русскимъ людямъ, острое, жгучее желаніе во что бы то ни стало увидѣть Россію.

Черезъ два года члены общины рѣшили разстаться, чтобы „вернуться въ цивилизацію“, какъ говорили они.

Часть изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Маликовъ и Алексѣевъ, вернулась въ Россію, другіе—Чайковскій и Клячко—остались за границей, въ Европѣ.

Они вернулись изъ Америки морально разбитыми людьми,—настолько, что объ участіи въ русскомъ общественномъ движеніи, которое въ то время отлилось въ форму „Народной Воли“, невозможно было и думать. Тѣмъ болѣе, что всѣ „богочеловѣки“: Маликовъ, Чайковскій, Алексѣевъ и другіе, всегда отличались отсутствіемъ боевого революціоннаго темперамента и всегда вдохновлялись, главнымъ образомъ, творческой, созидательной работой. Мотивы этическаго характера всегда преобладали въ нихъ. И хотя они болѣли душой за то, что творилось въ Россіи, благодаря господству реакціи, тѣмъ не менѣе, отдать своей души политическимъ партіямъ они уже не могли. Но они не отказались отъ высокаго богочеловѣческаго идеала, какъ конечной цѣли, къ которой,

по ихъ мнѣнію, стремится человѣчество въ процессѣ естественной эволюціи. Они остались вполнѣ вѣрны этому идеалу.

Таково, по нашему мнѣнію, было настроеніе „богочеловѣковъ“ въ тотъ моментъ, когда они, вернувшись въ Россію, вошли въ сношенія съ Толстымъ. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, особенно близко сталъ къ Толстому В. И. Алексѣевъ, учитель его дѣтей, прожившій съ великимъ писателемъ подъ одной кровлей нѣсколько лѣтъ.

Окончивъ свои учительскія обязанности въ семьѣ Толстого, Алексѣевъ не порвалъ своихъ связей со Львомъ Николаевичемъ. Покинувъ Ясную Поляну, онъ переселился въ самарское имѣніе Толстого, гдѣ и прожилъ довольно долгое время. Переписка, существовавшая между Алексѣевымъ и Толстымъ, носитъ самый дружескій, интимный характеръ. Нѣкоторыя изъ писемъ Толстого къ Алексѣеву читатель найдетъ въ первомъ томѣ сборника П. А. Сергѣенка: „Письма Л. Н. Толстого“. (Москва, 1910 г.).

Уже изъ этихъ писемъ можно видѣть, какой глубокой сердечностью проникнуты были отношенія великаго писателя къ В. И. Алексѣеву и насколько близко они были духовно. „Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень“, пишетъ ему Толстой въ 1881 году. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Мнѣ радостно думать, что *у насъ съ вами вѣра одна*“.

Въ томъ же письмѣ Толстой заявляетъ: „Я не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ, въ томъ спокойствіи и ясности моего

міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги (мнѣ)“.

Другой „богочеловѣкъ“, съ которымъ Толстой въ теченіе долгаго времени состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, былъ, какъ я уже замѣтилъ ранѣе, А. А. Бибиковъ. Прошлое этого человѣка тоже было далеко не заурядным, а потому будетъ нелишне сказать о немъ нѣсколько словъ.

Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, Бибиковъ былъ помѣщикъ Тульской губерніи и въ половинѣ 60-хъ годовъ служилъ мировымъ посредникомъ. Вмѣстѣ съ Маликовымъ онъ былъ привлеченъ къ дѣлу Каракозова вслѣдъ за выстрѣломъ послѣдняго 4 апрѣля 1866 года. Послѣ суда Бибиковъ былъ сосланъ въ г. Кадниковъ, Вологодской губерніи, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ; весной 1868 года его переводятъ въ Великій Устюгъ, той же губерніи. Здѣсь онъ прожилъ еще годъ, послѣ чего, по болѣзни, былъ переведенъ въ г. Воронежъ. Въ 1871 году ему разрѣшено было переѣхать въ свое имѣніе, въ Тульскую губернію, съ условіемъ жить тамъ безвыѣздно, подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1873 году Бибиковъ былъ освобожденъ отъ надзора полиціи, съ обязательствомъ не

въѣзжать въ Жиздринскій уѣздъ, Калужской губерніи, и безъ права проживанія въ столицахъ. Такимъ образомъ онъ пробылъ 5 лѣтъ въ ссылкѣ и 7 лѣтъ подъ надзоромъ полиціи.

Если не ошибаюсь, къ этому времени относится знакомство Бибикова со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его семьей. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто управляющаго самарскимъ имѣніемъ Толстого и поселился на хуторѣ, въ степи, около села Патровки, Бузулукскаго уѣзда. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ онъ считался въ то время „богочеловѣкомъ“, сторонникомъ ученія Маликова, съ которымъ его соединяло долголѣтнее и близкое знакомство.

Что касается Маликова, то сношенія съ нимъ Толстого выражались въ частыхъ встрѣчахъ и свиданіяхъ, продолжительныхъ бесѣдахъ и безконечныхъ спорахъ на темы религіозно-этическаго характера. Существовала ли между ними переписка—я не знаю. Старшая дочь Маликова, К. А. Дубахъ, сообщала мнѣ, что у покойнаго отца ея имѣлись письма Л. Н. Толстого, но что они, вмѣстѣ со всѣми другими бумагами, погибли во время крушенія поѣзда при переѣздѣ отца на службу въ г. Михайловъ, Рязанской губерніи.

Этимъ пока мы и закончимъ свой очеркъ, въ надеждѣ, что онъ послужитъ поводомъ для лицъ, располагающихъ свѣдѣніями о „богочеловѣчествѣ“ и объ отношеніяхъ геніальнаго писателя къ участникамъ этого движенія—подѣлиться своими свѣдѣніями въ печати.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ТОЛСТОВЦАХЪ.

Толстовство, какъ секта.

(По офиціальнымъ даннымъ).

Тотъ, кто желаетъ познакомиться съ отношеніемъ православной церкви къ различнымъ проявленіямъ религіозной жизни русскаго народа и общества, прежде всего, конечно, долженъ обратиться къ „всеподданнѣйшимъ отчетамъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія“. Поэтому и мы поставили себѣ цѣлью пересмотрѣть эти отчеты за послѣднія двадцать пять лѣтъ, вплоть до 1905 года, чтобы извлечь изъ нихъ все то, что касается Л. Н. Толстого, его религіознаго ученія, его „сектантства“ и, наконецъ, его послѣдователей, такъ называемыхъ „толстовцевъ“.

Въ первый разъ о Толстомъ упоминается въ отчетѣ оберъ-прокурора К. П. Побѣдоносцева за 1886 годъ. Въ этомъ отчетѣ сообщается о полемикѣ, поднятой разными лицами противъ идей „новаго самозваннаго учителя графа Льва Толстого“. Приводимъ здѣсь это мѣсто изъ отчета безъ всякихъ измѣненій.

„Замѣчательную особенность отчетнаго года составляютъ весьма серьезныя статьи, направленныя противъ измышленій новаго самозваннаго учителя, графа Льва Толстого. Противоевангельскія сочиненія его: „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Новое евангеліе“ и другія напечатаны у насъ не были. Но такъ какъ частью въ рукописяхъ и литографіяхъ, частью въ печатныхъ изданіяхъ, сдѣланныхъ за границей на французскомъ языкѣ, они значительно распространились въ обществѣ и находятъ себѣ послѣдователей, то вызвали противъ себя философскую и богословскую критику. Первый началъ дѣло критическаго изслѣдованія ихъ профессоръ харьковскаго университета, М. Остроумовъ, рядомъ статей въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, подъ заглавіемъ: „Наши новые философы и богословы“. Затѣмъ писали противъ сочиненій Толстого казанскіе ученые—доцентъ казанской духовной академіи А. Гусевъ, напечатавшій въ „Православномъ Обозрѣніи“ статью: „Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра“, и профессоръ той же академіи Волковъ, напечатавшій въ академическомъ изданіи рядъ статей подъ заглавіемъ: „Послѣднія произведенія графа Л. Н. Толстого и ихъ критика въ русской и отчасти иностранной литературѣ“. Гусевъ, изложивъ почти дословно пресловутую „Исповѣдь“ графа Толстого, показалъ шаткость его философскихъ воззрѣній и въ особенности раскрылъ то положеніе, что истинная

нравственность несовмѣстна съ отрицаніемъ или ложнымъ толкованіемъ христіанскаго вѣроученія, которое всегда было и останется душою нравственности. Профессоръ Волковъ, обозрѣвъ и оцѣнивъ появившіяся уже критическія статьи противъ ученія графа Толстого въ нашей русской и частью въ иностранной литературѣ, обстоятельно разсмотрѣлъ потомъ самое это ученіе и пришелъ къ выводу, что графъ Толстой, открывая будто бы людямъ что-то новое, въ дѣйствительности своею философіею и религіей только искажаетъ уже существующее доброе и особенно извращаетъ высокое христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему.—Въ концѣ года напечатанъ рядъ дѣльныхъ статей въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ Ал. Орфано, подъ заглавіемъ: „Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра человѣка?“ Сличая мнимо-евангельскій текстъ графа Толстого съ истиннымъ Евангеліемъ, авторъ находитъ въ сочиненіяхъ Толстого только совершенное извращеніе Евангелія.—Наконецъ раздался голосъ противъ новаго ересеучителя и съ церковной каѳедры. Преосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій, напечаталъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ три обширныя бесѣды, въ которыхъ обстоятельно доказалъ, что ученіе Толстого разрушаетъ основы не только православной христіанской вѣры и всякой религіи, но и всякаго общественнаго и государственнаго порядка. Бесѣды эти перепе-

чатаны во многихъ духовныхъ журналахъ“ [1]).

Въ слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1887 годъ находимъ новыя свѣдѣнія, касающіяся „графа Толстого“ и пропаганды его ученія въ Ясной Полянѣ.

„Въ Тульской епархіи подъ вредное вліяніе ложныхъ ученій подпали особенно два села Крапивенскаго уѣзда — большое торговое село Сергіевское и село Кочаки съ сельцомъ Ясною Поляною. — Въ Сергіевскомъ приходѣ продолжалась пропаганда пашковскаго ученія. Въ прежнее время главные дѣятели пропаганды— жена гвардіи полковника князя С. Гагарина В. Гагарина и неразлучная ея спутница К. Козлянинова, проживая въ лѣтнее время въ Сергіевскомъ, въ имѣніи князя Гагарина, съ цѣлью распространенія пашковскаго лжеученія, раздавали и разсылали по имѣнію князя массу брошюръ, изданныхъ „Обществомъ поощренія религіозно-нравственнаго чтенія“; для изустнаго проповѣдыванія пашковскаго лжеученія открывали публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ и устраивали такія же собранія въ собственномъ Гагарина домѣ. Но въ этомъ (1887) году не было слышно о распространеніи брошюръ названнаго общества, прекратились и публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ; но продолжались собранія въ

---

[1]) „Правительственный Вѣстникъ“, 1889 г., № 141.

домѣ князя Гагарина, въ которыхъ принимали участіе, считая себя послѣдователями пашковскаго лжеученія, всѣ служащіе при домѣ и больницѣ Гагариныхъ и многія постороннія лица. Въ Сергіевскомъ приходѣ они имѣютъ, несомнѣнно, вредное вліяніе.

„Въ Кочаковскомъ приходѣ продолжалась пропаганда міросозерцанія и нравственныхъ убѣжденій *графа Толстого*, хотя не съ тою энергіею и усердіемъ, какъ въ прежнее время. Въ 1887 году графъ Толстой проживалъ большею частью въ Москвѣ, а не въ Ясной Полянѣ, какъ въ ближайшіе предшествовавшіе годы и, слѣдовательно, для личнаго своего вліянія на яснополянскихъ крестьянъ располагалъ меньшимъ временемъ, нежели прежде. Къ тому же и самыя отношенія его къ этимъ крестьянамъ значительно измѣнились. Правда, онъ пахалъ и косилъ наравнѣ съ крестьянами, при случаѣ оказывалъ бѣднымъ помощь своими трудами, напримѣръ, покрывалъ хаты соломою, смазывалъ печи и т. п., стараясь производить всѣ подобныя работы преимущественно въ праздничные дни; но онъ уже не имѣлъ возможности въ прежнихъ размѣрахъ оказывать крестьянамъ денежную или матеріальную помощь изъ своего имѣнія, такъ какъ старшіе его сыновья начали ограничивать его расточительность и преслѣдовать проступки крестьянъ противъ его собственности и уже не дозволяютъ крестьянамъ хищнически хозяйничать въ его имѣніи. Открытою

устною пропагандою своего ученія въ народѣ Толстой лично самъ не занимался и не занимается. Для этой цѣли въ прежнее время онъ подбиралъ стороннихъ подходящихъ лицъ, какимъ былъ, напримѣръ, съ 1885 г. принявшій православіе еврей Исаакъ Фондерманъ [1]), въ 1887 г. куда-то скрывшійся изъ Ясной Поляны. Въ настоящее время главнымъ средствомъ пропаганды идей Толстого осталась безплатная раздача крестьянамъ мелкихъ изданій извѣстной фирмы „Посредникъ“ [2]).

Извлеченія изъ этого отчета были перепечатаны во многихъ газетахъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ. Дѣти Л. Н. Толстого сочли своимъ долгомъ выступить съ возраженіемъ противъ тѣхъ свѣдѣній отчета, которыя касались ихъ отношеній къ отцу, и напечатали въ „Новомъ Времени“ слѣдующее письмо къ редактору:

„М. г. Въ „*Новомъ Времени*“ отъ 8 мая было помѣщено извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1887 г. относительно „распространенія въ Кочаковскомъ приходѣ міросозерцанія и нравственныхъ убѣжденій графа Л. Н. Толстого“, въ которомъ мы прочли, между прочимъ, что графъ Толстой „уже не имѣлъ воз-

---

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка, такъ какъ по всѣмъ видимостямъ рѣчь идетъ объ Исаакѣ Борисовичѣ Фейнерманѣ. *А. П.*

[2]) „Правительственный Вѣстникъ“, 1890 г., № 99.

можности въ прежнихъ размѣрахъ оказывать крестьянамъ помощь изъ своего имѣнія, такъ какъ старшіе его сыновья начали ограничивать его расточительность и преслѣдовать проступки противъ его собственности и уже не дозволяютъ хищнически хозяйничать въ его имѣніи".

„Замѣтивъ, что отецъ признаетъ дѣйствительною лишь помощь, оказываемую *личнымъ трудомъ*, а при такомъ воззрѣніи нѣтъ мѣста расточительности (это видно изъ его сочиненій, а также изъ отчета г. оберъ-прокурора, гдѣ говорится, что графъ Толстой „при случаѣ оказывалъ помощь бѣднымъ *своими трудами*"), и не касаясь всего прочаго въ отчетѣ, мы—старшіе сыновья графа Л. Н. Толстого—считаемъ своимъ долгомъ печатно заявить, что мы не только никогда не позволили бы себѣ ограничивать расточительность отца, — на что мы не имѣемъ никакого права,—но что мы сочли бы неуважительнымъ и непозволительнымъ всякое съ нашей стороны вмѣшательство въ его дѣйствія.

„Надѣемся, что газеты, помѣстившія извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. оберъ-прокурора, не откажутъ перепечатать настоящее письмо.

„Примите и проч.

Старшіе сыновья графа Л. Н. Толстого:
Сергѣй, Илья, Левъ Толстые.

Въ отчетѣ за 1888 и 1889 годы о Толстомъ совсѣмъ не упоминается.

Въ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1890 и 1891 годы о Толстомъ упоминается лишь мелькомъ два раза. Для полноты считаемъ, однако. не лишнимъ привести здѣсь эти мѣста.

1) „Между штундистами существуетъ особое направленіе, поддерживаемое по преимуществу образованными людьми: ученіе объ оправданіи излагается почти тождественно съ ученіемъ графа Толстого, такъ что, при отрицаніи божества Іисуса Христа и будущей жизни, Его крестная смерть признается спасительною лишь въ томъ смыслѣ, что она служитъ вѣчно ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ страдальцевъ“ (стр. 241).

2) Перечисляя условія, благопріятствующія развитію штунды, отчетъ заявляетъ, что къ числу этихъ условій „слѣдуетъ отнести усиленную, до назойливости, пропаганду при помощи брошюръ графа Толстого, Пашкова, фирмы „Посредника“ и даже заграничныхъ подпольныхъ религіознаго содержанія листковъ, изъ Гамбурга и Франкфурта...“

Въ отчетѣ за 1892 и 1893 годы также находимъ лишь нѣсколько строчекъ, относящихся до Л. Н. Толстого. Говоря о штундѣ, отчетъ сообщаетъ, что послѣдователями этой секты „вмѣсто библейскихъ 10 заповѣдей проповѣдуются свои, самоизмышленныя *въ духъ ученія графа Толстого*“ (стр. 263). „Но на ряду съ вопросами вѣры, — продолжаетъ отчетъ, — сек-

тантскіе трактаты останавливаютъ мысль народа на вопросахъ чисто общественнаго, соціальнаго и государственнаго порядка и разрѣшаютъ ихъ, хотя, повидимому, и на религіозной почвѣ, при посредствѣ ряда ссылокъ на библейскіе тексты, но въ духѣ соціализма и не вездѣ даже прикровеннаго. Особенно часто затрогиваются и тенденціозно разрѣшаются вопросы о благѣ всѣхъ людей, свободѣ, равенствѣ и братствѣ, о властяхъ, о государственныхъ повинностяхъ, присягѣ, войнѣ и судахъ". (Ibid.)

Затѣмъ въ отчетахъ за 1894, 1895, 1896 и 1897 года о Л. Н. Толстомъ ничего не упоминается, хотя въ этихъ отчетахъ и приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о новомъ ученіи, возникшемъ въ 1894 году среди кавказскихъ духоборцевъ и вызвавшемъ среди нихъ извѣстное движеніе, закончившееся эмиграціей. Нѣсколько позднѣе, а именно въ отчетѣ оберъ-прокурора Св. Синода за 1898 годъ это движеніе объясняется „преднамѣренною пропагандою среди духоборческаго населенія религіозно-анархическихъ воззрѣній со стороны интеллигентныхъ послѣдователей религіозно-соціальнаго ученія гр. Льва Толстого". Далѣе мы приведемъ въ подлинникѣ тѣ мѣста отчетовъ г. оберъ-прокурора, которыя касаются духоборцевъ и отношеній къ нимъ послѣдователей Л. Н. Толстого.

Отчетъ за 1898 годъ очень подробно говоритъ о характерѣ и настроеніи „новѣйшаго раціоналистическаго сектантства", при чемъ не

разъ подчеркиваетъ крайне вредное вліяніе, какое оказываетъ на русское сектантство „такъ называемое толстовство“. Приводимъ здѣсь это мѣсто цѣликомъ.

„Усиленная пропаганда новѣйшаго раціоналистическаго сектантства“.

„Въ мірѣ новѣйшаго сектантства, главнымъ образомъ въ штундѣ, повсюду замѣчалось возбужденное и тревожное настроеніе, доходившее мѣстами, какъ, напр., въ юго-западномъ краѣ, до остраго броженія, выражавшагося въ необыкновенной дерзости сектантовъ въ отношеніи къ православному населенію, особенно же къ духовенству, полиціи и вообще должностнымъ лицамъ,—въ намѣренномъ глумленіи отщепенцевъ надъ святынями православія и въ открытой пропагандѣ своего лжеученія какъ въ православномъ населеніи, такъ и въ средѣ стараго сектантства.

„Сектанты демонстративно устраивали воспрещенныя Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ 1894 года многолюдныя богомоленныя собранія, привлекая на нихъ и православныхъ людей. На требованія полиціи прекратить незаконныя собранія, штундисты отвѣчали систематическимъ ослушаніемъ, грубостями и даже насиліями, упорно заявляя, что они не желаютъ подчиняться требованіямъ мѣстной власти, такъ какъ увѣрены въ изда-

ніи новаго закона въ пользу свободы ихъ штундовоїї вѣры, что у нихъ въ самой столицѣ много братьевъ и сильная поддержка. Отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются: изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальноїї грамотѣ, устраняя тѣмъ доброс православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты. Агитаціонныїї духъ современноїї штунды вызвалъ у сектантовъ стремленіе къ кляузамъ и сутяжничеству, выражающимся въ подачѣ жалобъ, заявленіїї и прошеніїї въ разныя правительственныя учрежденія, въ скитаніи по судамъ. Духъ живой вѣры, нравственная чистота замѣтно падаютъ въ средѣ новѣїшаго сектантства; заблудшихъ по чисто религіозноїї пытливости насчитывается нынѣ незначительное число.

„Оцѣнивая настоящее броженіе среди штундистовъ, миссіонерскіе отчеты епархіальныхъ начальствъ приходятъ къ единодушному заключенію, что сектантскимъ движеніемъ начинаютъ руководить далеко не религіозные мотивы, а другія, направляемыя извнѣ, причины.

„Сюда прежде всего нужно отнести проникновеніе въ народно-сектантскую среду идеїї соціально-нигилистическаго направленія и проповѣди, *такъ называемаго „Толстовства“*, лжеученіе котораго характеризуется вреднымъ про-

тивохристіанскимъ догматизмомъ и противогосударственными воззрѣніями.

„Пропаганда этихъ ложныхъ идей и воззрѣній идетъ въ средѣ народнаго сектантства на почвѣ сближенія интеллигентныхъ послѣдователей этихъ лжеученій съ главарями штундовой секты, а также при посредствѣ подпольныхъ рукописныхъ и печатныхъ заграничныхъ изданій, въ которыхъ интеллигентные сектанты стремятся систематизировать и обосновать религіозно-соціальныя воззрѣнія штунды, въ духѣ направленія зловреднымъ какъ для господствующей Церкви, такъ и для государственной власти. Такъ усиливается обращеніе среди южно-русскихъ штундистовъ и у столичныхъ пашковцевъ крайне вредныхъ тетрадокъ и печатныхъ заграничныхъ листковъ, съ катехизическимъ изложеніемъ лживыхъ религіозно-политическихъ *толстовско-духоборческихъ воззрѣній*. Систематическая агитація интеллигентныхъ руководителей народнаго сектантства особенно усиленно дѣйствовала во время всероссійской переписи и не мало способствовала возбужденію умовъ среди темной, сбитой съ толку сектантской массы.

„Въ числѣ другихъ причинъ, порождающихъ въ средѣ народнаго сектантства броженіе, миссіонерскіе отчеты указываютъ также и на агитацію въ пользу мнимо-угнетенныхъ сектантовъ со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральною, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сек-

тантамъ, поддерживающей съ ними и личныя и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію. Эта агитація перешла и въ печать, въ которой въ 1898 году появилось множество статей въ поддержаніе раскола и сектъ и въ порицаніе нашихъ миссій, и потому неудивительно, что и сектанты усиленно слѣдятъ за литературными теченіями въ ихъ пользу. Почти всѣ эти статьи, однако, принадлежатъ авторамъ несерьезнымъ, не имѣющимъ яснаго понятія ни о Церкви, ни о существѣ сектантскихъ вѣрованій. Заграничные нѣмцы-баптисты такъ же какъ и ранѣе продолжали поддерживать дѣятельныя сношенія съ русской штундой, заботы ихъ были направлены не только къ широкому распространенію среди народа массы направленныхъ противъ православія брошюръ и листковъ, но они еще содержали на опредѣленномъ жалованьѣ многихъ пропагандистовъ сектантства, въ Гамбургской баптистской семинаріи подготовляли спеціально проповѣдниковъ штундо-баптизма, а путемъ заграничной печати и лживыхъ извѣстій о преслѣдованіяхъ и казняхъ производится давленіе на общественное мнѣніе въ пользу сектантовъ. Въ 1898 году въ Лондонѣ на средства сектанта-толстовца, помѣщика Воронежской губерніи, Владиміра Черткова открыта типографія и издается газетка „Братскій листокъ“, переименованный затѣмъ въ „Листки свободнаго слова“.

Изданіе это исключительно занимается русскимъ сектантствомъ и навѣтами на православную Церковь и правительственную власть. Въ составленіи этихъ сектантскихъ листковъ принимаетъ, къ прискорбію, дѣятельное участіе извѣстный нашъ писатель гр. Левъ Толстой, возглавляющій каждый выпускъ своей рѣзкой критикой ученія о жизни православной Церкви, а равно и дѣйствій русскихъ властей. Издателями упомянутыхъ листковъ были разосланы главарямъ штундовыхъ общинъ вопросные листки о положеніи русскихъ сектантовъ въ церкви и государствѣ, отвѣты послѣднихъ и служатъ главнымъ источникомъ сообщаемыхъ въ листкахъ лживыхъ и пристрастныхъ свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ“ [1]).

Въ отчетѣ за 1899 годъ находимъ подробныя свѣдѣнія о вліяніи Толстого и его послѣдователей на духоборовъ; извлеченія изъ этого отчета нами приводятся въ слѣдующей статьѣ, посвященной духоборческому движенію и той роли, которую сыграли въ немъ „толстовцы“.

Отчетъ за 1900 годъ прямо и категорически заявляетъ, что „никогда наша русская православная Церковь не имѣла такого опаснаго врага, какого она имѣетъ теперь въ лицѣ новѣйшаго раціоналистическаго сектантства, въ особенности штунды и *толстовства*. Въ этомъ сектантствѣ

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898 годъ, стр. 89—92.

есть все, что только можетъ придумать своевольная мысль и гордое самомнѣніе,—все, что можетъ породить и воспитать необузданное чувство“ (стр. 229). Познакомивъ съ вреднымъ характеромъ современнаго штундизма, отчетъ переходитъ затѣмъ къ толстовству, которому на этотъ разъ посвящаетъ особую рубрику слѣдующаго содержанія.

„Толстовство“.

„Атеистическія и противогосударственныя идеи, наблюдаемыя въ современномъ штундизмѣ, проникли въ эту секту не безъ вліянія весьма опаснаго религіозно-соціальнаго лжеученія графа Толстого, практически примѣненнаго къ понятіямъ и жизни простого народа. Къ глубокому прискорбію, это лжеученіе начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы. Толстовство, какъ секта, наблюдается въ Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской губерніяхъ и на Кавказѣ. Какъ болѣе свѣжее и богатое умственными силами ученіе, толстовство начинаетъ подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лжеученія, мало-по-малу теряющія подъ вліяніемъ его свою самостоятельность и оригинальность. Не ограничиваясь сектантскою средою, толстовство пролагаетъ себѣ путь (и не безъ успѣха) и къ здоровой части русскаго народа—въ среду православнаго населенія.

„Проникновеніе въ народную среду толстовскихъ воззрѣній сопровождается самыми печальными послѣдствіями. Метафизическую сторону новаго ѣученія крестьяне оставили въ покоѣ, какъ непонятную и потому неинтересную для нихъ. Они усвоили только показавшуюся имъ привлекательною практическую сторону толстовства, — соціально-коммунистическія чаянія его. Извѣстныя преступныя дѣянія закавказскихъ духоборовъ-постниковъ, выразившіяся въ противодѣйствіи ихъ правительственнымъ требованіямъ, явились прямымъ результатомъ усвоенія духоборами упомянутой практической стороны толстовства, дѣятельно распространявшагося среди нихъ агитаторами-толстовцами, прибывшими въ край и входившими въ непосредственныя сношенія съ сектантами. Религіозная же сторона въ народномъ толстовствѣ почти отсутствуетъ. Въ подтвержденіе сего достаточно указать, напримѣръ, на штундо-толстовцевъ Уманскаго уѣзда, Кіевской епархіи. На бесѣдахъ въ селѣ Кишинцахъ, веденныхъ епархіальнымъ миссіонеромъ въ 1900 году, сектанты свободно и откровенно заявляли объ „естественномъ“ рожденіи Господа Іисуса Христа, о „недостовѣрности“ многихъ мѣстъ Евангелія и всего Апостола, и о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, какъ „старшемъ братѣ и учителѣ жизни“.

„Такимъ образомъ, религіи въ толстовствѣ, какъ сектѣ, мало; здѣсь главное—протестъ противъ религіи, и не во имя какой-либо другой

религіозной истины, а по соображеніямъ соціально-политическимъ. Производя истребленіе въ умахъ и сердцахъ простого народа самыхъ священныхъ и дорогихъ чувствъ вѣры христіанской, лжеученіе толстовства грозитъ православной церкви и государству нарожденіемъ въ православной Россіи атеизма и нигилизма, т.-е. страшнаго типа людей, безъ вѣры въ Бога и безъ любви къ своему отечеству“ [1]).

Въ отчетѣ за слѣдующій 1901 годъ также находимъ особую рубрику, посвященную сектѣ толстовцевъ; приводимъ ее здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

„Толстовство“.

„Толстовство, признанное еще въ 1897 году миссіонерскимъ съѣздомъ въ Казани вполнѣ опредѣлившеюся, какъ съ положительной, такъ и съ отрицательной стороны сектою, продолжало въ 1901 году свое поступательное движеніе не только въ интеллигенціи, но и въ средѣ простого народа. Главными очагами этого лжеученія являются въ настоящее время губерніи: Харьковская, Курская, Воронежская, Полтавская, Кіевская и Кавказъ. Заслуживаетъ вниманія то, отмѣчаемое преосвященнымъ Тульскимъ, обстоятельство, что лжеученіе графа Тол-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1900 годъ, стр. 241—242.

стого не прививается на мѣстѣ постояннаго его жительства, въ деревнѣ Ясной Полянѣ, Тульской губерніи. Крестьяне этой деревни привержены къ православной вѣрѣ не менѣе, чѣмъ прихожане и другихъ приходовъ епархіи, усердно посѣщаютъ храмъ, исполняютъ всѣ церковныя требы и очень почтительны къ священникамъ.

„Пропаганда толстовства ведется, главнымъ образомъ, путемъ распространенія въ народѣ книгъ и брошюръ, составленныхъ въ духѣ секты. Такъ, на Кавказѣ, по словамъ преосвященнаго экзарха Грузіи, по рукамъ русскихъ переселенцевъ въ изобиліи ходили въ отчетномъ году небольшія брошюрки подъ общимъ названіемъ „Народные листки“, печатанные въ Женевѣ. По содержанію своему листки эти очень разнообразны, но они имѣютъ одну общую цѣль—убѣдить читателей въ ложности господствующей Церкви и ея учрежденій, а также въ незаконности существованія государственной власти и не обязательности подчиняться ей.

„О фанатизмѣ толстовцевъ, объ ихъ открытыхъ глумленіяхъ надъ православіемъ, ихъ дерзкомъ кощунствѣ надъ святынями, оскорбленіи религіозныхъ чувствъ православныхъ, сообщаютъ преосвященные всѣхъ епархій, зараженныхъ толстовствомъ. Безпримѣрно же дикимъ проявленіемъ фанатизма толстовцевъ по отношенію къ православію является совершонный въ 1901 году толстовцами села Павловска, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, раз-

громъ мѣстнаго православнаго храма. 16 сентября въ воскресенье, около 6 часовъ утра, толстовцы названнаго села, нафанатизированные атеистическими и анархическими идеями своей секты, проведя ночь на сектантскомъ собраніи въ домѣ одного изъ мѣстныхъ сектантовъ, толпою свыше 100 человѣкъ, въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей, двинулись по направленію къ ближайшей по пути церкви-школѣ, въ которой, въ виду дошедшихъ до свѣдѣнія мѣстной полиціи слуховъ о готовящемся разгромѣ сектантами православныхъ церквей, богослуженіе въ этотъ день было отмѣнено. Подойдя къ церкви-школѣ, сектанты оттолкнули отъ ея ограды дежурившихъ здѣсь полицейскихъ чиновъ, съ крикомъ бросились къ церковнымъ дверямъ и, взломавъ замки, ворвались внутрь церкви, гдѣ произвели возмутительное кощунство. Разбивъ рамы и стекла въ окнахъ церкви, сектанты бросились къ престолу. Одинъ изъ сектантовъ сѣлъ на него, за нимъ сдѣлали то же и другіе. Послѣ этого престолъ былъ опрокинутъ и разбитъ, царскія врата сломаны, завѣса сорвана, нѣкоторыя иконы выбиты изъ иконостаса и брошены на полъ, а запрестольный и напрестольный кресты, дарохранительница съ ковчегомъ для храненія Святыхъ Даровъ, которыхъ въ немъ, однако, не было, хоругви и другіе священные предметы были частью погнуты, частью разбиты. Кромѣ того, св. Евангеліе было разорвано и брошено

на полъ, такъ же какъ и св. антиминсъ.—Совершивъ описанный разгромъ церкви-школы и избивъ вошедшаго въ нее православнаго сотскаго, сектанты, съ крикомъ „наша взяла, правда идетъ, Христосъ воскресъ, ура“, двинулись по направленію къ другой церкви Архангела Михаила. Узнавъ о приближеніи сектантовъ, мѣстный священникъ прекратилъ богослуженіе, послѣ чего молящіеся вышли изъ церкви, заперли ея двери и ударили въ набатъ. Съ своей стороны, становой приставъ, собравъ находившихся въ его распоряженіи сотскихъ, десятскихъ и городовыхъ, къ которымъ присоединилось нѣсколько православныхъ крестьянъ, направился навстрѣчу надвигавшейся толпѣ сектантовъ и предложилъ имъ прекратить безпорядки. Увѣщанія его остались, однако, безуспѣшными. Сектанты съ яростью бросились на пристава и сопровождавшихъ его лицъ, избили ихъ и затѣмъ, ворвавшись въ ограду церкви, стали ломиться въ ея входную дверь, но проникнуть въ храмъ не могли, такъ какъ въ это время сбѣжались многіе изъ православныхъ жителей села Павловска и, вооружившись кольями, бросились на сектантовъ. Послѣдніе, несмотря на упорное сопротивленіе, не могли оттѣснить православныхъ и были вынуждены, послѣ общей свалки и драки, разбѣжаться. При этомъ нѣкоторымъ православнымъ были нанесены побои, а сорока двумъ сектантамъ причинены преимущественно легкія поврежденія.

„Описанное буйство Павловскихъ сектантовъ съ наглядностью убѣждаетъ, какими послѣдствіями грозитъ православной церкви и государству распространеніе атеистическихъ и нигилистическихъ идей толстовскаго лжеученія, и какой бдительности требуетъ отъ пастырей церкви и отъ гражданской власти эта ужасная секта, воззрѣнія которой начинаютъ становиться въ послѣднее время не только достояніемъ народной массы, но и подчинять себѣ послѣдователей всѣхъ другихъ сектантскихъ лжеученій“ [1]).

Въ отчетѣ за 1902 годъ о Толстомъ ничего не говорится, только вскользь замѣчается, что „толстовство распространено и въ Сибири“.

Въ отчетѣ за 1903—1904 годы находимъ слѣдующее перечисленіе: „сектъ раціоналистическаго и мистическаго характера: штундисты, молокане, духоборы, хлысты, скопцы, жидовствующіе, баптисты, *толстовцы*, шалопуты, малеванцы, мармоны, прыгуны, іеговисты, пашковцы, новый израиль и другіе“. Вслѣдъ за этимъ приводится „таблица, показывающая степень зараженности той или другой епархіи раціоналистическимъ и мистическимъ сектантствомъ“. Изъ этой таблицы видно, что секта „толстовцевъ“ распространена въ слѣдующихъ *семи* епархіяхъ: Воронежской, Екатеринбург-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1901 годъ, стр. 183—186.

ской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Херсонской и въ Грузинскомъ экзархатѣ. При этомъ отчетъ замѣчаетъ, что „указать число послѣдователей той или другой секты невозможно, вслѣдствіе той скрытности и притворства, которыя вообще свойственны всѣмъ сектамъ“ (стр. 141).

Съ 1905 года появленіе ежегодныхъ отчетовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода прерывается вплоть до самаго послѣдняго момента.

Роль толстовства
въ духоборческомъ движеніи.

(По отчетамъ г. оберъ-прокурора Св. Синода).

Первыя официальныя извѣстія о мистико-анархическомъ движеніи, возникшемъ около половины 90 годовъ среди кавказскихъ духоборовъ, находимъ въ отчетѣ г. оберъ-прокурора Св. Синода за 1894 и 1895 годы. Приводимъ здѣсь это сообщеніе цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій.

Противоправительственное движеніе въ средѣ духоборчества.

„Во второй половинѣ 1894 г. среди сектантовъ духоборцевъ, поселенныхъ въ губерніяхъ Тифлисской и Елисаветпольской и Карской области, возникло новое ученіе, потребовавшее отъ нихъ радикальнаго измѣненія какъ убѣжденій, такъ и образа жизни. Чтобы спасти свои души, необходимо служить одному только Богу, а для этого прежде всего слѣдуетъ отрѣшиться отъ всѣхъ пороковъ: не пить вина, не курить табаку, не имѣть плотскихъ сношеній съ женщинами, не ѣсть мяса, чтобы не проливать крови даже животныхъ; отказаться отъ личной собственности и сдѣлать ее общественной. Кромѣ того, признавая только Бога. Которому одному люди должны повиноваться. ученіе это отрицаетъ всякую земную власть.

Проповѣдники этого ученія уговаривали духоборовъ не признавать Государя Императора, не подчиняться требованіямъ правительства, не платить податей, отказаться отъ исполненія воинской повинности. Кромѣ устной пропаганды, то же ученіе излагалось и въ письмахъ.

„Означеннымъ ученіемъ вызвано было цѣлое противоправительственное движеніе среди духоборовъ, особенно рѣзко выразившееся лѣтомъ 1895 г. Въ первой половинѣ сего года проживающіе въ селеніяхъ Карской области и Елисаветпольской губерніи запасные воинскіе чины и ратники ополченія изъ духоборовъ, являясь партіями къ полицейскимъ властямъ, возвращали свои ополченскія свидѣтельства и увольнительные билеты, заявляя, что „служатъ только Царю Небесному и исполняютъ Его волю, а Государю Императору служить и повиноваться не желаютъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ при дознаніи получены указанія на то, что въ Карской области вожаки движенія направляли свою преступную дѣятельность въ среду войскъ, при чемъ состоявшіе на дѣйствительной службѣ воинскіе чины отказывались отъ дальнѣйшаго исполненія своихъ обязанностей и „бросали оружіе“. На ряду съ этимъ нѣкоторые духоборы уклонились отъ уплаты податей, ссылаясь на то, что „земля Божія“ [1]).

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1894 и 1895 годы, стр. 231—233.

Въ слѣдующемъ отчетѣ К. П. Побѣдоносцева за 1896 и 1897 годы духоборческому движенію посвящается лишь маленькая замѣтка такого содержанія:

Противоправительственное движеніе въ средѣ духоборовъ-постниковъ.

„Духоборы-постники продолжали упорствовать въ возникшемъ среди нихъ противоправительственномъ движеніи, рѣзко проявившемся въ 1895 г. Особенно сильное анархическое броженіе въ духоборческой средѣ проявилось въ 1896 году.

„Въ началѣ 1896 г. духоборы сел. Славянки, Елисаветпольской губерніи, оказали вооруженное сопротивленіе судебному приставу Дзегамскаго мирового участка Теръ Азарьеву и мѣстному полицейскому приставу Асцатурову. Въ Карской области они отказались отъ исполненія конской повинности“ [1]).

Такимъ образомъ въ теченіе первыхъ четырехъ годовъ духоборческаго движенія, съ 1894 по 1897 годъ включительно, въ отчетахъ г. оберъ-прокурора Св. Синода нѣтъ никакихъ указаній на тѣ причины, которыми вызвано было это движеніе. Только въ слѣдующемъ 1898 г. отчетъ прямо и опредѣленно заявилъ,

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1896 и 1897 годы, стр. 151.

что движеніе это было вызвано пропагандою послѣдователей гр. Льва Толстого. При этомъ отчетъ даетъ довольно подробный очеркъ всего духоборческаго движенія. Приводимъ его здѣсь безъ всякихъ измѣненій.

„Происшедшее въ 94—95 годахъ въ нѣдрахъ старой духоборческой секты острое религіозно-соціальное движеніе раздѣлило послѣдователей этой секты на двѣ, почти равныя по численности, партіи, изъ коихъ одна осталась вѣрною своимъ традиціоннымъ вѣрованіямъ и прежнему образу жизни, другая же, наоборотъ, рѣзко порвала всѣ свои какъ духовныя, такъ и бытовыя связи, съ старымъ духоборчествомъ и составила особую секту, за которою установилось нынѣ названіе духоборъ-постниковъ.

„Всестороннее изслѣдованіе причинъ и характера этого движенія, произведенное какъ духовнымъ вѣдомствомъ, такъ равно и Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, привело къ согласному заключенію, что оно вызвано преднамѣренною пропагандою среди духоборческаго населенія религіозно-анархическихъ воззрѣній, со стороны интеллигентныхъ послѣдователей религіозно-соціальнаго ученія гр. Льва Толстого. Во главѣ распространителей этого лжеученія среди духоборцевъ стоялъ административно сосланный въ Закавказье кн. Д. Хилковъ.

„Секта духоборъ-постниковъ составила изъ себя преступное противогосударственное сооб-

щество, открыто заявившее, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, о непризнаніи никакой власти въ государствѣ, начиная съ Верховной власти Царя и о нежеланіи подчиняться какимъ бы то ни было правительственнымъ распоряженіямъ и требованіямъ законовъ. Въ силу сего духоборы-постники въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ уклонялись отъ исполненія воинской повинности и несенія полицейскихъ и всякихъ другихъ по сельскому управленію обязанностей, отъ натуральной квартирной, дорожной и подводной повинностей, а также и отъ уплаты податей.

„Бытовую свою жизнь послѣдователи новой въ духоборчествѣ секты стремились организовать на чисто коммунистическихъ началахъ: они распродали весь свой лишній скотъ, прекратили земельныя аренды, передѣлили всѣ свои наличные капиталы по равной каждому изъ членовъ общины части и образовали общую кассу, поручивъ распоряженіе ею особымъ выборнымъ попечителямъ; послѣдніе должны были закупать все необходимое для жизни общины; наемныхъ рабочихъ разсчитали, обработку полей и уборку хлѣбовъ начали производить въ ограниченныхъ размѣрахъ артельнымъ трудомъ, позаводили артельныя мастерскія и проч.

„Въ образѣ жизни духоборы-постники заявили себя строгими вегетаріанцами (почему и названы постниками), а также „непротивлен-

цами“, въ духѣ извѣстнаго ученія гр. Л. Толстого. Въ знакъ отреченія своего „отъ войны и насилія“ всѣ сектанты въ одну ночь торжественно сожгли все имѣвшееся у нихъ въ наличности огнестрѣльное и холодное оружіе. Противоправительственное духоборческое движеніе нашло себѣ послѣдователей среди сектантскаго населенія слѣдующихъ губерній, гдѣ проживали духоборы: Тифлисской, Елисаветпольской и области Карской, всего въ числѣ до 8 тысячъ душъ.

„Ахалкалакскіе духоборы-постники (Тифлисской губерніи) лѣтомъ 1895 г. оказали массовое сопротивленіе личнымъ распоряженіямъ мѣстнаго губернатора (кн. Шервашидзе), вызвавшее вмѣшательство военной силы, при чемъ во время своего бунтарства духоборы изъ ополченцевъ бросали въ губернатора призывными билетами и публично поносили власти.

„Дабы смирить бунтарей и оградить остальное спокойное духоборческое населеніе отъ растлѣвающаго вліянія этой мятежной части, распоряженіемъ кавказской администраціи около 4 тыс. духоборъ-постниковъ были разселены временно по туземнымъ селеніямъ Кахетіи и Карталиніи, гдѣ и прожили болѣе двухъ лѣтъ.

„Сектанты скоро же освоились здѣсь съ своимъ новымъ положеніемъ: они сплотились въ большія группы на арендованныхъ у мѣстныхъ помѣщиковъ земляхъ, наняли и построили

вновь квартиры и также организовали жизнь на коммунистическихъ началахъ. Благодаря наличнымъ запаснымъ средствамъ и щедрымъ пожертвованіямъ отъ духоборъ Карской области, а равно отъ сочувствующихъ сектантамъ русскихъ интеллигентовъ и заграничныхъ квакеровъ, разселенные въ Кахетіи духоборы не охотно ходили на заработки, особенно же къ помѣщикамъ, вездѣ поднимали заработную плату противъ существующихъ цѣнъ, вооружали крестьянъ туземцевъ противъ владѣльцевъ, проповѣдуя, что земля, лѣсъ и вода Божьи, а потому должны быть въ общемъ безплатномъ пользованіи.

„Вслѣдствіе знойнаго климата Кахетіи, суроваго вегетаріанства и употребленія вмѣсто чая сырой воды многіе изъ разселенныхъ духоборовъ подвергались маляріи и другимъ заболѣваніямъ.

„Что касается духоборъ-постниковъ Карской области и Елисаветпольской губерніи, то они жили въ мѣстахъ своей осѣдлости относительно свободно и спокойно, несмотря на то, что составляли тоже противоправительственное сообщество. Не предпринимая никакихъ насильственныхъ мѣръ, стѣсненія личной, бытовой и религіозной жизни духоборческой массы, мѣстная администрація ограничивалась лишь наблюденіемъ за происходившимъ въ нѣдрахъ мятущейся секты и принудительнымъ взысканіемъ въ извѣстные сроки должныхъ податей;

съ тѣми же изъ духоборъ-анархической партіи, кои открыто учиняли какое-либо предусмотрѣнное закономъ преступленіе, власти поступали легально, направляя таковыя дѣла въ судебномъ порядкѣ.

„Весною 1897 года новоназначеннымъ главноначальствующимъ Кавказа княземъ Голицынымъ было объявлено, чрезъ духоборческихъ депутатовъ, разселеннымъ постникамъ, чтобы они возвращались въ прежнія мѣста своей осѣдлости, подъ условіемъ жить спокойно и не повторять своихъ бунтарскихъ анархическихъ поступковъ.

„Многіе изъ разселенныхъ тогда были склонны возвратиться, но вредное вліяніе главарей, вдохновляемыхъ интеллигентными руководителями своими, удержало массу отъ этого единственно вѣрнаго въ ихъ тогдашнемъ положеніи рѣшенія.

„Интеллигентные главари духоборческаго противоправительственнаго движенія и личными сношеніями и посланіями поощряли разселенныхъ продолжать пассивную борьбу съ правительственною властью, увѣряя, что послѣдняя уступитъ духоборамъ, отведя имъ новыя земли и узаконивъ ихъ новыя начала жизни, въ противномъ случаѣ ихъ, духоборовъ, примутъ въ любомъ государствѣ, какъ желанныхъ поселенцевъ. Тѣ изъ разселенныхъ, которые выражали готовность вернуться въ мѣста своей осѣдлости, подвергались глумленію и всякимъ

стѣсненіямъ со стороны фанатичныхъ своихъ единовѣрцевъ. Однако нѣсколько десятковъ семей вернулись въ Ахалкалаки и вошли въ составъ спокойной части духоборческаго населенія. Мысль „объ изведеніи духоборческаго Израиля изъ Россійскаго Египта, куда-то въ таинственную даль,—въ обѣтованную землю“, гдѣ свобода и просторъ на все, гдѣ нѣтъ запрета жить каждому по убѣжденію своей совѣсти, безъ насилія государственныхъ законовъ и безъ вліянія тлетворной цивилизаціи, „гдѣ не заставятъ брать въ руки штыкъ,—рогъ сатаны, гдѣ духоборы осуществятъ царство Божіе на землѣ“—была внушена и всѣмъ прочимъ послѣдователямъ постнической партіи, проживавшимъ въ Карской области и Елисаветпольской губерніи, у которыхъ стремленіе къ переселенію въ эту невѣдомую даль также сдѣлалось болѣзненною мистическою мечтою. Среди темной духоборческой массы были распространены нелѣпые суевѣрные толки, что Россія погибнетъ, все въ ней сгоритъ, а люди почернѣютъ.

„Комиссію, по пріисканію за границею свободныхъ и удобныхъ для поселенія духоборъ земель, взяли на себя упомянутые кн. Д. Хилковъ и дворянинъ Владиміръ Чертковъ, вмѣстѣ съ двумя уполномоченными отъ духоборъ старичками.

„Многочисленными агентами заграничныхъ эмиграціонныхъ комитетовъ были сдѣланы этимъ

своеобразнымъ устроителямъ „духоборческаго царства Божія“ различныя предложенія относительно выбора земель.

„Интеллигентные руководители духоборческаго переселенческаго движенія остановились на мысли устроить духоборъ на о. Кипрѣ, куда съ легкомысленною поспѣшностью и была направлена въ августѣ 1898 года первая партія, въ 1126 душъ изъ числа разселенныхъ въ Карталиніи постниковъ. Расходы по переселенію были покрыты частью остатками отъ запаснаго духоборческаго капитала, частью путемъ пожертвованій. Въ Лондонскихъ листкахъ Черткова было напечатано воззваніе и объявленъ сборъ пожертвованій въ пользу духоборъ - переселенцевъ, такой же сборъ былъ объявленъ и редакціей одной изъ московскихъ газетъ („Русскія Вѣдомости“); гр. Л. Толстой пожертвовалъ на устройство переселенчества духоборъ свой гонораръ за повѣсть „Воскресеніе“.

„Но на о. Кипрѣ духоборъ - переселенцевъ постигло жестокое разочарованіе: земли оказалось недостаточно, мѣстная правительственная власть предъявила свои требованія къ эмигрантамъ, климатъ оказался убійственнымъ для новоселовъ, среди которыхъ развилась огромная смертность отъ злокачественныхъ лихорадокъ. Тогда было пріостановлено дальнѣйшее движеніе духоборъ на о. Кипръ и интеллигентные опекуны несчастной, сбитой съ толку духо-

борческой массы отправились на новые поиски земли, удобной для поселенія духоборъ, въ Сѣверную Америку, въ Канаду. Осмотръ предложенной эмиграціоннымъ комитетомъ Канадской Тихо-Океанской желѣзной дороги земли производился зимою. Интеллигентные руководители духоборъ-постниковъ о всемъ судили съ своей узкой сектантской точки зрѣнія. Не обращая должнаго вниманія на климатическія, экономическія и всѣ другія условія, столь необходимыя для жизни крестьянъ поселенцевъ, интеллигенты сектанты заботились, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы духоборы, по возможности, были дальше отъ вліянія цивилизаціи и опеки государственности и, какъ изолированные отъ всякаго другого духовнаго вліянія, могли бы дольше сохранять въ чистотѣ преподанныя имъ начала новой жизни. Рѣшено было поселить духоборъ-постниковъ въ провинціи Ассинибоія, въ 40 верстахъ отъ города Іортктона. И дѣйствительно, весною 1899 г. всѣ послѣдователи постнической духоборческой секты какъ изъ Закавказья, такъ и съ острова Кипра, въ нѣсколько партій, эмигрировали въ Канаду, образовавъ тамъ 34 деревни.

„Переселенцевъ сопровождало нѣсколько душъ интеллигентныхъ руководителей ихъ, въ томъ числѣ сынъ гр. Л. Толстого, бывшій Чернскій земскій начальникъ.

„По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, идущимъ отъ самихъ же духоборъ и отъ другихъ лицъ,

близко знающихъ условія жизни Канады, климатическія и геологическія свойства той мѣстности, гдѣ поселились духоборы, мало благопріятны для этого земледѣльческаго населенія: зимою суровый холодъ, лѣто знойное, но короткое, ранніе заморозки мѣшаютъ созрѣванію хлѣбовъ и овощей и часто совсѣмъ убиваютъ растительность, мѣстность съ бѣдной растительностью, съ недостаточною и плохого качества водою. Заработки духоборъ скудны, благодаря сильной конкуренціи и незнанію духоборами мѣстныхъ условій и языка, а также удаленности ихъ поселеній отъ городскихъ центровъ. Духоборы-поселенцы Канады настолько влачатъ пока бѣдственное состояніе, что сами впрягаются въ возы и сохи; среди нихъ большой процентъ заболѣваній, при отсутствіи врачебной помощи. Все скопленное годами состояніе не только растрачено, но и сдѣланы переселенцами долги. Первую зиму духоборы-эмигранты просуществовали исключительно на щедрое пособіе и широкую помощь извнѣ, главнымъ образомъ, отъ квакеровъ. Мѣстное населеніе относится къ новымъ поселенцамъ недружелюбно, а узнавъ о чудачествѣ ихъ непротивленія, начали грабить и обижать беззащитныхъ духоборъ.

„Повидимому, борьба за существованіе и инстинктъ самосохраненія начинаютъ отрезвлять болѣе здравомыслящихъ изъ духоборъ-постниковъ и слѣпая приверженность ихъ къ анар-

хіческимъ и коммунистическимъ принципамъ слабѣетъ,—многіе сознаютъ необходимость новаго переселенія въ лучшія мѣста. Но несчастные духоборы-эмигранты и нравственно и матеріально такъ сильно закрѣпощены врагами русскаго православнаго дѣла, что сами они безсильны вырваться когда-либо изъ-подъ гнета анархіи и опеки своихъ непрошеныхъ интеллигентныхъ руководителей.

„Къ сожалѣнію, эмиграціонная агитація интеллигентныхъ толстовцевъ не ограничилась одними духоборами, но продолжаетъ вестись и среди другихъ сектантовъ: такъ, въ томъ же 1898 году около 150 душъ крестьянъ с. Павловки, Харьковской губерніи, изъ послѣдователей кн. Хилкова, домогались также переселиться въ Канаду и нѣсколько семействъ переселилось. Въ послѣднее время въ Сѣверной Америкѣ появились ходоки отъ молоканъ“ [1]).

Въ слѣдующемъ 1899 году отчетъ оберъ-прокурора приводитъ нѣкоторыя новыя дополнительныя свѣдѣнія о духоборахъ, переселившихся въ Канаду и о взаимныхъ отношеніяхъ между ними и послѣдователями „религіозно-соціальнаго ученія гр. Толстого“. Вотъ эти свѣдѣнія:

„Духоборчество въ 1899 году переживало особенно сильное броженіе и неспокойное на-

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1898 годъ, стр. 111—119.

строеніе духа, полное всякихъ несбыточныхъ мечтаній. Такое настроеніе особенно замѣтно выразилось въ религіозно-бытовой жизни той части духоборовъ, которая вслѣдствіе происшедшаго въ 1894—1895 годахъ въ нѣдрахъ старой духоборческой секты остраго религіозно-соціальнаго движенія, прервавъ прежнія свои связи съ старымъ духоборчествомъ, выдѣлилась въ особую секту подъ названіемъ „духоборовъ-постниковъ“.

„Составивъ изъ себя преступное противогосударственное общество, открыто заявившее, какъ на словахъ, такъ и на дѣлѣ, о непризнаніи никакой власти въ государствѣ и разселившись по разнымъ мѣстностямъ Закавказья, духоборы-постники подпали подъ вліяніе интеллигентныхъ послѣдователей религіозно-соціальнаго ученія гр. Толстого, которымъ они и ввѣрили свою судьбу. Сдѣлавшись ихъ руководителями, послѣдніе внушили имъ, между прочимъ, несчастную мысль о переселеніи въ какую-то свободную и далекую страну, сдѣлавшуюся для нихъ впослѣдствіи предметомъ болѣзненныхъ мечтаній.

„Послѣ неудачной эмиграціи въ 1898 году на о. Кипръ, гдѣ духоборовъ-переселенцевъ постигло полное разочарованіе, ихъ руководители рѣшили переселить ихъ въ Канаду, въ провинцію Ассинибоія, въ 40 верстахъ отъ города Іорктона. Весною 1899 года всѣ послѣдователи постнической духоборческой секты, какъ

изъ Закавказья, такъ и съ острова Кипра, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ изъ своихъ руководителей въ нѣсколько партій дѣйствительно эмигрировали въ Канаду, образовавъ тамъ 34 деревни. Но по послѣднимъ свѣдѣніямъ, идущимъ какъ отъ самихъ же духоборовъ-переселенцевъ, такъ и другихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Канадою, картина жизни духоборовъ въ Канадѣ представляется незавидною. Земли, на которыхъ они поселились въ провинціи Ассинибоія, по своимъ климатическимъ и геологическимъ свойствамъ оказались для нихъ совершенно непригодными. Суровый климатъ, бѣдная растительность, отсутствіе хорошей воды, лишаютъ ихъ возможности заниматься хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, работы же на сторонѣ достать также не легко, вслѣдствіе конкуренціи и незнанія духоборами мѣстныхъ условій, языка и ремеслъ. Среди поселенцевъ большой процентъ заболѣваній, особенно при отсутствіи врачебной помощи. Все привезенное состояніе истрачено на насущныя нужды и даже сдѣланы переселенцами долги. Мѣстное населеніе относится къ духоборамъ крайне недружелюбно, какъ къ конкурентамъ въ борьбѣ за существованіе, а познакомившись съ ихъ странными взглядами, стали ихъ грабить и обижать. Какъ и слѣдовало ожидать, борьба за существованіе и инстинктъ самосохраненія начали въ послѣднее время отрезвлять болѣе здравомыслящихъ изъ духоборовъ-пост-

никовъ и слѣпая ихъ приверженность къ анархическимъ и коммунистическимъ началамъ ихъ лжеученія и жизни стала замѣтно ослабѣвать. Къ несчастью, духоборы эмигранты и нравственно и матеріально такъ сильно закрѣпощены врагами русскаго православнаго дѣла, что сами они безсильны вырваться когда-либо изъ-подъ гнета анархіи и опеки своихъ руководителей.

„Примѣръ духоборовъ и агитація тѣхъ же руководителей вызвали эмиграціонное движеніе и между штундо-толстовцами Харьковской губерніи. Въ концѣ 1898 года въ селѣ Павловкахъ, Харьковской губерніи, появились агитаціоннаго характера письма изъ-за границы отъ князя Хилкова съ настойчивымъ приглашеніемъ харьковскихъ единомышленниковъ къ переселенію въ Америку для образованія въ Канадѣ, вмѣстѣ съ духоборами, колоніи на началахъ ученія графа Толстого. Въ письмахъ представлялись условія поселенія и жизни въ Америкѣ въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ. Тогда въ Павловкахъ началось броженіе и послѣ многихъ думъ и споровъ между собою, постоянно подстрекаемые агитаціонными письмами, сектанты стали подавать мѣстному губернатору прошенія (написанныя всѣ по одной формѣ) о разрѣшеніи имъ оставить русское подданство и навсегда переселиться въ Канаду. Правда, полученныя потомъ харьковцами изъ Канады свѣдѣнія о трудности жизни и вообще тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ духоборческихъ пе-

реселенцевъ въ Америкѣ многихъ образумили и они остались на мѣстахъ своей осѣдлости, но другіе остались непреклонными“ [1]).

Группируя здѣсь офиціальныя свѣдѣнія о движеніи, возникшемъ среди духоборовъ, и о той роли, какую сыграли при этомъ „толстовцы“, мы со своей стороны воздерживаемся на этотъ разъ отъ всякой критики, отъ всякихъ замѣчаній по поводу этихъ свѣдѣній. Читатели, знакомые съ духоборческой эпопеей, безъ сомнѣнія, сами разберутся въ оцѣнкѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя духовныя власти нашли нужнымъ опубликовать по этому поводу. Но со временемъ мы надѣемся вернуться къ этому вопросу, чтобы на основаніи всего того, что стало извѣстно о немъ за послѣдніе годы, выяснить какъ истинный характеръ духоборческаго движенія, такъ и роль въ немъ послѣдователей Л. Н. Толстого.

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Свѣтѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899 годъ, стр. 129—131.

ТОЛСТОВЦЫ.

(ОЧЕРКЪ).

I.

Левъ и Сережа.

— Пришли какіе-то два человѣка, — сообщаетъ прислуга, — по черному ходу... васъ спрашиваютъ.

— Кто такіе?

— Да кто жъ ихъ знаетъ... Должно-быть, сектанты какіе-нибудь.

Сектанты, какъ здѣшніе, петербургскіе, такъ и пріѣзжіе изъ провинціи, частенько навѣщаютъ меня и потому прислуга давно уже присмотрѣлась къ нимъ.

— Просите.

Входитъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, средняго роста, въ желтой верблюжьяго сукна курткѣ и высокихъ сапогахъ, а за нимъ — здоровый, могучій, широкоплечій мужчина съ львиной шевелюрой, одѣтый въ крестьянскій чапанъ и прочные высокіе сапоги.

— Насъ направилъ къ вамъ И. М. Т.,— говоритъ молодой человѣкъ. — Мы хотѣли повидать васъ, познакомиться съ вами, такъ какъ читали ваши книжки: „Религіозные отщепенцы“.

И. М. Т.—бывшій толстовецъ, теперь „свободный христіанинъ“—мой хорошій знакомый.

Прошу садиться и, обращаясь къ молодому человѣку, спрашиваю, какъ его звать?

Вижу, маленькая заминка. Молодой человѣкъ не спѣшитъ отвѣтить, а его спутникъ замѣчаетъ: „Къ чему это? Развѣ не все равно, какъ звать?“

Въ своихъ сношеніяхъ съ сектантами мнѣ приходилось встрѣчать послѣдователей такихъ ученій, которыя отрицали имена и фамиліи, не любили открывать ихъ и предпочитали называть себя „рабъ Христовъ“, „раба Христова“. Это были послѣдователи такихъ крайнихъ сектъ, какъ бѣгуны или странники, неплательщики, „не-наши“ и т. п. Зная это, я не настаивалъ на своемъ вопросѣ, но все же замѣтилъ своимъ новымъ знакомымъ, что какъ-то неудобно вести разговоръ, не зная имени, отчества своего собесѣдника.

Послѣ нѣкотораго колебанія молодой человѣкъ сказалъ, что его зовутъ Сергѣемъ, а его спутника — Львомъ. Я не зналъ, были ли это настоящія ихъ имена или только клички, принятыя ими, но не могъ не подумать, что Левъ дѣйствительно выглядѣлъ львомъ, и если это была лишь кличка его, то во всякомъ случаѣ слѣдовало признать, что она, по извѣстной пословицѣ, пришлась ему какъ нельзя болѣе „по шерсти“. Смѣлый, увѣренный взглядъ, правильныя, мужественныя черты лица, боль-

шой черепъ, рыжеватая борода съ огненнымъ отливомъ, откинутыя назадъ непокорныя, буйныя пряди густыхъ длинныхъ волосъ, сильная, точно вылитая изъ бронзы, пропорціонально сложенная фигура.

Я невольно пожалѣлъ, что я не художникъ и даже не фотографъ.

Спутникъ Льва представлялъ по внѣшности полную противоположность ему: небольшого роста, съ блѣднымъ лицомъ и румяными щеками, съ подслѣповатыми, больными глазами, которыми онъ не могъ смотрѣть прямо даже на прикрытую абажуромъ лампу, молчаливый, съ нерѣшительными движеніями—онъ производилъ впечатлѣніе скромнаго юноши-неудачника. Всѣ его знакомые обыкновенно называютъ его „Сережей“.

Я полюбопытствовалъ узнать отъ своихъ новыхъ знакомыхъ, откуда они.

Новое недоразумѣніе. Послѣ нѣкотораго неловкаго молчанія Левъ переспросилъ меня: „что значитъ: „откуда“? Желаю ли я знать, откуда они пришли или откуда они родомъ?“

Я сказалъ, что мнѣ было бы интересно знать, откуда они пріѣхали въ Петербургъ, а также, гдѣ ихъ родина.

— Къ чему это?—началъ Левъ.—Развѣ не все равно, откуда мы? Неужели нужны еще губерніи, уѣзды, волости? Все это ни къ чему, это государственность, казенщина... Зачѣмъ все это? Ничего этого не надо! Мы этого не

признаемъ... Все это—ерунда!—энергично добавилъ онъ и тряхнулъ своей львиной гривой, откинувъ назадъ упрямыя длинныя пряди волосъ.

Не сразу наладился разговоръ. Но постепенно и мало-по-малу шероховатости исчезли, и мы вступили въ мирную, душевную бесѣду о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, объ отношеніи ихъ къ различнымъ явленіямъ общественной жизни и т. д. Бесѣда наша затянулась; приближался обѣденный часъ, и потому я хотѣлъ было предложить моимъ новымъ знакомымъ пообѣдать у меня, но тотчасъ же долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ узналъ, что они вегетаріанцы. Строгіе вегетаріанцы и притомъ ригористы, не употребляющіе въ пищу „ничего лишняго“, кромѣ хлѣба и овощей.

На вопросъ, отчего они не ѣдятъ мяса и рыбы, Сергѣй отвѣчалъ:

— Все живое хочетъ жить и страшится страданій смерти. Поэтому я не въ правѣ отнимать жизнь, такъ какъ не могу ее вернуть. Моя цѣль—любить все живое. Если я скажу, что все для меня, то вѣдь то же самое можете сказать и вы, и птица, и рыба, и червячокъ... Все живое хочетъ жить, — еще разъ съ убѣжденіемъ проговорилъ онъ.

— Можетъ-быть, мы выпьемъ чайку?—предложилъ я.

— Мы не пьемъ чаю.

— Какъ? Совсѣмъ, никогда?

— Никогда!.. Мы пьемъ только кипятокъ.

— Ну, будемъ пить кипятокъ!

И они, дѣйствительно, пили кипятокъ съ сахаромъ „вприкуску“. Сережа съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ три-четыре стакана кипятку, откусывая при этомъ крохотные кусочки сахара.

Хотя мои новые знакомые и не называли себя прямо „толстовцами“, тѣмъ не менѣе, для меня не было никакого сомнѣнія въ томъ, что предо мной были люди, воспринявшіе и по-своему переработавшіе идеи великаго моралиста.

Какія именно идеи были усвоены ими,— этого я, конечно, не зналъ, такъ какъ изъ Толстого, какъ изъ моря, разные люди почерпаютъ различныя моральныя и религіозныя цѣнности. Каждый беретъ то, что ему болѣе сродно, что отвѣчаетъ его наклонностямъ, его духовнымъ запросамъ.

II.

Современные Діогены.

— Я Толстой, но не „толстовецъ“, — сказалъ какъ-то Левъ Николаевичъ.

И съ этими словами знаменитаго писателя необходимо, конечно, серьезно считаться. Ре-

лигіозно-этическое ученіе Толстого хорошо, разумѣется, знакомо русскому обществу. Но, къ сожалѣнію, мы очень мало имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ именно это ученіе воспринимается его послѣдователями, принадлежащими къ различнымъ слоямъ населенія, какъ преломляются въ жизни идеи и взгляды Толстого, проводимые имъ въ его сочиненіяхъ и воспринимаемые людьми, жаждущими этическаго и религіознаго обновленія. Между тѣмъ все это, несомнѣнно, представляетъ очень крупный жизненный интересъ, и притомъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Съ любопытствомъ и вниманіемъ отнесся я къ толстовцамъ, съ которыми мнѣ только что пришлось познакомиться и которые начали бывать у меня. Болѣе откровеннымъ оказался Сергѣй или „Сережа“, какъ обыкновенно называли его знакомые. Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ о себѣ и о своемъ прошломъ.

Отецъ его былъ петербургскій чиновникъ, умершій въ то время, когда Сергѣю было два года. Дѣти остались на рукахъ у матери, которая служила въ одномъ изъ городскихъ учрежденій и, благодаря этому, имѣла возможность дать дѣтямъ образованіе. Дочь получила мѣсто учительницы, старшій сынъ поступилъ въ политехническій институтъ, а съ Сергѣемъ вышла цѣлая исторія.

Будучи въ седьмомъ классѣ гимназіи, Сергѣй увлекся революціонными идеями, которыя

въ то время носились въ воздухѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей, онъ бросилъ гимназію, рѣшивши итти въ народъ, чтобы въ роли сельскаго учителя распространять революціонныя идеи.

Но какъ разъ въ этотъ моментъ ему попадается извѣстное сочиненіе Л. Н. Толстого: „Въ чемъ моя вѣра“. Оно производитъ цѣлый переворотъ въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ, видимо, въ то время далеко еще не окрѣпшихъ. Онъ съ жаромъ начинаетъ перечитывать одно за другимъ произведенія Толстого по религіозно-этическимъ вопросамъ, и въ результатѣ—полное перерожденіе.

— Я понялъ,—говорилъ мнѣ Сергѣй,—что тутъ, въ этихъ сочиненіяхъ, была сама истина. Я съ поразительной ясностью увидѣлъ, что до тѣхъ поръ я стоялъ на ложномъ пути. И я рѣшился порвать со своимъ прошлымъ, чтобы начать новую жизнь, на новыхъ началахъ, согласно ученію Христа. Глубокій смыслъ этого ученія впервые уяснилъ мнѣ Толстой своими сочиненіями...

Онъ бросаетъ домъ, оставляетъ родныхъ и отправляется на Кавказъ, въ извѣстную колонію „Криница“, въ качествѣ простого рабочаго. На первыхъ порахъ, по его словамъ, ему приходилось очень трудно, тѣмъ болѣе, что нерѣдко работа была крайне тяжелая, какъ, напримѣръ, корчевка пней. Бывали случаи, когда онъ среди работы падалъ въ обморокъ.

Но постепенно выработалась привычка къ физическому труду и теперь его уже не затрудняетъ никакая работа.

Со временемъ ему пришлось побывать во многихъ другихъ общинахъ „толстовцевъ“, находящихся въ разныхъ концахъ Россіи. Былъ у С—ва, близъ Майкопа, былъ у Ш—на, на югѣ Россіи, былъ въ Тульской губерніи у Б—на и т. д. Во всѣхъ этихъ общинахъ онъ жилъ, какъ рядовой рабочій, исполняя, главнымъ образомъ, полевыя работы, которыя особенно пришлись ему по душѣ.

— Вы, конечно, получали вознагражденіе за свой трудъ. Какъ велика рабочая плата въ общинахъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, вознагражденія я не получалъ, такъ какъ не желалъ этого,—отвѣчалъ Сергѣй.—Зачѣмъ? Мнѣ давали то, что было нужно: кормили меня, давали мнѣ платье, если оно изнашивалось, бѣлье, если оно разваливалось.

— А на другіе расходы?

— Какіе же другіе расходы... Книги для чтенія я бралъ изъ общины, конечно, безплатно... Я не пью, не курю... Зачѣмъ мнѣ деньги?

Дѣйствительно, Сережа и Левъ живутъ, какъ нищіе, всегда безъ копейки денегъ. Вѣрнѣе говоря, даже хуже, чѣмъ нищіе, такъ какъ послѣдніе нерѣдко скапливаютъ себѣ что-нибудь про черный день, между тѣмъ какъ Левъ и Сережа въ силу принципа всегда стараются

обойтись безъ гроша денегъ. Если имъ даютъ деньги, то они большею частью отказываются отъ нихъ.

При освобожденіи Сергѣя изъ тюрьмы полицейскаго участка приставъ говоритъ ему:

— Сережа, вотъ возьми на хлѣбъ,—и даетъ ему серебряную монету.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчаетъ Сергѣй,—меня здѣсь кормили и сейчасъ я только что пообѣдалъ; не надо. До свиданья!

И уходитъ. Уходитъ въ пространство безъ копейки денегъ, не зная, придется ли ему на другой день пообѣдать или нѣтъ.

Если вы объясните этотъ отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ Сергѣй не пожелалъ воспользоваться помощью потому, что она предлагалась ему полицейскимъ чиновникомъ, къ которому онъ не могъ не относиться отрицательно, то вы сильно ошибетесь въ этомъ. Дальше мы увидимъ, что Сергѣй ко всѣмъ людямъ относится совершенно одинаково, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, и что никакого предубѣжденія противъ городовыхъ, околоточныхъ, приставовъ и другихъ полицейскихъ чиновъ у него нѣтъ. Всѣ люди, всѣ братья.

Итакъ, суть совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что Сергѣй отрицаетъ какъ деньги, такъ и всякую другую собственность, проповѣдуя необходимость ограничивать во что бы то ни

стало всѣ свои потребности, даже самыя элементарныя и примитивныя.

— Богатъ не тотъ, у кого много, а тотъ, *кому ничего не надо*, — говоритъ Сергѣй.

Это убѣжденіе раздѣляется и Львомъ, который еще послѣдовательнѣе проводитъ въ жизнь принципъ отрѣшенія отъ потребностей, признаваемыхъ всѣми необходимыми. Дѣло доходитъ до того, что, какъ, напримѣръ, прошлымъ лѣтомъ, Левъ отказался не только отъ кафтана, но даже отъ шапки и лаптей. Такъ и ходилъ по селамъ и городамъ босой, безъ шапки, въ одной рубахѣ. По этому поводу Сергѣй говорилъ:

— Левъ богаче всѣхъ насъ. Мы всѣ рабы своихъ потребностей, своихъ привычекъ. Я, напримѣръ, не могу обойтись безъ шапки и лаптей, а потому являюсь рабомъ этихъ вещей. Левъ же свободенъ отъ всего этого...

Вотъ они, Діогены XX вѣка! Мнѣ кажется, они немало сожалѣютъ о томъ, что у насъ, въ Россіи, нельзя, какъ въ Аѳинахъ, жить въ бочкѣ, а необходимо имѣть если не комнату, то, хотя уголъ.

Въ наше время ожесточенной борьбы за существованіе и бѣшеной погони за средствами, за гонорарами, за удовольствіями и наслажденіями, — эти люди, проповѣдующіе возможно полное отреченіе отъ всѣхъ потребностей и привычекъ современнаго человѣка, идеализирующіе нищету и діогеновское существованіе,—

какими странными, какими жалкими чудаками являются они въ глазахъ всѣхъ трезвыхъ, уравновѣшенныхъ людей!

И, тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ далѣе— ихъ, этихъ людей, считаютъ очень опасными, ихъ преслѣдуютъ, арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы, гоняютъ по этапамъ, несмотря на конституцію и обновленный строй.

III.

Мнѣніе Побѣдоносцева и миссіонеровъ.

Я обѣщался поподробнѣе поговорить о религіозныхъ взглядахъ моихъ новыхъ знакомыхъ изъ числа „толстовцевъ“ — Сергѣя и Льва.

Но я предвижу, что найдутся читатели, которые могутъ предложить вопросъ: да стоитъ ли останавливаться на религіозныхъ убѣжденіяхъ людей, изъ которыхъ одинъ является недоучившимся гимназистомъ, а другой—простымъ рабочимъ? Въ виду этого, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, почему именно представляется интереснымъ и даже существеннымъ прислушаться въ данномъ случаѣ къ мнѣніямъ этихъ людей, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ городскому полуинтеллигентному слою, а другой во многихъ отношеніяхъ является типичнымъ представителемъ деревенскаго пролетаріата.

Еще покойный Побѣдоносцевъ старался увѣрить, что ученіе Толстого „начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы“. По его словамъ, толстовство, какъ секта, наблюдалось въ цѣломъ рядѣ губерній, а именно: въ Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской и, наконецъ, на Кавказѣ и въ Сибири.

По увѣренію Побѣдоносцева, „толстовство, какъ болѣе свѣжее и богатое умственными силами ученіе, начинаетъ подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лжеученія, мало-по-малу теряющія подъ вліяніемъ его свою самостоятельность и оригинальность“. Но, помимо этого, толстовство, по свидѣтельству Побѣдоносцева, съ успѣхомъ пролагаетъ себѣ путь и въ средѣ православной части населенія. При этомъ метафизическую сторону новаго ученія крестьяне якобы оставляютъ въ покоѣ, какъ непонятную и потому неинтересную для нихъ; но „они усваиваютъ практическую сторону толстовства, которая представляется имъ крайне привлекательной, а именно соціально-коммунистическія чаянія его“. Вообще Побѣдоносцевъ всячески старался увѣрить, что религіозная сторона въ народномъ толстовствѣ почти отсутствуетъ, уступивъ свое мѣсто соціально-политической.

Въ доказательство этого приводились кое-какіе факты. Такъ, напримѣръ, сообщалось, что „штундо-толстовцы“ Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, на бесѣдахъ съ миссіоне-

ромъ свободно и откровенно заявляли, что Іисусъ Христосъ родился обыкновеннымъ, естественнымъ образомъ и что многія мѣста Евангелія и посланій апостоловъ лишены достовѣрности. При этомъ о Л. Н. Толстомъ они отзывались, какъ о „старшемъ братѣ и учителѣ жизни“.

Далѣе указывалось, что среди послѣдователей раціоналистическихъ сектъ самыми излюбленными вопросами являются вопросы соціальные. „Неохотно вступая въ бесѣды по вопросамъ вѣры“, эти сектанты „готовы съ удовольствіемъ, сколько угодно, говорить по вопросамъ соціальнымъ: о неравенствѣ богатствъ и состояній, о равномъ раздѣлѣ имуществъ, о передачѣ всей земли и т. д.“. Такое настроеніе миссіонеры также почему-то приписываютъ вліянію „толстовства“.

На основаніи подобнаго рода фактовъ, К. П. Побѣдоносцевъ утверждалъ, что „религіи въ толстовствѣ, какъ сектѣ, мало, но что здѣсь главное — протестъ противъ религіи, и не во имя какой-либо другой религіозной истины, а по соображеніямъ соціально-политическимъ“.

Въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ покойный оберъ-прокуроръ Синода часто указывалъ, что даже среди послѣдователей старообрядчества все сильнѣе прививаются раціоналистическія идеи и убѣжденія. Въ подтвержденіе этого приводились факты въ такомъ, напримѣръ, родѣ. Въ Вятской губерніи одинъ изъ выдающихся ста-

рообрядческихъ начетчиковъ отвергаетъ загробный міръ и божественность Іисуса Христа.

„Христосъ, — говоритъ онъ, — былъ совсѣмъ не Богъ, а только ученый человѣкъ, подобный Брюсу... Говорятъ, что, кромѣ видимаго міра, есть еще небесное царство, рай и преисподняя. Однако астрономы, которые смотрятъ въ телескопы и видятъ на нѣсколько милліоновъ верстъ, никакого рая не видали“.

Другой молодой раскольникъ той же губерніи, т.-е. Вятской, въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ высказалъ, что онъ вмѣстѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ признаетъ Христа за геніальнаго учителя, а также, что ему нравится молоканство за его отрицательное отношеніе къ церковнымъ обрядамъ.

Приводя подобные факты, покойный Побѣдоносцевъ не старался выяснить тѣ соціальныя и психологическія причины, въ силу которыхъ раціоналистическіе взгляды находили особенно много сторонниковъ и приверженцевъ въ широкихъ слояхъ трудового народа. Но онъ постоянно считалъ необходимымъ подчеркнуть, что раціоналистическія и политическія идеи, наблюдаемыя въ современномъ сектантствѣ, „проникли въ эту среду не безъ вліянія весьма опаснаго религіозно-соціальнаго лжеученія графа Толстого, практически примѣненнаго къ понятіямъ и жизни простого народа“.

Насколько же справедливы всѣ эти обвиненія, всѣ эти запугиванія?

Идя по слѣдамъ Побѣдоносцева, православные миссіонеры, въ свою очередь, старались и до сихъ поръ стараются представить „народное толстовство“ чѣмъ-то въ высшей степени грознымъ и опаснымъ не только для господствующей церкви, но и для существующаго государственнаго и соціальнаго строя.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ не безполезно поближе приглядѣться къ представителямъ „народнаго толстовства“, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ отношеніи къ этому явленію государства, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени встанетъ на очередь въ нашемъ „парламентѣ“, при рѣшеніи общаго вопроса о свободѣ совѣсти.

IV.

Плоть и духъ.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ credo этихъ странныхъ людей, ихъ міропониманіе? Какъ и какія идеи своего первоучителя восприняты ими и переработаны? Каково ихъ отношеніе къ современному обществу и государству, къ наукѣ и культурѣ?

Хотя на эти темы мнѣ пришлось немало бесѣдовать со Львомъ и Сергѣемъ, но, вмѣсто того, чтобы воспроизводить здѣсь эти бесѣды, я предпочитаю познакомить читателей со взглядами этихъ людей, основываясь не на разгово-

рахъ, а на ихъ собственныхъ письмахъ. Думаю, что это во всѣхъ отношеніяхъ будетъ цѣлесообразнѣе. Въ бесѣдахъ, особенно въ спорахъ, люди часто неточно излагаютъ свои мысли, недостаточно опредѣленно формулируютъ свои положенія, кое-чего не договариваютъ, кое-что прорывается у нихъ лишнее. Другое дѣло — письма, особенно письма къ друзьямъ и единомышленникамъ.

Прибѣгая къ этому пріему, я тѣмъ самымъ устраняю возможность нареканій на себя и обвиненій въ произвольномъ или субъективномъ освѣщеніи и истолкованіи міросозерцанія этихъ людей. Главнымъ образомъ, мнѣ придется основываться на письмахъ Сергѣя, который имѣетъ привычку подробно описывать своимъ друзьямъ, „братьямъ-голубчикамъ“, всѣ тѣ злоключенія, которымъ онъ то и дѣло подвергается въ своихъ скитаніяхъ по Россіи. Всѣ свои столкновенія съ властями—полицейскими и судебными, — свои впечатлѣнія, свои мытарства по тюрьмамъ и участкамъ, свои бесѣды и споры съ разными лицами о религіозныхъ и этическихъ вопросахъ,—все это онъ подробно описываетъ въ письмахъ.

Друзья Сергѣя переписываютъ на ремингтонѣ его письма и дѣятельно распространяютъ ихъ среди лицъ, интересующихся религіозными исканіями. Лично мной получено отъ Сергѣя разрѣшеніе пользоваться его письмами по моему усмотрѣнію.

Основываясь на этихъ письмахъ, необходимо признать, что религіозно-нравственные взгляды и убѣжденія Сергѣя и Льва отличаются большой простотой и въ то же время необыкновенной прямолинейностью.

„Въ каждомъ человѣкѣ,—говорятъ они,—живутъ два начала, два существа. Одно слѣпое, чувственное, смертное, для котораго необходимо ѣсть и пить, и другое—зрячее, разумное, любящее, вѣчное,—то, что называется совѣстью. Голосъ совѣсти — есть голосъ Божій. Такимъ образомъ это-то вѣчное начало и есть Богъ, оно-то и даетъ жизнь всему, имъ-то и долженъ жить человѣкъ“.

Благодаря такому дуализму, у нихъ выработалось въ высшей степени отрицательное, пренебрежительное отношеніе къ „слѣпому, чувственному“ тѣлу, о которомъ — по ихъ мнѣнію—совсѣмъ не слѣдуетъ думать, не слѣдуетъ заботиться. Если вамъ, положимъ, угрожаетъ заключеніе въ тюрьму, то это отнюдь не должно смущать васъ, такъ какъ въ тюрьмѣ—изволите видѣть — будетъ только ваше тѣло, духъ же, составляющій главное существо человѣка, всегда и вездѣ свободенъ.

Былъ такой случай. Однажды ихъ заперли въ темную, вонючую „арестантскую“, очевидно, играющую роль карцера для заключенныхъ. „Мы находимся въ полной темнотѣ, — пишетъ Сергѣй,—и чувствуемъ духоту и вонь, сидимъ нѣкоторое время на скользкомъ полу. Братъ

Левъ возмущается и начинаетъ стучать въ дверь и звать: „Люди, братья, кто здѣсь есть?“ Я говорю: „Лева, что ты, вѣдь мы сами пришли сюда, это наука, въ другой разъ не пойдемъ, и если имъ надо будетъ, *они сами внесутъ наши тѣла, куда имъ угодно. А духъ свободенъ вездѣ* и не зависитъ отъ формы“.

И Левъ согласился съ этими доводами и призналъ, что протестъ съ его стороны былъ „соблазнъ и паденье“ и что этотъ случай является хорошей наукой для нихъ. Тѣмъ не менѣе, однако, когда на ихъ зовъ явился атаманъ (дѣло происходило въ казацкой станицѣ), то Левъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Дорогой братъ, вѣрите ли вы въ Бога?

Атаманъ смущается и говоритъ: „Вѣрю“.

— Зачѣмъ же вы братьевъ своихъ сажаете въ темницу?

Атаманъ начинаетъ ругать сторожей, зачѣмъ они посадили арестованныхъ въ темный карцеръ, и дѣлаетъ распоряженіе о переводѣ ихъ въ свѣтлый казематъ.

Изъ этого видно, что даже стукъ въ дверь карцера и призывы къ „людямъ-братьямъ“ объ освобожденіи считаются дѣйствіями предосудительными, свидѣтельствующими о „паденіи“ тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ такого рода дѣйствіямъ.

По мнѣнію Сергѣя, очевидно, нужно было молча и безпрекословно сидѣть въ темномъ и вонючемъ карцерѣ до тѣхъ поръ, пока лица,

посадившія ихъ туда, не вспомнили бы о нихъ. Повидимому, даже перспектива задохнуться въ этой темной и грязной клоакѣ не могла служить поводомъ и основаніемъ для протеста.

Итакъ, никакой протестъ противъ насилій не допускается, главнымъ образомъ, потому, что всѣ эти насилія направлены будто бы только противъ тѣла, а не противъ духа. О тѣлѣ же не слѣдуетъ заботиться, такъ какъ „тѣло не принадлежитъ человѣку (?), поэтому каждый, кто только захочетъ, можетъ его побить, ранить и даже уничтожить. А вотъ разумную волю никто не можетъ отнять отъ человѣка, точно такъ же, какъ его разумъ, его мысли. Вотъ это *мое*, это моя собственность, и никто въ мірѣ не можетъ заставить меня мыслить и дѣйствовать такъ, какъ онъ хочетъ. Никто не можетъ заставить меня, напримѣръ, служить въ солдатахъ... Да, тѣло могутъ замучить, но душу никогда“.

Вообще же тѣло постоянно трактуется, какъ что-то *чужое* для человѣка, постороннее. Отрицательное отношеніе къ тѣлу, къ плоти, между прочимъ, ярко сказалось при рѣшеніи толстовцами проблемы пола и брака.

Основной вопросъ человѣческаго существованія—половой—разрѣшается нашими толстовцами съ той же прямолинейностью, съ какой разрѣшаются ими и всѣ другіе вопросы первостепенной важности.

Вотъ, напримѣръ, какой диспутъ на эту тему мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Сергѣя. Сидя подъ арестомъ, онъ бесѣдуетъ съ какимъ-то „сборщикомъ податей“ о бракѣ и цѣломудріи.

„Я самъ думаю провести жизнь цѣломудренно, такъ какъ семейная жизнь служитъ препятствіемъ, соблазномъ для жизни въ Богѣ,— заявляетъ Сергѣй.—Бракъ—это грѣхъ противъ цѣломудрія; а распутство—грѣхъ противъ брака. Конечно, если только я не въ состояніи буду жить цѣломудренно, то одинъ выходъ,—это бракъ, т.-е. взаимное согласіе двухъ людей различныхъ половъ имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Если же человѣкъ, живя нецѣломудренно, не вступаетъ въ бракъ, то такой человѣкъ—несчастный уродъ“.

Собесѣдникъ Сережи, „сборщикъ податей“, не соглашается съ такимъ взглядомъ на бракъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ жениться; иначе, если всѣ мы будемъ жить цѣломудренно, то родъ человѣческій прекратится“.

„Голубчикъ!—восклицаетъ Сережа,—зачѣмъ вы заботитесь о родѣ человѣческомъ; позаботьтесь о себѣ; вѣдь вы только самого себя можете знать. Зачѣмъ заботиться о томъ, что *внѣ васъ*, оставьте это на волю Божію. Попробуйте жить цѣломудренно, не заботьтесь о другихъ, а заботьтесь о томъ, чтобы въ васъ, какъ въ частицѣ рода человѣческаго, было какъ

можно больше любви, кротости, смиренія и тогда вы узнаете, что *бракъ это есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дѣло.* Сейчасъ же вмѣстѣ съ бракомъ всплываютъ различные семейные интересы, встающіе и заслоняющіе Божеское. Появляется животная семейная любовь, стоящая выше любви человѣческой, братской, Божеской. Поскольку человѣкъ отдается Богу, постольку узы семейныя отпадаютъ отъ него, для него тогда всѣ люди братья, всѣ дѣти одного отца, весь міръ—домъ Божій".

Конечно, сборщикъ податей пораженъ такой аргументаціей. „Тогда, — говоритъ онъ,—если вы хотите жить цѣломудренно, то лучше всего поступить какъ скопцы, иначе очень трудно прожить".

Но Сережа, въ свою очередь, не можетъ согласиться съ такимъ совѣтомъ. „Нѣтъ, братъ,—говоритъ онъ,—поступать, какъ скопцы, это значитъ, уродовать свое тѣло, значитъ итти противъ воли Бога. Отецъ мой не плоть, а духъ, но я созданъ духомъ во плоти, — говорилъ Христосъ,—когда на него находило искушеніе избавиться отъ плоти. Да, если, наконецъ, человѣкъ и поступитъ, какъ скопцы, то онъ все-таки не избавится отъ дурныхъ похотливыхъ мыслей... Не нужно уродовать своего тѣла, но надо отгонять отъ себя всѣ порочныя похотливыя мысли и жить добрыми, хорошими мыслями..."

Сергѣю, очевидно, неизвѣстно, что, кромѣ скопцовъ, прибѣгающихъ къ „малой и большой печати“, въ русскомъ расколѣ имѣются еще „духовные скопцы“, которые, рѣшительно отвергая физическое оскопленіе, такъ называемыя „печати“, въ то же время проповѣдуютъ полное и абсолютное воздержаніе отъ половыхъ сношеній путемъ силы воли. Въ сущности это тѣ же монахи, обрекающіе себя на вѣчное безбрачіе, цѣломудріе и воздержаніе. Монахами же, безъ сомнѣнія, являются и тѣ толстовцы, которые на бракъ и половыя сношенія смотрятъ глазами Сергѣя и Льва.

V.

Проповѣдники кротости и смиренія.

Всѣ сложныя проблемы государственной, соціальной и политической жизни наши толстовцы разрѣшаютъ тремя-четырьмя словами: „всѣ люди—братья“, „всѣ—дѣти одного Отца“. Рядомъ съ этими афоризмами стоитъ положеніе, что „весь міръ есть домъ Божій“.

— Нужно только проникнуться этой истиной,—говоритъ Левъ,—и тогда царство мира, царство Божіе воцарится на землѣ... Помните эту истину, живите въ любви и забудьте все остальное!

Съ подобными рѣчами они обращаются ко всѣмъ людямъ, съ которыми только сталки-

ваетъ ихъ судьба, и прежде всего къ представителямъ власти, къ полицейскимъ, административнымъ и судебнымъ чиновникамъ.

— Да это мы знаемъ, — съ нетерпѣніемъ отмахиваются отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ мухъ, чиновники, — но все-таки нуженъ же законъ гражданскій? Нельзя же обойтись безъ полиціи, безъ судовъ, безъ администраціи?

На это Левъ и Сергѣй обыкновенно отвѣчаютъ такъ: „Братья, все, что есть хорошаго въ законѣ гражданскомъ, все то есть въ законѣ Бога; нѣтъ только зла, которое раздѣляетъ людей-братьевъ на разные классы и сословія. Вѣдь Христосъ сказалъ: Я пришелъ не нарушить законъ, но исполнить законъ вѣчный, законъ Бога... Посмотрите, какъ все прекрасно кругомъ въ природѣ! — сентиментально восклицаютъ толстовцы. — Зачѣмъ же мы, разумные люди, нарушаемъ эту гармонію?.. Нѣтъ, братья, нужно выбирать одно изъ двухъ: или законъ Бога или законъ человѣческій, гражданскій. Соединить то и другое невозможно, такъ какъ оба эти закона взаимно исключаютъ другъ друга“.

Послѣ подобныхъ репликъ обыкновенно ихъ запирали въ арестантскую, — этимъ большею частью и кончались пренія ихъ о „законѣ гражданскомъ“ съ представителями власти.

Проповѣдь братства идетъ рядомъ съ полнымъ и абсолютнымъ отрицаніемъ всякаго насилія, въ какихъ бы формахъ оно ни проявля-

лось. Всякій терроръ, всякія казни и войны отрицаются самымъ безусловнымъ образомъ. Военная служба въ войскахъ, по ученію толстовцевъ, какъ извѣстно, также не допускается ни въ какомъ случаѣ.

Годъ тому назадъ Сергѣй призывался къ отбытію воинской повинности. Сейчасъ ему 22 года [1]). При его взглядѣ на войну и на военную службу, онъ не счелъ нужнымъ являться въ воинское присутствіе, тѣмъ болѣе, что въ моментъ призыва онъ находился вдали отъ Петербурга. Вслѣдствіе этой неявки онъ признанъ былъ уклоняющимся отъ воинской повинности.

Теперь, когда онъ появился въ Петербургѣ, его родные настоятельно совѣтуютъ ему явиться въ воинское присутствіе, чтобы этимъ путемъ положить конецъ своему нелегальному существованію. Но Сережа считаетъ несогласнымъ со своими убѣжденіями являться въ воинское присутствіе какъ бы по собственному побужденію.

— Если меня потребуютъ, если меня поведутъ въ присутствіе, — говоритъ онъ, — я не буду противиться, но итти туда добровольно, безъ требованія со стороны властей, я считаю для себя невозможнымъ. Затѣмъ, если я и явлюсь въ присутствіе, то только для того, чтобы заявить, что я служить не буду, не буду присягать, не возьму въ руки ни ружья, ни штыка, ни сабли.

---

[1]) Писано въ 1910 году. *А. П.*

Разумѣется, ему хорошо извѣстны неизбѣжныя суровыя послѣдствія такого отказа, но эта печальная перспектива не пугаетъ его, и онъ выражаетъ готовность претерпѣть за свои убѣжденія, будучи увѣренъ, что они „основаны на словахъ самого Христа“.

Здѣсь мы подходимъ къ самому щекотливому пункту ученія толстовцевъ, приближающему ихъ къ тому общественному теченію, которое извѣстно подъ страшной кличкой анархизма. Какъ извѣстно, наиболѣе характернымъ признакомъ анархизма является отрицаніе власти и государства. И вотъ, въ виду того, что толстовцы категорически отрицаютъ необходимость властей и государственныхъ формъ, ихъ обыкновенно называютъ анархистами. Особенно охотно эту кличку приклеиваютъ къ нимъ представители духовенства и бюрократіи.

Но слѣдуетъ помнить, что только указаннымъ пунктомъ и ограничивается сходство толстовцевъ съ анархистами; сходясь между собой въ этомъ пунктѣ — отрицанія властей и государства,—они тотчасъ же расходятся въ совершенно противоположныя стороны. Въ то время, какъ анархисты всецѣло принимаютъ соціалистическую доктрину, за исключеніемъ, конечно, ученія о политической организаціи государства, и выше всего ставятъ личность человѣка, его достоинство,—толстовцы остаются совершенно чужды соціализму, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выработанъ западно-европей-

ской наукой и жизнью, а ихъ взглядъ на значеніе личности человѣка лучше всего опредѣляется ихъ ученіемъ о необходимости кротости, смиренія и непротивленія злу.

Для иллюстраціи я приведу разсказъ Сергѣя о его спорѣ съ приставомъ, заимствованный мною изъ тѣхъ же писемъ.

— Для христіанина, — говоритъ Сергѣй, — нѣтъ ни правительствъ, ни судовъ, ни полиціи, ни границъ, ни паспортовъ. Христіанство и государство съ его механизмомъ несовмѣстимы.

— Ты говоришь, не надо судовъ, не надо полиціи, — возражаетъ приставъ, — но кто же тогда будетъ наказывать преступниковъ?

— Голубчикъ,—заявляетъ Сережа,—наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество. Что такое преступникъ? Что онъ преступилъ? Еще большій преступникъ тотъ, кто нарушаетъ законъ любви, прощенія, кто наказываетъ своего брата. Вѣдь по закону Христа надо не наказывать, а прощать. Противиться злу надо не зломъ, а добромъ, прощеніемъ. Зломъ нельзя пресѣчь зла. Все порождаетъ себѣ подобное: зло порождаетъ зло. Только добро можетъ уничтожить зло. Напримѣръ, людей, развращенныхъ праздностью и дурнымъ сообществомъ, сажаютъ въ тюрьму, гдѣ ихъ ожидаетъ самое дурное сообщество и гдѣ они обрекаются на полную праздность. Развѣ это можетъ исправить человѣка?

— Да это такъ, — соглашается приставъ, — но представьте себѣ, что на васъ накидывается человѣкъ и начинаетъ бить... Ну, что же, неужто ему прощать?

— Конечно, прощать! — восклицаетъ Сергѣй. — Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ весь законъ Христа именно въ этомъ. „Ударившему тебя по одной щекѣ, подставь другую“. Если кто васъ ударитъ, то вы должны непремѣнно и тотчасъ же простить ему. Можетъ-быть, онъ и еще разъ васъ ударитъ, но вы все-таки простите. *Только такимъ образомъ и можно уничтожить зло...* Иначе, что же выйдетъ? Если онъ васъ хватитъ по уху; сдѣлаетъ вамъ зло, вы ему отвѣтите тѣмъ же, зло возгорится, какъ отъ искры пожаръ, дѣло дойдетъ до убійства и погубитъ васъ обоихъ...

Слушая эти тирады, полицейскіе чиновники, которые стерегли Сергѣя, сидѣвшаго у нихъ подъ арестомъ, съ недоумѣніемъ повторяли:

— Я не знаю, зачѣмъ его здѣсь держатъ.

На этомъ я пока прерываю свой разсказъ о „послѣдовательныхъ толстовцахъ“ и предоставляю слово одному изъ нихъ—Сережѣ Попову. Изъ его писемъ, наивныхъ и непосредственныхъ, читатель какъ нельзя лучше познакомится со

взглядами на жизнь и на людскія отношенія той группы лицъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является этотъ „толстовецъ“.

Письма приводятся нами безъ всякихъ измѣненій. Тѣ незначительныя сокращенія, которыя мы вынуждены были сдѣлать въ нихъ въ силу цензурныхъ соображеній, оговорены и отмѣчены нами точками.

ПИСЬМА ТОЛСТОВЦА

Сережи Попова.

Письмо первое.

Голубчикъ Владиміръ, пишу я вамъ изъ Майкопа, Кубанской области, на другой день послѣ освобожденія моего тѣла изъ тюрьмы.

Разскажу, какъ я попалъ туда.

Послѣднее время я работалъ у Скороходова. Тамъ я познакомился съ очень интереснымъ человѣкомъ—Львомъ Тониловымъ. Онъ былъ у васъ, былъ въ Ташкентской общинѣ. Оттуда пришелъ въ Пятигорскъ и къ Скороходову. Мы рѣшили итти на Сочи, къ Сутковому, затѣмъ въ Геленджикъ, Полтаву, Лисичанскъ, побывать у васъ, Льва Николаевича, Булыгина, въ Москвѣ и Петербургѣ. Попутчикомъ намъ явился Володя Шейерманъ съ семьей и Григорій Цыганковъ.

Мы всѣ вмѣстѣ вышли изъ Майкопа по направленію къ Туапсе. На первой почтовой станціи Володя съ семьей сѣлъ на лошадей и поѣхалъ. Григорій Цыганковъ, кажется, вернулся, а я и Левъ пошли далѣе.

Ночевали въ станицѣ Апшеронкѣ. На другой день, когда мы проходили мимо правленія станицы Ходопси, то изъ правленія выскакиваетъ казачокъ и говоритъ: „Пожалуйста, на минуточку въ правленіе“. Входимъ, видимъ сидитъ человѣкъ и говоритъ намъ: „Ваши паспорты!“

— Намъ не надо паспорта, мы въ домѣ отца, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья,— говоримъ мы.

Атаманъ смущается и говоритъ: „Я знаю, что всѣ братья, но какъ же, надо знать, какъ васъ зовутъ, какой вы губерніи?“

— Дорогой братъ, — говоримъ мы. — Какія губерніи? Какіе паспорты? Все это миражъ, самообманъ, призракъ. Ничего этого не надо и ничего этого нѣтъ. Есть только домъ Божій, весь міръ, всѣ люди братья, дѣти Божіи.

Атаманъ смущается и говоритъ, видя книги:

— Дайте книги, какія у васъ есть.

Мы дали. У насъ было нѣсколько книгъ Льва Николаевича. Жизнь греческихъ мудрецовъ, книга Балу „о непротивленіи злу насиліемъ“ и индѣйская философія Іога.

Атаманъ смотритъ на философію и не понимаетъ. Потомъ говоритъ:

— Надо позвать батюшку, можетъ-быть, онъ знаетъ эти книги.

Позвали. Влетаетъ батюшка и сразу буркнулъ намъ: „Ваши паспорты“.

— Для Бога не надо паспорта,—говоримъ мы.

Священникъ [1]) смущается и говоритъ: „Я знаю, что не надо, но намъ надо, я спрашиваю у васъ паспортъ“.

— Значитъ, вы не вѣрите въ Бога, а вѣрите въ мертвую бумагу,—говоримъ мы.

---

[1]) Въ письмахъ Сережи священникъ называется „попомъ“.

Священникъ краснѣетъ до корней волосъ, уперъ глаза въ философію Іога и безсмысленно поворачиваетъ страницы.

Затѣмъ атаманъ и священникъ въ смущеніи уходятъ. Немного погодя приходитъ атаманъ и говоритъ нерѣшительно писарю: „Надо отправить на распоряженіе атамана отдѣла“.

Писарь беретъ книги, прикладываетъ печать и два добрыхъ парня, взявъ ружья на плечи, ведутъ насъ по направленію въ Майкопъ.

Ведутъ не зная зачѣмъ, повинуясь мертвой бумажкѣ, которую написалъ писарь Ходожинскаго атамана, и такъ до самаго Майкопа эти добрые люди, забывъ разумъ, совѣсть и повинуясь бумажкѣ, гонятъ насъ, своихъ братьевъ, и такъ вездѣ.

Приходимъ въ станицу Апшеронку. Воскресеніе, собирается народъ. Мы сидимъ на ступеняхъ правленія. Насъ спрашиваютъ: какой губерніи?

Мы говоримъ: „Братья, губерній нѣтъ, это самообманъ. Весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья, дѣти Божіи“.

— Вы говорите, что всѣ братья,—говорятъ они, — а вотъ какъ же [1]). . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Богу и мамонѣ служить нельзя.

Въ толпѣ шепчутся („слышите, говорятъ, служить не надо“), потомъ обращаются къ

[1]) Выпускаемъ три строчки по цензурнымъ соображеніямъ.

намъ: „Какъ же, вѣдь вотъ мы присягаемъ, значитъ, надо служить“.

— А Евангеліе читали,—говоримъ мы.—Въ пятой главѣ Матѳея, въ нагорной проповѣди, Христосъ прямо и ясно говоритъ: Никогда никому ни въ чемъ не клянись. Не клянись вовсе. Какая же можетъ быть присяга, вѣдь вы черезъ минуту можете умереть, жизнь не принадлежитъ вамъ и вы не можете не только отдать ее кому бы то ни было, но даже ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Нѣтъ, братья, васъ ужасно обманываютъ, васъ заставляютъ дѣлать на Евангеліи какъ разъ противное евангелію. Опомнитесь, братья!

Въ это время подходитъ къ намъ человѣкъ и говоритъ: „Пойдемте“. Приводитъ насъ къ какой-то двери. Отворяетъ, впускаетъ, затворяетъ. Мы находимся въ полной темнотѣ и чувствуемъ духоту и вонь, сидимъ нѣкоторое время на скользкомъ полу. Братъ Левъ возмущается и начинаетъ стучать въ дверь и звать: „Люди, братья кто здѣсь есть?“ Я говорю: „Лева, что ты, вѣдь мы сами пришли сюда, это наука, въ другой разъ не пойдемъ, и если имъ надо будетъ, они сами внесутъ наши тѣла куда имъ угодно. Духъ свободенъ вездѣ и не зависитъ отъ формы“.

(Потомъ Левъ говорилъ мнѣ, что это былъ соблазнъ, паденье, но это очень хорошо, это наука для насъ.)

На зовъ приходятъ и говорятъ: „Что надо?“ Левъ говоритъ: „Позовите того человѣка, котораго вы называете атаманомъ“. Уходитъ.

Приходитъ атаманъ и говоритъ: „Что надо?“

— Дорогой братъ,—говоритъ Левъ,—вѣрите ли вы въ Бога?

Атаманъ смущается и говоритъ: „Вѣрю“.

— Зачѣмъ же братьевъ своихъ сажаете въ темницу?

Атаманъ очень смутился, сталъ ругать сторожей, зачѣмъ они посадили насъ въ темную, и насъ переводятъ въ свѣтлую.

Немного погодя, приходятъ два парня съ ружьями и ведутъ насъ, ведутъ противъ желанія, не зная зачѣмъ, но все-таки ведутъ, повинуясь мертвой бумажкѣ.

Приводятъ въ станицу Прутскую. Здѣсь встрѣчаютъ насъ, какъ террористовъ, обыскиваютъ, отбираютъ отъ меня даже лапти, чтобы я не повѣсился на веревочкахъ, которыми подвязываю ихъ. Толкаютъ насъ въ душную комнату и отдаютъ наши тѣла во власть миріады клоповъ.

Поздно вечеромъ отворяютъ и входитъ атаманъ съ любопытными.

— Откуда вы?—говоритъ онъ.

— Тотъ, кто насъ привелъ, знаетъ, откуда мы, обратитесь къ нему,—говоримъ мы.

— Ну, все-таки, какой вы губерніи?—говоритъ онъ.

— Братъ, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья, всѣ дѣти одного отца.

— Я это знаю, но все-таки нуженъ же законъ гражданскій?

— Братъ, все, что есть хорошаго въ законѣ гражданскомъ, все то есть въ законѣ Бога; нѣтъ только зла, которое раздѣляетъ людей братьевъ; вѣдь Христосъ сказалъ: „Я пришелъ не нарушить законъ, но исполнить законъ вѣчный, законъ Бога“. Какъ все прекрасно кругомъ въ природѣ! Зачѣмъ же мы, разумные люди, нарушаемъ эту гармонію? Нѣтъ, братъ, одно изъ двухъ: или законъ Бога или законъ человѣческій, гражданскій.

Атаманъ уходитъ, и насъ затворяютъ.

Утромъ приходятъ добрые парни съ ружьями на плечахъ и ведутъ насъ на станицу Курджуйскую. Дорогой мы говоримъ имъ: „Зачѣмъ вы идете за нами? Вѣдь вы не хотите, вамъ жарко, пусть тотъ, кто хочетъ насъ отправить, идетъ самъ. Скажите ему: „Ты хочешь ихъ отправить, такъ и отправляйся самъ“. Вѣдь у каждаго человѣка есть совѣсть, разумъ свой. Зачѣмъ же вы не слушаетесь ихъ, а слушаетесь прихоти всякаго человѣка, который скажетъ вамъ: „Идите туда-то, дѣлайте то-то“. Вспомните, что вы сыны Божіи. Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“.

Приводятъ въ Курджуйскую. Много народа идутъ посмотрѣть на насъ.

Здѣсь узналъ про насъ учитель и захотѣлъ поговорить съ нами. Онъ оказался знакомъ съ Скороходовымъ, принесъ намъ всякой ѣды и

сидѣлъ у насъ долго вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Это было въ субботу.

На другой день насъ не повели, а оставили, по случаю воскресенья, на день. Обращались хорошо, даже водили купаться.

Попросили мы Евангеліе, дали намъ. Левъ сталъ читать нагорную проповѣдь. Объяснилъ первую заповѣдь Христа: „Не сердись“, вторую: „Не блуди“, и я третью: „Не клянись вовсе“ и говорилъ: Христосъ ясно сказалъ: не присягай, а вы говорите: присяга. Нельзя служить присягѣ и Богу.

Въ это время вошелъ атаманъ (онъ все слышалъ изъ-за стѣны) и говоритъ: „Господа, пожалуйста, разойдитесь, вы мѣшаете имъ отдыхать“. И насъ заперли на замокъ.

Утромъ въ понедѣльникъ насъ повели, наконецъ, въ Майкопъ, къ атаману отдѣла.

Приходимъ, подходимъ къ столу, видимъ— тамъ сидятъ разные чиновники, спрашиваютъ у насъ, какъ звать, какой губерніи.

— Я сынъ Божій, — говорю я.

— Какъ такъ?—говорятъ они.

— Братья,—говорю я,—поймите, что губерній нѣтъ, паспортовъ нѣтъ, границъ нѣтъ; все это миражъ, самообманъ, мыльный пузырь. Весь міръ домъ Божій. Поймите, что жизнь только въ Отцѣ, внѣ Отца нѣтъ жизни, внѣ Отца смерть.

Забѣгали чиновники, не знаютъ, что дѣлать, теряются. Что-то глубоко, глубоко въ ихъ со-

вѣсти говоритъ имъ, что это такъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти одного Отца. Что если всѣ братья, то не надо ни этого правленія съ его чиновниками, ни всего того ужаснаго зла, которое раздѣляетъ людей братьевъ и дѣлаетъ ихъ чиновниками, машинами.

Обращаются и ко Льву: „Какъ васъ звать, какой губерніи?“

— Братья, — говоритъ Левъ, — развѣ это важно, развѣ это нужно? Ну, называютъ меня Львомъ Тониловымъ и говорятъ, что я изъ Каменецъ-Подольска. Но вѣдь я не знаю, гдѣ я родился, не знаю, родился ли я? Нѣтъ, братья, все это отдаляетъ, все это затемняетъ истину. Нужно только одно: познать истину, и истина сдѣлаетъ насъ свободными; истина же въ томъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти одного Отца. Вспомните только это, живите въ любви, забудьте все остальное и будетъ царство Бога, царство мира.

Входитъ атаманъ и говоритъ: „Какъ васъ зовутъ, какой вы губерніи?“

— Я сынъ Божій,—говоритъ Левъ.

— А такую птичку въ клѣтку! — кричитъ атаманъ и уходитъ.

Чиновники записываютъ: „Левъ Тониловъ изъ Каменецъ-Подольска“, и атаманъ рѣшаетъ отправить его этапомъ въ Каменецъ-Подольскъ.

Хотятъ и меня отправить туда же, но потомъ рѣшаютъ отправить меня къ слѣдователю

для привлеченія къ отвѣтственности по обвиненію въ бродяжничествѣ и умышленномъ укрытіи родства.

Приходитъ конвой, и насъ ведутъ къ слѣдователю. Здѣсь Льва уводятъ въ тюрьму, а меня оставляютъ.

Слѣдователя нѣтъ дома. Письмоводитель идетъ дать телеграмму, а меня уводятъ въ участокъ, до прибытія его.

Приводятъ. Бросаются ко мнѣ городовые, обыскиваютъ и спрашиваютъ: „Какой губерніи?“

— Міръ домъ Божій, губерній нѣтъ, всѣ люди братья.

— Недѣлю подержимъ голодомъ, тогда скажешь, какой губерніи,—говорятъ они.

Потомъ ведутъ въ участковую тюрьму. Здѣсь я нахожу двухъ людей. Мнѣ даютъ хлѣба и арбуза, воздухъ въ камерѣ отличный, камера большая, клоповъ нѣтъ, я очень доволенъ.

Вечеромъ зовутъ къ приставу. Вхожу. Вижу—сидитъ за столомъ околоточный и начинаетъ кричать:

— Какой губерніи?

— Я сынъ Божій, губерній нѣтъ, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья,—отвѣтилъ я.

Онъ началъ страшно ругаться и выдергивалъ и вдергивалъ револьверъ, думая нагнать на меня животный страхъ.

— Опомнись, что ты сердишься, вѣдь мы братья,—говорю я.

Тогда онъ подошелъ къ телефону и говоритъ куда-то: „Здѣсь привели ко мнѣ какого-то душевно-больного“.

Ему что-то отвѣчаютъ. Онъ говоритъ: „Слушаю-съ“ и велитъ городовому вести меня къ слѣдователю.

Онъ еще не пріѣхалъ, и меня ведутъ обратно въ участокъ.

Только черезъ три дня, 6 августа, ведутъ меня къ слѣдователю (онъ пріѣхалъ).

Приходимъ. Вижу молодого человѣка и по обращенію догадываюсь, что письмоводитель уже разсказалъ ему обо мнѣ. Онъ говоритъ: „Хотите вы мнѣ отвѣтить на нѣкоторые вопросы?“

— Конечно, какъ же, вѣдь мы братья, — говорю я.

— Ну, хорошо, вотъ я васъ попрошу подписать слѣдующую бумагу.

— Какъ же подписать?—говорю я.—Вы меня не поняли. Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ есть два существа. Одно слѣпое, чувственное, ѣдящее, пьющее, смертное, а другое—зрячее, разумное, любящее, вѣчное. Это-то вѣчное существо и есть Богъ, оно-то и даетъ жизнь всему, имъ-то я и хочу жить, а для него не надо ни подписей, ни паспортовъ, ни губерній, ни губернаторовъ, а нужны люди-братья, живущіе въ мірѣ, въ домѣ Божіемъ, какъ дѣти одного Отца.

— Ну, хорошо, это такъ,—говоритъ онъ;— но отъ того, что вы это говорите, я не пере-

мѣню своей жизни, но одно прошу васъ: вѣдь Христосъ любилъ всѣхъ и говорилъ: „братья, любите другъ друга“, такъ вотъ я васъ прошу, если у васъ есть любовь къ ближнему, подпишите эту бумагу, проявите любовь.

Я подписалъ: „Сынъ Божій, по тѣлесной оболочкѣ называемый людьми С. Поповъ“.

Въ бумагѣ было написано: „Обвиняемый, слѣдуя высшимъ Божественнымъ законамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ законами человѣческими, не можетъ имѣть паспорта и опредѣленнаго мѣстожительства“.

— Ну, спасибо,—сказалъ слѣдователь и тяжело вздохнулъ.

Потомъ, желая и съ своей стороны проявить любовь, говоритъ: „Погодите, я сейчасъ“, накидываетъ пальто и уходитъ. Приходитъ и говоритъ: „Подите къ прокурору, можетъ-быть, онъ васъ отпуститъ“.

Приходимъ. Вижу на дворѣ масса голубей. Прокуроръ кормитъ ихъ. Ну, думаю, добрый. Глянулъ онъ на меня и говоритъ городовому: „Для такихъ у меня мѣста нѣтъ“. Потомъ кричитъ мнѣ: „Какъ тебя звать, какой губерніи? Ты Сергѣй Поповъ?“

— Я сынъ Божій,— говорю я.— Всѣ люди братья.

— Я знаю, что всѣ братья,—говоритъ онъ.

— Это только и нужно,— говорю я,— откиньте все остальное, живите по-братски и ничего больше не надо.

— Послѣдній разъ говорю тебѣ,— кричитъ онъ,—ты Сергѣй Поповъ?

— Я сынъ Божій,—говорю я.

— Тогда въ тюрьму!—кричитъ прокуроръ. Пишетъ письмо слѣдователю, и меня ведутъ туда.

Слѣдователь читаетъ письмо и говоритъ: „Прокуроръ иначе посмотрѣлъ на это дѣло. Придется васъ въ тюрьму“. Затѣмъ вздыхаетъ и говоритъ: „Можетъ-быть, у васъ есть здѣсь кто-нибудь? Могли бы взять васъ на поруки?“

— Есть Скороходовъ,—говорю я.

— Я его вызову, — говоритъ слѣдователь, записываетъ адресъ, и меня ведутъ въ тюрьму. Приводятъ. Обступаютъ меня надзиратели, спрашиваютъ: „Какой губерніи?“

На меня находитъ животный страхъ, думаю бить будутъ.

Я говорю: „Называютъ меня Сергѣемъ Поповымъ, говорятъ, что я изъ Петербурга“.

Тогда велятъ раздѣваться, даютъ бѣлую шапку, бушлатъ, подушку, матрасикъ, легкое одѣяло и ведутъ.

Приводятъ на дворъ. Левъ и арестанты встрѣчаютъ меня, ведутъ въ камеру, угощаютъ, кто чѣмъ можетъ. Одинъ несетъ арбузика, другой хлѣбца; отношеніе братское, хорошее.

Левъ мнѣ разсказываетъ, что его встрѣтили очень недружелюбно. Левъ имѣетъ длинные волосы, большую бороду, ходитъ босой, безъ

шапки, ѣстъ только хлѣбъ, овощи, фрукты; такъ вотъ, принявъ его за попа, арестанты закричали: „Попа привели, попа привели, давайте ему драть волосы!“ и въ мигъ окружили его.

Но онъ имъ любовно разсказалъ все, какъ было, и они сердечно пожалѣли его, накормили и относятся съ большимъ уваженіемъ.

Левъ вначалѣ отказался отъ всего казеннаго, пошелъ, легъ подъ нары и тамъ лежалъ. Вечеромъ бываетъ повѣрка, арестанты строются, съ ними здоровается начальникъ, они отвѣчаютъ всѣ въ разъ и ихъ считаютъ. Левъ же лежалъ подъ нарами и на вопросъ: „Что ты не строишься?“ отвѣчалъ: „Мнѣ и здѣсь хорошо, я отдыхаю“.

Меня привели уже вечеромъ. Ночь я провелъ на матрасикѣ, вмѣстѣ съ Львомъ. Клопы и блохи не давали намъ спать.

Левъ говорилъ мнѣ о голодовкѣ, которую можно провести, но я сказалъ, что можно, но зачѣмъ? Вотъ въ полдень даютъ мясной борщъ, такъ я не буду ѣсть, а хлѣбъ буду. Тогда и Левъ взялъ овощи и хлѣбъ, борща же мы не ѣли. Многіе спрашивали у меня, почему Левъ ходитъ босой, безъ шапки, безъ кафтана.

Я говорилъ: „Вѣдь богатъ не тотъ, у кого много, а тотъ, кому ничего не надо. Левъ богаче всѣхъ насъ. Мы рабы своихъ потребностей, я рабъ шапки, лаптей, Левъ же свободенъ отъ этого“.

Вечеромъ на повѣркахъ, когда всѣ строются, мы сидимъ и на вопросъ: „Вы что не строитесь?“ отвѣчаемъ: „Мы живемъ своимъ разумомъ“.

8 или 9 августа снимали съ меня карточку и отправятъ ее въ Петербургъ къ мамашѣ и въ охранное отдѣленіе.

10 августа пришелъ слѣдователь, Скороходовъ и старичокъ Степанъ Зубковъ. Степанъ беретъ меня на поруки. Слѣдователь говорилъ, что если мамаша признаетъ карточку, то обвиненіе въ бродяжничествѣ сходитъ на-нѣтъ и дѣло—къ мировому судьѣ.

11 августа пришелъ Степанъ и Скороходовъ и мое тѣло выпустили изъ тюрьмы.

Скороходовъ ходилъ къ атаману и прокурору хлопотать о Львѣ, но безуспѣшно. Вѣроятно, пошлютъ этапомъ. Этапъ уходитъ 22 августа.

Чувствую, милый братъ, что это съ моей стороны паденіе, именно то, что я пошелъ на поруки. Истинный человѣкъ свободенъ и въ тюрьмѣ, а тотъ, кто рабъ своихъ страстей, тотъ вездѣ не свободенъ. Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

Не знаю, получилъ ли Левъ Николаевичъ письмо. Я писалъ ему прямо изъ тюрьмы, въ концѣ приписалъ и Левъ немного. Письмо прошло черезъ руки прокурора.

Относительно юбилея Льва Николаевича мнѣ кажется, что у кого нѣтъ его духа, тому надо праздновать, а у кого есть, тому не надо. У

кого креста нѣтъ въ душѣ, тотъ вѣшаетъ его на шею.

Желаю всего лучшаго, что въ васъ самихъ.

Письмо второе.

„Голубчики, братья! Не такъ давно я писалъ вамъ объ освобожденіи моего тѣла изъ тюрьмы, и опять попалъ туда. Было дѣло такъ. Я пріѣхалъ съ хутора Скороходова вмѣстѣ съ сестрой Льва (о которомъ я писалъ вамъ). Скороходовъ вмѣстѣ съ нами заѣхалъ къ одной знакомой и тамъ оставилъ лошадей. Я и сестра Льва пошли на базаръ купить лапти, но не нашли ихъ тамъ. Недалеко отъ базара встрѣчаютъ насъ два околоточныхъ съ городовыми и говорятъ мнѣ:

— Подойди сюда, кто ты такой, какой губерніи?

Я говорю: „Всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, губерній нѣтъ, это миражъ, самообманъ“.

Тогда молодой околоточный хватаетъ меня за плечо и кричитъ: „Ты что мнѣ порешь ерунду? Гдѣ твой паспортъ?“

— Мнѣ не надо паспорта,—говорю я.

Онъ начинаетъ кричать, ругаться и велитъ итти съ нимъ въ участокъ. Сестра Льва вступается за меня и говоритъ:

— Зачѣмъ вы трогаете человѣка? Здѣсь его многіе знаютъ. Онъ пріѣхалъ съ хутора Скороходова; это толстовецъ, родомъ изъ Петербурга. Оставьте, вы не имѣете права толкать его.

— Голубчикъ,— говорю я,— пойми, что мы братья, вѣдь я вижу въ тебѣ не полицейскаго, а брата.

Меня повели въ участокъ, а сестра Льва пошла со мной. Приводятъ, выходитъ приставъ и говоритъ:

— Ты откуда?

— Вотъ откуда,—и показываю направленіе, откуда меня привели.

— Вашъ паспортъ?

— Мнѣ не надо паспорта. Паспортъ — злое установленіе людей; для Бога не надо паспорта.

— Вѣроятно, революціонеръ, — говоритъ приставъ.—Покажите руки.

Смотритъ на руки, рабочія ли онѣ или нѣтъ. Потомъ говоритъ сестрѣ Льва:—Откуда вы?

— Мы пріѣхали съ хутора Скороходова.

— А ваши паспорта?

— Мой паспортъ остался на хуторѣ, я пріѣхала посмотрѣть городъ и повидать здѣсь нѣкоторыхъ знакомыхъ.

— Гдѣ вы остановились?

— Я не знаю фамиліи, но такъ могу найти.

— Скороходовъ можетъ удостовѣрить вашу личность?

— Можетъ. мой паспортъ у него на хуторѣ.

Тогда приставъ велитъ околоточному итти вмѣстѣ съ сестрой Льва, туда, куда она приведетъ, и привести Скороходова для допроса. Меня же обступаютъ городовые, обыскиваютъ, отбираютъ лапти, ремешокъ отъ штановъ, отпарываютъ ленту у шляпы. Потомъ ведутъ въ участковую тюрьму и затворяютъ.

Немного погодя, приходитъ околоточный и городовой. Околоточный подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Какой губерніи? Какъ зовутъ?“

— Всѣ мы братья, всѣ дѣти Божіи, весь міръ домъ Божій,—говорю я.

Околоточный хвать меня по уху и кричитъ: „Какъ звать, какой губерніи?“

— Всѣ дѣти Божіи, всѣ братья, весь міръ домъ Божій,—говорю я. Тогда онъ хвать меня по другому уху.

— Говори (и страшно ругается), говори, какой губерніи, какъ зовутъ?

— Голубчикъ, за что ты бьешь меня, развѣ я тебя обидѣлъ?

— Когда спрашиваютъ, отвѣчай! — кричитъ онъ.—Какой губерніи?

— Весь міръ домъ Божій,—говорю я.

Тогда онъ сволокъ меня съ наръ и началъ бить. Бьетъ, бьетъ, потомъ начинаетъ кричать: „Отвѣчай!“ и страшно ругается и опять бьетъ.

Городовые говорятъ: „Довольно для перваго раза“.

— Нѣтъ, я выбью изъ него (?), онъ мнѣ скажетъ, какъ зовутъ и какой губерніи, — говоритъ околоточный.

Наконецъ онъ усталъ и говоритъ: „Онъ сумасшедшій, отъ него ничего не добьешься“, оставляетъ меня и уходитъ.

Сестра Льва уходила съ полицейскими, но Скороходова не нашли и пришла обратно. Ее посадили рядомъ, въ женское отдѣленіе. На другой день приходитъ Левъ (онъ тоже былъ выпущенъ изъ тюрьмы). Онъ догадался, что сестра его арестована. Когда онъ пришелъ, у него спросили паспортъ.

Онъ отвѣчалъ: „Паспортовъ для меня не существуетъ, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья, всѣ дѣти Божіи“.

Его арестовали. Немного погодя, меня ведутъ къ приставу. Обращеніе его ко мнѣ совсѣмъ перемѣнилось. Онъ говоритъ: „Пожалуйста, садитесь. Вы—интеллигентный человѣкъ. Сейчасъ будетъ готовъ самоваръ, пожалуйста, пейте чай“.

Потомъ приставъ спрашиваетъ: „Скажите, пожалуйста, ну, гдѣ вы родились, въ какой губерніи, какъ васъ зовутъ?“

Я говорю: „Вѣдь это совсѣмъ не нужно, зачѣмъ это? Поистинѣ ничего этого не существуетъ, поистинѣ весь міръ — домъ Божій, всѣ люди братья, всѣ дѣти Божіи. Каждый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ два теченія. Одно слѣпое, чувственное, животное, а другое зря-

чее, разумное, то, что каждый называетъ совѣстью. Этотъ-то голосъ Божій, голосъ совѣсти, говоритъ мнѣ, что всѣ люди братья, всѣ дѣти Божьи, весь міръ домъ Божій".

— Но все-таки, — говоритъ приставъ, — какъ же мнѣ написать? Вѣдь мнѣ надо. Я напишу, что вы не можете имѣть никакого документа, но какъ же васъ называютъ?

Я сказалъ: „Сергѣй Поповъ".

Тогда онъ написалъ: „Сергѣй Поповъ, слѣдуя ученію Христа, не можетъ имѣть никакого документа", и просилъ подписать. Я подписалъ.

Потомъ я говорю: „Вотъ молодой человѣкъ, околоточный побилъ мое тѣло и хотѣлъ этимъ вынудить отъ меня, чтобы я сказалъ то, что поистинѣ не существуетъ. Но вѣдь онъ только выгонялъ изъ меня животный страхъ. Боли почти не было никакой, а страха стало меньше, и я сталъ свободнѣе. Вѣдь то, что воистину *мое*, того никто не можетъ взять отъ меня. Никто не можетъ взять отъ меня душу, волю, разумъ, а жить разумной волей—великое счастіе. Освобождаться отъ требованій тѣлесности, матеріальности, сдѣлать изъ тѣла покорнаго слугу духа — это приближеніе человѣка къ духовной свободѣ. Полное же освобожденіе, смерть тѣлесности есть духовная свобода. Поэтому я не хочу жить тѣмъ, что дѣлаетъ человѣка не свободнымъ, я хочу избавиться отъ рабства, хочу воспитать въ себѣ наибольшую кротость, смиреніе, любовь.

„Передо мной прежде стоялъ идеалъ вещественный, внѣшній. Для достиженія его я находилъ много препятствій, а главное—видѣлъ эти препятствія внѣ себя, въ особенности въ другихъ людяхъ и потому осуждалъ людей. Когда же сталъ познавать, я понялъ, что то, что внѣ меня, то отъ меня не зависитъ, что идеалъ долженъ быть не вещественный, внѣшній, а внутренній, духовный, и между ними огромная разница. Я понялъ, что идеалъ для меня въ своей душѣ, въ проявленіи, воспитаніи въ себѣ Божественныхъ свойствъ, и что препятствія къ достиженію этого идеала во мнѣ же. Я же, въ какомъ положеніи бы ни былъ, долженъ итти къ этому идеалу, устраняя, разрушая всѣ препятствія, стоящія между мною — частью и цѣльностью — Богомъ“.

Приставъ говоритъ: „Хотите, я составлю протоколъ, и околоточнаго привлекутъ къ отвѣтственности“.

— Зачѣмъ это?—говорю я.—Вѣдь Христосъ устанавливаетъ законъ прощенія, любви. Привлекать къ отвѣтственности надо совѣсть его, а какъ это дѣлать, Христосъ говоритъ: „Ударившему тебя по щекѣ, подставь другую“. Надо тому, кто обидитъ, сдѣлать какъ можно больше добра, чтобы устыдить его, наказать совѣсть, заставить страдать ее.

Потомъ позвали Льва. Приставъ написалъ ему то же самое, и онъ подписалъ.

Потомъ насъ повели къ полиціймейстеру, также и сестру Льва и еще одного брата Костю (онъ работалъ у Скороходова и пришелъ вмѣстѣ со Львомъ въ участокъ). Полиціймейстера не было, и насъ повели въ участокъ до слѣдующаго дня. На другой день насъ приводятъ къ полиціймейстеру. Сначала онъ даетъ проходное свидѣтельство сестрѣ Льва, потомъ Костѣ. Меня же и Льва хотятъ отправить обратно въ участокъ, такъ какъ мы говоримъ, что губерній и паспортовъ нѣтъ, это самообманъ, весь міръ — домъ Божій. Сестра Льва стала просить полиціймейстера, чтобы онъ далъ и Льву проходное свидѣтельство въ Ясную Поляну. Онъ далъ, и она взяла.

Меня же уводятъ въ тотъ же участокъ, въ которомъ я сидѣлъ въ первое заключеніе. Здѣсь меня запираютъ въ участковую тюрьму. Здѣсь 8 человѣкъ заключенныхъ. Сначала относятся недовѣрчиво, потомъ, когда я разсказалъ, какъ все было, они стали относиться очень хорошо, дали мнѣ одѣяло, дѣлились всѣмъ, что имъ приносили. Спрашивали, отчего я не ѣмъ мяса.

Я говорилъ: — Все живое хочетъ жить и страшится страданій смерти, и я не въ правѣ отнимать жизнь, вѣдь я не могу ее вернуть, что цѣль моя любить все живое; что такъ же какъ я скажу, что все для меня, такъ же можете сказать и вы, и птица, и рыбы, и червячокъ, что все для него. Все хочетъ жить.

На другой день въ полдень приходитъ товарищъ прокурора и спрашиваетъ у каждаго, за что кто сидитъ. Ему отвѣчаютъ. Спрашиваетъ и меня: „За что вы?“

Я говорю: — Помните, меня уже приводили къ вамъ во дворъ, еще я вамъ сказалъ, что всѣ люди братья, весь міръ—домъ Божій, всѣ дѣти Божіи. Вы тогда велѣли отправить меня въ тюрьму. Теперь также я шелъ по площади и встрѣтился съ околоточными. Они спросили: кто ты такой, какой губерніи? Я сказалъ, что всѣ люди братья, весь міръ—домъ Божій. Они взяли меня и посадили.

— Вы, кажется, на порукахъ? — сказалъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Сколько вы дней уже здѣсь?

— Три или четыре,—сказалъ я.

Тогда онъ ушелъ. Заключенные обступили меня и спрашиваютъ, почему я не всталъ, когда вошелъ прокуроръ. Я говорилъ:—Вѣдь всѣ же братья, всѣ дѣти одного отца—Бога.

— Но за это могутъ наказать, куда-нибудь сослать,—говорятъ они.

— Ну, что же, вездѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, да и вездѣ можетъ случиться, что кто-нибудь побьетъ, ранитъ и даже умертвитъ. Но все это онъ можетъ дѣлать съ тѣломъ, вѣдь оно не мое, такъ каждый, кто захочетъ, можетъ уничтожить его. А вотъ разумную волю никто не можетъ взять; вотъ

это-то и есть моя собственность, также мысль. Кто можетъ взять ее отъ меня? А вѣдь все начинается въ мысляхъ. Прежде чѣмъ я говорю и дѣлаю, я мыслю. Значитъ, дѣла мои— это мои мысли. Я—это мое мышленіе. Это тоже моя собственность. Никто не можетъ меня заставить мыслить и дѣлать такъ, какъ хочетъ онъ. Напримѣръ, берутъ молодого парня, приводятъ его въ городъ и заставляютъ присягать и учиться убивать, дѣлаться солдатомъ. Если только парень пойметъ, что присяга есть зло, что, предостерегая отъ этого зла, Христосъ прямо и ясно сказалъ: „никогда никому ни въ чемъ не клянитесь вовсе“; если только онъ это пойметъ, то откажется отъ присяги и не будетъ служить солдатомъ. Никто не можетъ взять его истинной собственности — разумной воли.

— Да это такъ, но что можно сдѣлать одному?—говорятъ они.

— Голубчики, очень много можно сдѣлать, и не только много, но все можно сдѣлать. Кто же, какъ не я, могу познать самого себя. Кто какъ не я знаю свои мысли. Вашихъ мыслей, что вы думаете, я не знаю. Свои же мысли я знаю, это мое, это я самъ. Все же, что внѣ меня, то не я и не зависитъ отъ меня. Тѣло могутъ замучить, умертвить, но душу никогда. Она безсмертна. Поэтому каждый человѣкъ можетъ сдѣлать самого себя лучше. Только надо отставать отъ внѣшности.

Надо стараться видѣть въ каждомъ человѣкѣ брата, сына общаго Отца, проникать до души, не смотря на тѣлесную оболочку. Цѣлью, путеводной звѣздой должно быть не вещественное, внѣшнее, а внутреннее, духовное. Для достиженія духовнаго идеала самъ человѣкъ своей внѣшностью служитъ препятствіемъ и потому никого не надо обвинять, а только себя.

На другой день утромъ зовутъ меня къ приставу. Вхожу, тамъ сидитъ приставъ, три околоточныхъ и сборщикъ податей. Одинъ изъ околоточныхъ (тотъ самый, который угрожалъ мнѣ револьверомъ передъ первымъ заключеніемъ) говоритъ: „А, Сережа, опять къ намъ пришелъ, не хочешь ли покурить?“ и подаетъ мнѣ папиросу.

— Нѣтъ, не надо, — говорю я, — въ табакѣ ядъ никотинъ, отъ него страшный вредъ, какъ для себя, такъ и для другихъ, особенный же соблазнъ для дѣтей“.

Тутъ въ разговоръ вступаетъ сборщикъ податей, который начинаетъ порицать Л. Толстого за то, что онъ только проповѣдуетъ, а самъ „ничего не дѣлаетъ“. Сережа защищаетъ Толстого и, въ свою очередь, обвиняетъ науку и искусство.

— Да, милые, — говоритъ онъ, — посмотрите, что люди растятъ, о чемъ хлопочутъ; все, что люди называютъ наукой, техникой, художе-

ствомъ, все это процвѣтаетъ, только одинъ чудный ростокъ любви забытъ. Забыто то, что должно было бы быть основой всего, азбукой жизни. Забыто сѣмя Христа и называютъ его именемъ ненужныя, сорныя сѣмена.

— Но вѣдь нужна же наука, нужно же образованіе,—говоритъ сборщикъ податей.

— Первая наука для дѣтей—это жизнь ихъ родителей. Значитъ, надо дѣлать самихъ себя лучше. Дѣти и будутъ учиться доброй хорошей жизни. Наука—это умѣнье жить разумно.

— Но вотъ, вы безъ образованія не могли бы итти такъ, какъ теперь идете,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, въ гимназіи я получилъ образованіе всѣхъ дурныхъ, порочныхъ наклонностей. Если бы я не бросилъ ее и пошелъ дальше путемъ этого образованія, то я бы погибъ или сталъ бы нравственнымъ калѣкой, уродомъ. Важно не количество, а качество знаній. Если образованіе не дѣлаетъ изъ ребенка (маленькаго животнаго) человѣка, не дѣлаетъ его добрымъ, то это не истинное образованіе. Все, что выдается за образованіе, все это, какъ сорная трава, заглушаетъ то, что воистину нужно: разумную, добрую жизнь. Все, что называютъ наукой, искусствомъ, все это, какъ основанное не на камнѣ, не на разумной жизни, не имѣетъ твердаго основанія и потому не устоитъ, не имѣетъ религіозной основы. Каковы люди и общество, такова и наука, жизнь, таковъ и цвѣтъ общества —

искусство. Все дѣло въ томъ, каковы люди сами. Прогрессъ научный, художественный огроменъ, но онъ подобенъ огромной башнѣ, изъ-подъ которой вынуто основаніе. Вотъ-вотъ и она упадетъ и разобьется вдребезги. А прогресса нравственнаго, религіознаго очень мало, а вѣдь только религія даетъ смыслъ жизни; дѣло же науки сумѣть приложить этотъ смыслъ къ жизни, сумѣть устроить жизнь разумно. Глядя трезво на жизнь, нельзя и пользоваться всѣмъ тѣмъ, что даетъ наука и искусство, такъ какъ безъ руководства нравственнаго пользованіе всѣмъ этимъ приведетъ къ пропасти. Такъ постепенно, твердо очищаясь нравственно, человѣкъ можетъ сдѣлать свою жизнь лучше и быть наукой для своихъ дѣтей и вообще для всѣхъ людей.

— Ну, а какъ же, вотъ у васъ будутъ дѣти, вѣдь нужно же и ихъ выучить?

— Ну, что же, я самъ имъ наука. Значитъ, я самъ долженъ сдѣлать себя какъ можно лучше, а никакъ не отдавать дѣтей въ руки палачей нравственности. Учить дѣтей надо, имѣя примѣромъ хорошаго, идеальнаго человѣка, а не приспосабливаться ко вкусамъ пустого общества. Для меня такой чудный хорошій человѣкъ былъ Христосъ и потому, я думаю, что родителямъ, желающимъ образовать изъ своихъ дѣтей человѣка, надо жить жизнью Христа и взять за основу воспитанія заповѣди Христа. Я самъ думаю провести жизнь цѣло-

мудренно, такъ какъ семейная жизнь служитъ препятствіемъ, соблазномъ для жизни въ Богѣ. Бракъ—это грѣхъ противъ цѣломудрія; а распутство—грѣхъ противъ брака. Конечно, если только я не въ состояніи буду жить цѣломудренно, то одинъ выходъ — это бракъ, т.-е. взаимное согласіе двухъ людей различныхъ половъ имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Если же человѣкъ, живя нецѣломудренно, не вступаетъ въ бракъ, то такой человѣкъ — несчастный уродъ.

— Но мнѣ кажется, — говоритъ сборщикъ податей, — что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ жениться; иначе, если всѣ мы будемъ жить цѣломудренно, то родъ человѣческій прекратится.

— Голубчикъ, зачѣмъ вы заботитесь о родѣ человѣческомъ, позаботьтесь о себѣ; вѣдь вы только себя самого можете знать. Зачѣмъ заботиться о томъ, что внѣ васъ, оставьте это на волю Божію. Попробуйте жить цѣломудренно, не заботьтесь о другихъ, а заботьтесь о томъ, чтобы въ васъ, какъ въ частицѣ рода человѣческаго, было какъ можно больше любви, кротости, смиренія и тогда вы узнаете, что бракъ это есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дѣло. Сейчасъ же вмѣстѣ съ бракомъ всплываютъ различные семейные интересы, встающіе и заслоняющіе Божеское. Появляется животная семейная любовь, стоящая выше любви человѣческой, братской, Божеской.

Поскольку человѣкъ отдается Богу, постольку узы семейныя отпадаютъ отъ него, для него тогда всѣ люди братья, всѣ дѣти одного Отца, весь міръ домъ Божій.

— Тогда, если вы хотите жить цѣломудренно, то лучше всего поступить какъ скопцы, иначе очень трудно прожить.

— Нѣтъ, братъ, поступать, какъ скопцы, это значитъ уродовать свое тѣло, значитъ итти противъ воли Бога. Отецъ мой не плоть, а духъ, но я созданъ духомъ во плоти, говорилъ Христосъ, когда на него находило искушеніе избавиться отъ плоти. Да если человѣкъ и поступитъ, какъ скопцы, то онъ все-таки не избавится отъ дурныхъ похотливыхъ мыслей... Не нужно уродовать своего тѣла, но надо отгонять отъ себя всѣ порочныя похотливыя мысли и жить добрыми хорошими мыслями.

Поговорили мы такъ, и меня отвели въ камеру.

На другой день рано утромъ камеру открыли. Начали тамъ все чистить и ждали весь день пріѣзда прокурора. Заключеннымъ сказали, чтобы называть прокурора „ваше превосходительство“. Но онъ не пріѣхалъ. Съ этого дня камера была постоянно открыта, тамъ передѣлывали печки.

Я сошелся съ однимъ городовымъ. Онъ мнѣ принесъ книгу профессора Тихомирова—о безсмертіи души, и Евангеліе. Мы сѣли на бревнушкѣ на дворѣ, и я сталъ читать нагорную

проповѣдь. Городовые и заключенные обступили насъ и слушали. Я прочелъ первую заповѣдь Христа—„не сердись“,—вторую—„не блуди“,—третью—„не клянись вовсе“,—четвертую—„не противься злому“ и пятую—„любите враговъ вашихъ“,—и объяснилъ.

Они поняли и были очень взволнованы.

— Вотъ видите, какое было бы счастье построить жизнь на этихъ заповѣдяхъ.

— Да, только трудно, теперь не то время,—говорятъ они.

— Голубчики, чѣмъ же трудно? Вѣдь это только такъ кажется, потому что люди сжились съ соблазнами, но стоитъ только отрезвиться, вспомнить, кто мы и какое наше назначеніе и начать жить по заповѣдямъ Христа, неся по доброй волѣ его крестъ, тогда увидите, что бремя его не тяжко, но радостно и легко.

— Кто знаетъ какъ,—говорятъ они.—Вотъ, Сережа, поступай къ намъ въ городовые, теперь какъ разъ нужно одного, ты бы могъ много намъ помочь.

— Нѣтъ, спасибо, зачѣмъ же мнѣ поступать? Нужно имѣть въ душѣ крестъ. Кто чувствуетъ пустоту духовную, тому нужно что-нибудь внѣшнее. У кого креста нѣтъ въ душѣ, тотъ вѣшаетъ его на шею. Спасибо, братья. Надо братьями быть, а не городовыми.

Такъ постепенно потекла моя жизнь въ тюрьмѣ. Иногда мы пилили дрова на дворѣ.

Отношеніе очень хорошее. Заключенные дѣлятся всѣмъ, что имъ приносятъ. По вечерамъ городовые зовутъ меня въ казарму, угощаютъ чаемъ. Старшій изъ городовыхъ говоритъ:

— Вотъ, Сережа, страшное зло у насъ: почти всѣ городовые пьютъ водку, прямо не знаю, что дѣлать.

— Одно, что вы можете дѣлать, — это не участвовать съ ними, не пить самому и всячески разъяснять имъ объ ужасномъ вредѣ водки. Вѣдь все это является вслѣдствіе душевнаго безпорядка. Привести въ порядокъ свою душу, жить по-Божьи и тогда не понадобится ни служить городовымъ, ни пить водку.

Такъ изо дня въ день проходила моя жизнь. Иногда приходилъ сборщикъ податей и все обвинялъ Льва Николаевича, мнѣ же говорилъ:

— Трудно тебѣ, Сережа, будетъ жить такъ, какъ ты хочешь, ничего у тебя изъ этого не выйдетъ, да и радости никакой... Зачѣмъ ты изнуряешь себя? Мяса не ѣшь. Зачѣмъ ты тоже идешь противъ воли Божіей? Разъ ты созданъ тѣлесно, то не надо и изнурять себя.

— Голубчикъ, не заботься о моемъ тѣлѣ, я нисколько не изнуряю его. Я только не хочу быть рабомъ своихъ потребностей, хочу освободиться отъ лишнихъ желаній. *Ничего не желать—это счастье* [1]), и потому приближаться къ этому есть большая радость.

---

[1]) Курсивъ нашъ. *А. П.*

— Брось всю эту дурь, — говоритъ приставъ,—живи, какъ всѣ живутъ, и ты будешь хорошимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, я хочу итти за Христомъ,— говорилъ я.

Какъ-то незадолго до освобожденія приставъ сказалъ мнѣ:

— Сережа, полиціймейстеръ сказалъ, что на-дняхъ выпуститъ тебя.

Въ участкѣ былъ еще очень хорошій молодой человѣкъ, готовящійся въ околоточные. Онъ мнѣ все говорилъ:

— Поѣзжай, Сережа, къ мамѣ. Зачѣмъ доставляешь ей столько страданій?

Наканунѣ освобожденія пришелъ Скороходовъ и принесъ мнѣ письмо отъ мамаши. Онъ сказалъ, что отъ прокурора есть предписаніе выпустить меня, но что многіе недовольны, что я надѣлалъ очень много хлопотъ.

Утромъ, въ день освобожденія, зовутъ меня къ приставу и спрашиваютъ:

— Ну, скажите, какой вы губерніи, гдѣ ваша мамаша, чей вы сынъ, кто былъ вашъ отецъ?

— Зачѣмъ все это? — говорю я. — Это миражъ, самообманъ. Истина говоритъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти Божіи.

— Какъ же такъ, — говорятъ околоточный и приставъ, —нужно же намъ написать, полиціймейстеръ требуетъ. Иначе могутъ думать,

что ты скрывающійся преступникъ и могутъ сослать куда-нибудь.

— То, что мое, того никто не можетъ взять отъ меня и никто не имѣетъ власти надо мной... Для христіанина нѣтъ ни правительствъ, ни судовъ, ни полиціи, ни границъ, ни паспортовъ. Христіанство и государство съ его механизмомъ не совмѣстимы.

— Ты говоришь, не надо судовъ, полиціи,— говоритъ приставъ, — но кто же будетъ наказывать преступниковъ?

— Голубчики, наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество. Что такое преступникъ? Что онъ преступилъ? Еще большій преступникъ тотъ, кто нарушитъ законъ любви, прощенія, кто наказываетъ своего брата. Вѣдь по закону Христа надо не наказывать, а прощать. *Противиться злу надо не закономъ, а добромъ, прощеніемъ.* Закономъ нельзя пресѣчь зла. Все порождаетъ себѣ подобное. Зло порождаетъ зло. Только добро можетъ уничтожить зло. Напримѣръ, людей, развращенныхъ праздностью и дурнымъ сообществомъ, сажаютъ въ самую полную праздность и въ самое дурное сообщество, въ тюрьму. Развѣ это исправляетъ?

— Да это такъ, — говоритъ приставъ, — но представьте себѣ, васъ человѣкъ начинаетъ бить. Ну, что же, ему прощать?

— Конечно, *весь законъ Христа въ этомъ.* Ударившему тебя по одной щекѣ, подставь

другую. Если кто васъ ударитъ, то вы простите ему. Можетъ-быть, онъ и еще разъ ударитъ, но вы все-таки простите. Только такимъ образомъ и можно уничтожить зло. Иначе, что же выйдетъ? Если онъ васъ хватитъ по уху, сдѣлаетъ зло, вы ему отвѣтите тѣмъ же, зло возгорится, какъ отъ искры пожаръ, дѣло дойдетъ до убійства и погубитъ васъ обоихъ.

— Не знаю, зачѣмъ его держать? — говорятъ они.

— Голубчикъ, кто же держитъ, вѣдь вы же держите, вы да городовые.

— Это дѣло не наше, полиціимейстеръ приказалъ намъ держать.

— Голубчики, вѣдь у полиціимейстера только двѣ руки, два глаза, онъ самъ по себѣ. Какъ же онъ можетъ держать меня? Нѣтъ, вы держите. Откуда у полиціимейстера столько рукъ, глазъ; все это ваши глаза, ваши руки. А главное, если вы своей совѣстью сознаете, что не за что меня держать, то зачѣмъ же вы дѣлаете противное своей совѣсти, зачѣмъ вы отдаете настоящую свою собственность, свой разумъ, совѣсть? Вѣдь это Божье, этого нельзя отдавать.

Всѣ они очень взволнованы. Приставъ вздыхаетъ и говоритъ: „Ну, иди, ходи по двору“.

Въ это время мнѣ приноситъ милый старичокъ Степанъ Степановичъ обѣдать. Я обѣдаю.

Только что кончилъ обѣдать, зовутъ опять къ приставу. Вхожу, вижу приставъ стоитъ у

телефона и разговариваетъ съ полиціймейстеромъ.

Приставъ мнѣ говоритъ: „Вотъ тебя рѣшаютъ выслать въ Иркутскую губернію“.

— Ну, что же, — говорю я, — вездѣ люди братья, весь міръ домъ Божій.

Приставъ говоритъ по телефону: „онъ говоритъ, что ему все равно, вездѣ люди братья“. Нѣкоторое время молчаніе. Потомъ полиціймейстеръ говоритъ что-то приставу, а онъ говоритъ мнѣ: „Куда ты хочешь, чтобы тебя отправили?“

— Мнѣ все равно,—говорю я.

— Къ мамашѣ хочешь?

— Хорошо,—говорю я.

Приставъ говоритъ полиціймейстеру: „Онъ соглашается“. Опять молчаніе. Потомъ полиціймейстеръ что-то говоритъ приставу, а онъ мнѣ говоритъ: „Если ты выйдешь изъ Майкопа, то полиціймейстеръ выпуститъ тебя“.

— Хорошо, я пойду въ станицу, — говорю я.

Приставъ полиціймейстеру: „Онъ соглашается“.

Полиціймейстеръ что-то отвѣчаетъ, и приставъ говоритъ мнѣ: „Ну, иди, собирай вещи“.

Я иду въ камеру. Разсказываю обо всемъ, отдаю книги городовымъ и прощаюсь. Заключенные и городовые сердечно желаютъ всего хорошаго. Я иду, меня подзываетъ приставъ и говоритъ:

— Сережа, вотъ возьми на хлѣбъ,—и даетъ серебряную монету.

— Нѣтъ, спасибо,—говорю я,—меня здѣсь кормили и сейчасъ я только что пообѣдалъ; не надо. До свиданія,—и ухожу.

Въ Майкопѣ нахожу Скороходова и съ нимъ ѣду на другой день на хуторъ и здѣсь работаю. У нихъ пахота теперь, ломка кукурузы. Сегодня, 29 сентября, пришелъ въ Майкопъ и пишу вамъ письмо.

Да, голубчики, все это я предвидѣлъ еще, когда бросилъ гимназію. Зналъ, что всего надо ожидать и быть готовымъ на все и ко всему установить самыя лучшія братскія отношенія. Все это для меня наука и ростъ. Я понялъ, что никуда не надо ѣздить, отъ себя не уѣдешь, *ничего не надо искать внѣ себя.* Надо очищать самого себя и свою совѣсть и тогда, если свѣтъ будетъ во мнѣ, то онъ будетъ свѣтить. Да, только въ Богѣ надо искать всякой опоры, а онъ въ каждомъ человѣкѣ. Значитъ, жить общимъ Богомъ, любовью—это и есть совмѣстная работа. Ищите прежде всего царствія Божія и правды его, говорилъ Христосъ. Царствіе Божіе внутри васъ есть. Будемъ же жить правдой Божіей, чтобы не только Богъ былъ въ насъ, но и мы пребывали бы въ Богѣ. Желаю всего лучшаго, что въ васъ самихъ".

Сергій Поповъ.

ЗА ТОЛСТОГО.

Если человѣкъ, положимъ, укралъ 20 руб., то его, конечно, будутъ судить за эту кражу, но само собой разумѣется, что будутъ судить сразу за кражу всей суммы, т.-е. 20 руб. Никому, понятно, не придетъ въ голову судить вора 20 разъ, отдѣльно за каждый украденный имъ рубль. Кажется, это ясно.

Но вотъ позвольте указать вамъ другой случай криминальнаго характера. Издатель выпускаетъ одновременно подъ одной фирмой 20 брошюръ Л. Н. Толстого. Противъ него возбуждается обвиненіе, но при этомъ его судятъ не сразу за всѣ 20 брошюръ, а за каждую брошюру отдѣльно.

Благодаря этому остроумному пріему, получается такое положеніе дѣла:

Сначала судятъ издателя за изданіе имъ первой брошюры. „Скорый, правый и милостивый“ судъ приговариваетъ его къ заключенію въ крѣпости, положимъ, на годъ. Не успѣлъ онъ отсидѣть этотъ срокъ, какъ противъ него возбуждается новое дѣло, новое обвиненіе за изданіе другой брошюры.

Конечно, судъ не всегда же выноситъ въ подобныхъ случаяхъ обвинительные приговоры;

очень возможно, что на этотъ разъ, въ силу разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, судъ оправдаетъ издателя. Не успѣетъ послѣдній, какъ говорится, вернуться къ своимъ обязанностямъ, какъ противъ него начинается уже новое дѣло, по обвиненію въ изданіи третьей брошюры. На этотъ разъ судъ относится къ нему, какъ къ явному рецидивисту, уже болѣе сурово и присуждаетъ его къ заключенію въ тюрьму на полтора года.

И вотъ издатель снова ввергается въ тюрьму, при чемъ впереди, по окончаніи срока его заключенія, передъ нимъ вырисовывается печальная перспектива новаго дѣла, новаго обвиненія за слѣдующую брошюру изъ числа 20, изданныхъ имъ, и т. д. Словомъ, получается такое положеніе, которое въ конечномъ результатѣ угрожаетъ несчастному издателю чуть не пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ и вѣчнымъ состояніемъ подъ слѣдствіемъ или судомъ.

Не думайте, что я фантазирую и строю разныя неправдоподобныя предположенія изъ желанія набросить тѣнь на дѣятельность нашего суда въ переживаемую нами тяжелую годину „успокоенія“. Ничуть не бывало. Въ доказательство позвольте, напримѣръ, разсказать слѣдующую поучительную исторію, безъ сомнѣнія, имѣющую общественный интересъ и значеніе.

Въ Петербургѣ живетъ молодой человѣкъ, „сынъ купца“, Н. Е. Фельтенъ, горячій поклонникъ Л. Н. Толстого, котораго онъ знаетъ

лично и отъ котораго у него имѣется нѣсколько писемъ. Въ теченіе ряда лѣтъ Фельтенъ усердно собиралъ все то, что выходило изъ-подъ пера Толстого, а также все то, что появлялось въ русской печати о великомъ писателѣ,—собиралъ его портреты, фотографическіе снимки, рукописи и т. д.

Все это онъ берегъ и хранилъ какъ зѣницу ока. Вдругъ—обыскъ. Въ мартѣ 1904 года,—слѣдовательно, еще до конституціи,—къ нему неожиданно нагрянула полиція и по обыкновенію перевернула вверхъ дномъ всю квартиру. Вся обстановка квартиры громко говорила за то, что владѣлецъ ея — страстный почитатель Л. Н. Толстого; за это говорили стѣны, увѣшанныя портретами знаменитаго писателя, объ этомъ говорила библіотека, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ произведеній Толстого и изъ литературы о Толстомъ, объ этомъ же свидѣтельствовали, наконецъ, многочисленныя реликвіи, имѣвшія отношенія къ великому писателю.

Полицейскіе чины, производившіе обыскъ, рѣшили было, что имѣютъ дѣло съ „толстовцемъ“, какъ вдругъ совершенно неожиданно находятъ довольно большой пакетъ, въ которомъ оказываются нелегальныя изданія различныхъ политическихъ партій. Настроеніе полиціи сразу мѣняется. Фельтенъ объясняетъ, что этотъ пакетъ данъ ему на храненіе однимъ его добрымъ знакомымъ, назвать котораго онъ, конечно, не считаетъ возможнымъ.

Разумѣется, ему не вѣрятъ, арестуютъ и запираютъ въ домъ предварительнаго заключенія. Мало этого,— арестуютъ его брата, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ спалъ въ одной комнатѣ съ молодымъ Фельтеномъ, навлекшимъ на себя подозрѣніе полиціи. Все это настолько потрясло мать Фельтена, давно страдавшую нервами, что она заболѣла душевнымъ разстройствомъ въ очень острой формѣ, вслѣдствіе чего родственники ея принуждены были помѣстить ее въ домъ для умалишенныхъ.

Фельтена продержали въ заключеніи три мѣсяца. За это время жандармское управленіе имѣло полную возможность убѣдиться, что Николай Фельтенъ ни малѣйшаго отношенія къ нелегальнымъ партіямъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ и что вся его вина состоитъ лишь въ томъ, что онъ дѣйствительно является страстнымъ поклонникомъ нашего великаго художника-моралиста.

Тогда Фельтена освобождаютъ, затѣмъ возвращаютъ ему все то, что было у него отобрано при обыскѣ и что принадлежало лично ему: книги, бумаги и т. п. Въ числѣ возвращенныхъ ему книгъ были многія сочиненія Л. Н. Толстого, изданныя за границей, какъ, напримѣръ, „Не убій“, „Офицерская и солдатская памятки“, „Письмо къ фельдфебелю“, „Неужели это такъ надо?“, „Гдѣ выходъ“, „Въ чемъ моя вѣра“, „Исповѣдь“, „Мысли о Богѣ“, „Цер-

ковь и государство“ и многія другія. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ изданій были въ нѣсколькихъ экземплярахъ, тѣмъ не менѣе, полиція не придала этому обстоятельству никакого значенія.

Все это произошло въ первыхъ числахъ января 1905 года, слѣдовательно, еще при старомъ режимѣ, когда о необходимости конституціи нельзя было и заикаться. Фельтенъ, разумѣется, былъ несказанно радъ возвращенію книгъ, брошюръ и дорогихъ для него коллекцій и рѣшилъ, что строгій запретъ, который тяготѣлъ до тѣхъ поръ надъ сочиненіями обожаемаго имъ „великаго писателя земли русской“, наконецъ, снятъ.

Вскорѣ за тѣмъ подошло 17 октября, настали „дни свободъ“, явилась, „слава Богу“, конституція. Въ началѣ 1906 года въ Петербургъ пріѣзжаетъ пріятель Фельтена, провинціалъ, задумавшій воспользоваться только что дарованной „свободой печати“, чтобы заняться изданіемъ сочиненій Л. Н. Толстого подъ фирмой „Обновленіе“. Не имѣя въ Петербургѣ постояннаго адреса, онъ обратился къ Фельтену съ просьбой позволить ему поставить его адресъ на изданіяхъ сочиненій Льва Николаевича, чтобы такимъ образомъ получать корреспонденцію.

Фельтенъ не имѣлъ никакихъ основаній отказать въ подобной просьбѣ. И вотъ, на обложкахъ изданій „Обновленія“ появилось объявленіе, что письма для книгоиздательства слѣдуетъ направлять по адресу Н. Е. Фельтена, для пе-

редачи. Мысль о томъ, что за это ему придется, быть-можетъ, очень жестоко поплатиться, не приходитъ ему и въ голову.

Въ самомъ дѣлѣ,— думалъ Фельтенъ,— разъ теперь въ Россіи провозглашена „свобода печати“, то кто же больше всего имѣетъ правъ воспользоваться этой свободой, какъ не величайшій изъ русскихъ писателей, геній котораго не подлежитъ сомнѣнію и къ словамъ котораго прислушивается весь цивилизованный міръ? Это—разъ.

А съ другой стороны, Фельтенъ еще такъ недавно имѣлъ случай убѣдиться на собственномъ опытѣ, что полиція даже при старомъ режимѣ въ самые послѣдніе годы его существованія не находила уже нужнымъ преслѣдовать брошюры Толстого, очевидно, считая ихъ вполнѣ допустимыми.

Въ началѣ 1908 года Фельтенъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ до начала лѣта. Вернувшись оттуда, онъ узналъ, что за время его отсутствія издательство „Обновленіе“ вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ условій прекратило свою дѣятельность и что его другъ уѣхалъ изъ Петербурга. Проходитъ нѣкоторое время. Какъ вдругъ 1 іюля Фельтенъ получаетъ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя 19 участка г. Петербурга, который вызываетъ его въ качествѣ обвиняемаго въ изданіи и распространеніи извѣстной брошюры Л. Н. Толстого: „Не убій“. Полагая, что это—недоразумѣніе, Фель-

тенъ является къ слѣдователю и объясняетъ ему, какъ было дѣло и какова была его роль въ издательствѣ „Обновленіе“. И хотя объясненія Фельтена не оставляли никакого сомнѣнія, что онъ былъ лишь послѣдней спицей въ этомъ издательствѣ, тѣмъ не менѣе, слѣдователь не придалъ этимъ объясненіямъ никакого значенія и, недолго думая, арестовалъ его и отправилъ въ домъ предварительнаго заключенія.

Затѣмъ по истеченіи извѣстнаго времени Фельтенъ преданъ былъ суду петербургской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей за храненіе съ цѣлью распространенія брошюръ Толстого: „Не убій“, „Письмо къ либераламъ“ и „Христіанство и патріотизмъ“. Судебная палата, разсмотрѣвъ это дѣло, признала Фельтена виновнымъ и приговорила его къ заключенію въ крѣпости на 6 мѣсяцевъ.

Но не успѣли еще этого приговора привести въ исполненіе, какъ возникаетъ новое дѣло противъ Фельтена. Петербургскій комитетъ печати, разсмотрѣвъ брошюру графа Толстого подъ заглавіемъ „Гдѣ выходъ“, изданную въ 1906 году тѣмъ же книгоиздательствомъ „Обновленіе“, просилъ прокурора судебной палаты возбудить уголовное преслѣдованіе противъ представителя этого книгоиздательства, сына купца Н. Е. Фельтена.

И вотъ снова начинается обычная подслѣдственная канитель: повѣстки, вызовы къ слѣ-

дователю, допросы и т. д. Опять обязываютъ подпиской о не выѣздѣ, опять является зависимость отъ суда и полиціи. 1 февраля происходитъ судъ. На этотъ разъ Фельтенъ былъ оправданъ. Но это оправданіе очень мало радуетъ его, такъ какъ комитетъ по дѣламъ печати уже готовитъ новое дѣло по обвиненію Фельтена въ изданіи еще одной изъ тѣхъ двадцати брошюръ Толстого, которыя были выпущены „Обновленіемъ“ въ 1906 году.

Какъ величайшей милости Фельтенъ проситъ только объ одномъ, а именно, чтобы его судили сразу за всѣ эти двадцать брошюръ Толстого, выпущенныя въ 1906 году въ Петербургѣ книгоиздательствомъ „Обновленіе“ и появленіе которыхъ вмѣняется ему въ вину. Однако въ этой просьбѣ ему категорически отказываютъ.

— Нѣтъ, мы этого не можемъ,— говорятъ ему слѣдователи и прокуроры.— Мы приступаемъ къ подобнаго рода дѣламъ не иначе, какъ по предложеніямъ управленія по дѣламъ печати, а если оно со своей стороны не считаетъ нужнымъ возбуждать противъ васъ преслѣдованіе за изданіе остальныхъ восемнадцати брошюръ, то это уже его дѣло...

Необходимо сказать, что Левъ Николаевичъ всегда принималъ самое близкое, самое горячее участіе въ судьбѣ Фельтена и съ своей стороны все дѣлалъ для того, чтобы избавить его отъ преслѣдованія и облегчить ему его тяжелое положеніе. Между прочимъ, онъ обратился къ

судебному слѣдователю, который велъ дѣло Фельтена, съ офиціальнымъ заявленіемъ о томъ, что власти, преслѣдуя идеи, развиваемыя имъ, Толстымъ, его книги и брошюры, должны прежде всего привлечь къ отвѣтственности за это его самого, какъ автора и распространителя этихъ идей и сочиненій, а никакъ не третьихъ лицъ. Поэтому онъ ходатайствовалъ объ освобожденіи Фельтена отъ всякой отвѣтственности и о возбужденіи судебнаго преслѣдованія противъ него, Толстого.

Съ подобными же заявленіями и ходатайствами Толстой обращался ко многимъ вліятельнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ, но всѣ его призывы и обращенія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Не слѣдуетъ думать, что дѣло Фельтена является въ своемъ родѣ единственнымъ и исключительнымъ. Совсѣмъ нѣтъ. Почти въ такомъ же положеніи очутился и другой издатель произведеній Л. Н. Толстого, г. Герцикъ, выпустившій въ „дни свободы“ нѣсколько книгъ и брошюръ знаменитаго писателя.

За изданіе книги Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ г. Герцикъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ крѣпости на годъ. Затѣмъ недавно онъ снова судился за изданіе брошюры „Церковь и государство“, при чемъ былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости уже на полтора года.

А. М. Бодянскій, въ Харьковѣ, за распространеніе брошюръ Толстого противъ милитаризма уже высидѣлъ въ тюрьмѣ по рѣшенію суда цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Мѣщанинъ Молочниковъ въ Новгородѣ за храненіе съ цѣлью распространенія брошюръ Толстого „Какъ освободиться рабочему народу“ и „Солдатская памятка“ высидѣлъ въ тюрьмѣ, по суду, цѣлый годъ. Крестьянинъ Яковъ Григорьевъ, по приговору казанской судебной палаты, за распространеніе брошюръ Толстого „Не убій“ и „Офицерская памятка“ высидѣлъ въ крѣпости восемь мѣсяцевъ, и т. д.

Слѣдуетъ сказать, что въ самомъ скоромъ времени предстоитъ еще цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ по обвиненію разныхъ лицъ въ изданіи или распространеніи тѣхъ или иныхъ сочиненій Л. Н. Толстого. Назову хотя нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ.

Такъ, напримѣръ, П. И. Бирюковъ обвиняется въ храненіи съ цѣлью распространенія сочиненій Толстого. Сынъ Льва Николаевича, Левъ Львовичъ Толстой, привлекается къ суду за изданіе брошюры своего отца „Возстановленіе ада“ [1]). И. И. Горбуновъ-Посадовъ, который и ранѣе привлекался уже къ суду за изданіе произведеній Толстого, теперь снова обвиняется въ изданіи книгъ Льва Николаевича „Соедине-

---

[1]) Кромѣ того, онъ недавно судился за изданіе брошюры Л. Николаевича «Гдѣ выходъ», но былъ оправданъ.

ніе четырехъ евангелій“ и „О значеніи русской революціи“.

Рядомъ съ цензурными преслѣдованіями противъ „толстовцевъ“ въ послѣднее время все болѣе и болѣе усиливаются репрессіи полицейско-административнаго характера. Вообще есть полное основаніе утверждать, что полиція и администрація, расправившись съ революціонерами, либералами и кадетами, теперь вплотную принялись за „толстовцевъ“.

И вотъ людей, которые принципіально отрицаютъ всякое насиліе, которые отрицаютъ всякую политику и главнымъ, основнымъ догматомъ которыхъ является убѣжденіе, что „царство Божіе внутри насъ“,— этихъ людей русская „обновленная“ администрація начинаетъ подвергать систематическимъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ.

Первый судебный процессъ толстовцевъ.

I.

Обвинительный актъ.

Объ отставномъ подпоручикѣ Николаѣ Дмитріевичѣ Ростовцевѣ, мѣщанинѣ Николаѣ Никитинѣ Ивановѣ, женѣ личнаго почетнаго гражданина Александрѣ Прохоровой Щепаковой и мѣщанинѣ Алексѣѣ Алексѣевѣ Лопуховѣ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи (I ч., 129 ст. Угол. Улож.).

Въ ночь на 15 марта 1903 года, по распоряженію начальника Воронежскаго губернскаго жандармскаго управленія, былъ произведенъ, въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ, обыскъ въ квартирѣ мѣщанина Николая Никитина Иванова, проживающаго въ г. Воронежѣ, при чемъ у него были найдены въ письменномъ столѣ и особомъ ящикѣ: 1) значительное количество печатныхъ и рукописныхъ экземпляровъ не дозволенныхъ къ обращенію въ Россіи сочиненій графа Л. Н. Толстого, издаваемыхъ при содѣйствіи эмигранта Черткова заграничною редакціей „Свободнаго Слова“ въ формѣ повременныхъ брошюръ, именуемыхъ

„Листки Свободнаго Слова“, изъ каковыхъ брошюръ обнаружены: „Что такое религія?“, „Такъ что же намъ дѣлать?“, „Къ рабочему народу“, „Царство Божіе внутри васъ“; 2) обширная переписка Николая Иванова съ эмигрантомъ Чертковымъ и его женою, состоящая частью изъ писемъ Черткова къ Иванову, частью изъ копій писемъ послѣдняго къ названному эмигранту за время съ 1897 по 1900 годъ, а также нѣсколько писемъ его, Иванова; памятныя замѣтки, изъ каковыхъ однѣ содержатъ въ себѣ названіе и время полученія отъ Черткова брошюръ „Свободнаго Слова“, другія—списокъ лицъ, которымъ онъ, Ивановъ, давалъ для чтенія эти изданія, третьи—перечень изданій соціалистовъ-революціонеровъ.

Осмотромъ всего отобраннаго при обыскѣ установлено слѣдующее: въ печатныхъ брошюрахъ, издаваемыхъ за границей редакціей „Свободнаго Слова“, излагаются по преимуществу запрещенныя къ обращенію въ Россіи сочиненія Л. Н. Толстого религіозно-нравственнаго содержанія и частью соціальнаго характера, какъ-то: „Царство Божіе внутри васъ“, „Къ рабочему народу“, „Письмо Толстого въ шведскія газеты“ и т. п. По обозрѣніи же упомянутой переписки Иванова съ эмигрантомъ Чертковымъ и его женой обнаружилось, что Ивановъ не только получалъ для себя нелегальныя изданія Черткова, но и раздавалъ ихъ

для чтенія многимъ постороннимъ лицамъ. Такъ, въ письмѣ Черткову отъ 27 декабря 1899 г. Ивановъ сообщаетъ, что полученныя письма (отъ него, Черткова) и два послѣдующіе пакета „онъ прочиталъ“, нашелъ прочитанное интереснымъ и „даетъ читать желающимъ“, а затѣмъ проситъ о присылкѣ №№ 24 и 6 „Листковъ Свободнаго Слова“. Въ письмѣ съ датою 16/IV 1900 г. Ивановъ, сообщая о полученіи № 13 „Листковъ Свободнаго Слова“, вновь замѣчаетъ, что и самъ читаетъ ихъ и „даетъ читать кое-кому изъ интересующихся“, и, наконецъ, въ письмѣ къ Аннѣ Константиновнѣ Чертковой отъ 29/XII 1901 г. Ивановъ сообщаетъ о полученіи имъ №№ 1, 2, 4, 6, 8 и 9 „Народныхъ Листковъ“ (изданіе „Свободнаго Слова“) отъ издателя ихъ Ляховскаго и затѣмъ, между прочимъ, говоритъ, что самъ онъ, Ивановъ, „не влечется къ литературѣ соціаль-демократической, но что теперь его „влекутъ студенты“. Въ концѣ письма имѣется, повидимому, приписка: 1) М. Горькій „О писателѣ, который зазнался“, петербургская типографія „Рабочаго Союза“, 1901 г.; 2) „Рабочее дѣло въ Россіи“, изданіе Союза русскихъ соціаль-демократовъ, Женева, типографія Союза, 1899 г. По обозрѣніи имѣющихся при Воронежскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи брошюръ подъ заглавіемъ „Народные Листки“ за №№ 6, 8 и 13, оказалось, что по содержанію своему всѣ они заключаютъ въ себѣ преступныя су-

жденія по отношенію къ самодержавной верховной власти въ Россіи, склоняющія рабочихъ и крестьянъ къ демонстраціямъ, неповиновенію правительственнымъ властямъ и соединенію въ общества и скопы (№ 6, 1902 г., „Царское поученіе“, стр. 15—21, № 13, 1902 г., „О власти, властяхъ и начальствѣ“, стр. 9—10, 15—16, 17, 20), или же указываютъ преступные способы будущей революціонной борьбы народа съ властями и войскомъ (№ 8, 1901 г. „Объ уличныхъ безпорядкахъ“).

При разслѣдованіи о лицахъ, названныхъ въ памяткахъ Николая Иванова читателями нелегальныхъ изданій „Свободнаго „Слова“, дознаніемъ было установлено, что одинъ изъ нихъ, читающій полученный отъ Иванова нелегальный журналъ „Свободная Мысль“ (за іюль 1901 г.), есть проживающій въ с. Сагунахъ, Острогожскаго уѣзда, завѣдующій метеореологической станціей, почетный гражданинъ Георгій Андреевичъ Яковлевъ. Въ виду этого 22 апрѣля 1903 года въ домѣ названнаго Яковлева произведенъ обыскъ, при чемъ въ спальной его комнатѣ, кухнѣ и на чердакѣ сарая было обнаружено свыше 15 экземпляровъ печатныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ революціонныхъ изданій, какъ-то: „Воззваніе Бердичевскаго соціаль-демократическаго комитета Бунда“, брошюра „Народные Листки“, № 9, 1902 г., воззваніе „Сѣвернаго рабочаго союза“, „Бюллетень № 5, Ярослав-

скаго студенческаго комитета“, нѣсколько печатныхъ брошюръ, заключающихъ запрещенныя сочиненія Л. Н. Толстого („Жизнь Іисуса“, „Рабство нашего времени“ и др.), и между ними монографія его „Не убій“ (въ 2-хъ экз.), журналъ „Свободная Мысль“, № 15, 1901 г., рукописное воззваніе „Къ гражданамъ всей Россіи“, 1903 г. и т. п., при чемъ это послѣднее найдено вложеннымъ въ конвертъ съ адресомъ на имя Николая Никитича Иванова (158—159). При осмотрѣ названныхъ изданій обнаружено, что многія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, журналъ „Самоуправленіе“, воззванія Бердичевскаго Бунда „Къ обществу“, „Къ гражданамъ всей Россіи“, по содержанію своему и по способу изложенія крайне революціоннаго характера, возбуждающія къ неповиновенію властямъ, къ открытому бунту противъ верховной власти, къ соединенію въ тайныя сообщества и т. п.

Обнаруженное при дознаніи сходство почерка, писавшаго отобранную у Яковлева копію упомянутаго революціоннаго воззванія „Къ гражданамъ всей Россіи“, съ подлиннымъ почеркомъ Николая Иванова дало основаніе признать, что Яковлевъ, кромѣ изданія „Свободнаго Слова“, получилъ отъ Иванова и это возмутительное воззваніе, что и было впослѣдствіи установлено показаніемъ самого Николая Иванова.

Далѣе, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ эмигранту Черткову (отъ 16 октября 1899 г.), какъ оказалось при осмотрѣ, Ивановъ, между прочимъ, сообщаетъ ему, что „кое-что изъ его, Черткова, изданій онъ видѣлъ у Н. Д. Р-ва“. Дознаніемъ было установлено, что означенными инніціалами Ивановъ назвалъ своего знакомаго землевладѣльца Николая Дмитріевича Ростовцева, проживающаго въ имѣніи своемъ на х. Криничномъ, Острогожскаго уѣзда, при чемъ въ одномъ изъ показаній своихъ на дознаніи Ивановъ пояснилъ, что видѣлъ у Ростовцева первые №№ „Листковъ Свободнаго Слова“.

Въ виду павшаго по такимъ указаніямъ подозрѣнія на Ростовцева въ храненіи и распространеніи нелегальныхъ изданій Черткова, у него 10 ноября 1903 года былъ произведенъ чинами отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ обыскъ, и въ его кабинетѣ, въ жестяномъ ящикѣ подъ кроватью и въ сараѣ, во дворѣ при домѣ, было обнаружено свыше 50 экземпляровъ печатныхъ, гектографированныхъ и рукописныхъ нелегальныхъ брошюръ, прокламацій и объявленій, содержащихъ въ себѣ въ огромномъ большинствѣ запрещенныя сочиненія Л. Н. Толстого, а также и изданія Черткова, журналы и „Листки Свободнаго Слова“, и монографіи неизвѣстныхъ авторовъ противоправительственнаго содержанія.

Изъ числа найденныхъ изданій Черткова обращаютъ на себя вниманіе, какъ явно пре-

ступныя, между прочимъ, журналъ „Свободное Слово“, №№ 2 и 3 за 1902 годъ, въ статьяхъ котораго, съ одной стороны, въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицается установленный въ Россіи правительственный строй и рекомендуется обществу распространять свѣдѣнія „о злодѣяніяхъ правительства и давать деньги на борьбу съ нимъ“, съ другой — излагаются унизительныя сужденія о государѣ-самодержцѣ [1]), . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(статьи „По поводу волненій въ Россіи“, „Побѣдоносцевъ, какъ отрицатель самодержавія“). Таковы же унизительныя сужденія о русскомъ правительствѣ и верховной власти содержитъ въ себѣ брошюра Архангельскаго „Кому служить“, монографіи Л. Н. Толстого „Не убій“, „О положеніи рабочаго народа“ и прокламація группы студентовъ „Къ разъясненію правительственнаго сообщенія отъ 15 февраля 1903 г.“, требующая замѣны существующаго правительственнаго строя народнымъ правительствомъ.

Изъ объясненія присутствовавшаго при обыскѣ Ростовцева, а такъ же изъ отобранной у него переписки выяснилось, что большинство обнаруженныхъ у него и хранившихся въ особомъ жестяномъ ящикѣ, въ 4 свертках

---

[1]) Выпускаемъ нѣсколько строчекъ по цензурнымъ соображеніямъ. *А. П.*

запрещенныхъ изданій Л. Н. Толстого и преступныхъ воззваній и брошюръ присланы ему на храненіе проживавшею въ хуторѣ Кринично-мъ 2-мъ землевладѣлицею Александрой Прохоровой Щепаковой, что и подтвердилось однимъ изъ отобранныхъ отъ Ростовцева писемъ къ нему названной Щепаковой (отъ 18 сентября 1903 года), въ которомъ она пишетъ, что у нея „накопилось порядочно вещей заграничных Л. Н. (Толстого)“, и проситъ у Ростовцева разрѣшенія „оставить у него эту литературу на нѣкоторое время“. Въ томъ же письмѣ Щепакова сообщаетъ, что въ Москвѣ она „познакомилась съ однимъ человѣкомъ, который страшно дорожитъ каждой строчкой ихъ (изданій) и употребляетъ ихъ съ очень большой пользой. Вѣроятно, я ему ихъ всѣ отдамъ. Я уже дала ему много“. Затѣмъ въ другомъ своемъ письмѣ отъ 1 октября Щепакова сообщаетъ Ростовцеву, что знакомый въ Москвѣ, о которомъ она раньше писала, есть Николаевъ, Сергѣй Дмитріевичъ, живущій по Садовой улицѣ, у церкви Ермолая, въ домѣ своей матери. На этомъ основаніи въ домѣ Щепаковой и Николаева были произведены обыски, при чемъ у Щепаковой никакихъ нелегальныхъ изданій обнаружено не было, а у Николаева обнаружены: 1) журналъ „Свободная Мысль“, № 12, за 1900 годъ, изданіе Швейцарскаго Отдѣла Свободнаго Слова, 2) печатная брошюра „Листки для народа“, № 5, 1903 г., изданіе редак-

ціи „Свободнаго Слова“ и 3) воспроизведенная на пишущей машинѣ статья Л. Н. Толстого „Къ рабочему народу“.

При обозрѣніи отобраннаго у Николаева нелегальнаго журнала „Свободное Слово“ оказалось, что въ немъ имѣются статьи, съ одной стороны, порицающія русское правительство и права верховной власти за „экономическое рабство крестьянъ“ и „порабощеніе народа“ и призывающія къ уклоненію отъ воинской повинности (ст. Л. Н. Толстого: „Гдѣ выходъ?“) и съ другой—рѣзко осуждающія „русскій императорскій деспотизмъ“, развившійся въ XIX столѣтіи до крайнихъ предѣловъ, и призывающія общество къ противодѣйствію царскому правительству, [1]) . . . . . .

. . . . . .

Далѣе, при производствѣ въ г. Воронежѣ въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ обысковъ, произведенныхъ въ ту же ночь на 15 марта 1903 года, между прочимъ, у ученика фельдшерской школы Николая Городничева, кромѣ преступныхъ изданій, были обнаружены три письма къ нему бывшаго товарища его по школѣ фельдшера при Задонской земской больницѣ, крестьянина Алексѣя Алексѣева Лопухова. Въ одномъ изъ этихъ писемъ (отъ 11 декабря 1902 года) Лопуховъ сообщаетъ, что онъ недавно получилъ изъ Воронежа отъ

---

[1]) Выпускаемъ двѣ строчки по цензурнымъ соображеніямъ. *А. П.*

неизвѣстнаго лица „брошюрку“, которую читаетъ съ наслажденіемъ, да и другимъ кое-кому давалъ. Приглашая затѣмъ Городничева пріѣхать къ нему въ Задонскъ, Лопуховъ прибавляетъ въ концѣ письма: „да захватывай запрещеннаго плода побольше“. Хотя по обыску въ домѣ Лопухова, предпринятому по поводу содержанія означеннаго письма его къ Городничеву, у него никакихъ преступныхъ сочиненій обнаружено не было, но въ объясненіи своемъ, данномъ тотчасъ послѣ обыска, Лопуховъ призналъ, что печатное воззваніе, которое онъ въ письмѣ своемъ къ Городничеву называетъ брошюркой, онъ дѣйствительно получилъ въ концѣ 1902 г. неизвѣстно отъ кого изъ Воронежа; что говорилось въ немъ объ арестѣ въ Воронежѣ гласныхъ губернскаго земства Мартынова и Бунакова и что это воззваніе онъ, Лопуховъ, и самъ читалъ и давалъ читать другимъ лицамъ, фамиліи которыхъ назвать не желаетъ, а затѣмъ сжегъ это сочиненіе. Къ этому Лопуховъ пояснилъ, что подъ именемъ „запрещеннаго плода“, о которомъ проситъ Городничевъ въ своемъ письмѣ, онъ разумѣлъ не какія-либо революціонныя изданія, а такія произведенія, которыя изъяты изъ публичныхъ и ученическихъ библіотекъ, какъ, напримѣръ, сочиненія Писарева и др.

Осмотромъ имѣющихся при дѣлѣ и отобранныхъ также при обыскѣ въ г. Воронежѣ въ ночь на 15 марта у другихъ лицъ преступныхъ

воззваній установлено, что по поводу ареста Бунакова и Мартынова были изданы и распространялись въ Воронежѣ два революціонныхъ воззванія: „Ко всѣмъ рабочимъ воронежскимъ“ (изд. Росс. соц.-дем. раб. партіи) и „Ко всѣмъ честнымъ людямъ“ (изд. соц.-рев.), и что объ эти прокламаціи выражаютъ прямой призывъ къ ожесточенной борьбѣ съ русскимъ самодержавіемъ для окончательнаго его сверженія и для передачи государственной власти Земскому Собору, состоящему изъ представителей народа.

Впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ объясненій Лопуховъ, по предъявленіи ему перваго изъ описанныхъ воззваній, призналъ, что содержаніе полученнаго имъ воззванія въ общемъ сходно съ предъявленнымъ, а нѣкоторыя ихъ части (начальныя и среднія) по тексту совершенно тождественны между собой.

Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ Ивановъ, Ростовцевъ и Щепакова виновными себя не признали и объяснили: Ивановъ—что сочиненія Л. Н. Толстого онъ имѣлъ и пріобрѣлъ исключительно съ цѣлью составленія критическаго разбора идей и вообще міросозерцанія Л. Н. Толстого и отнюдь не для распространенія; что нелегальныя произведенія эмигранта Черткова въ формѣ журналовъ и брошюръ „Свободнаго Слова“ онъ получилъ отъ самого Черткова и велъ съ нимъ обширную переписку единственно съ цѣлью узнать, что́ онъ предполагаетъ сдѣлать еще за грани-

цей, и съ намѣреніемъ вызвать его на откровенное объясненіе своихъ задачъ и цѣлей; что революціонныя брошюры „Народные Листки“ онъ получалъ изъ Швейцаріи безъ всякаго требованія съ его стороны, но, вѣроятно, по желанію и содѣйствію Черткова; что изданія „Свободнаго Слова“ онъ, дѣйствительно, давалъ читать многимъ, какъ-то: Метальникову, Г. К. Терникову, Г. А. Яковлеву и др., но дѣлалъ это не въ цѣляхъ распространенія, а для удовлетворенія простого и понятнаго любопытства людей, въ которыхъ былъ увѣренъ, что они распространять тѣ сочиненія не станутъ, а возвратятъ ихъ или уничтожатъ. Затѣмъ по поводу найденной у обвиняемаго Яковлева копіи преступнаго воззванія „Къ гражданамъ всей Россіи“ Ивановъ заявилъ, что копія эта снята съ печатнаго экземпляра и послана Яковлеву, дѣйствительно, имъ, Ивановымъ; что списалъ онъ эту копію для пересылки въ Швейцарію издателю „Народныхъ Листковъ“ Ляховскому съ цѣлью расположить къ себѣ этого послѣдняго и отъ него получить нужныя ему, Иванову, свѣдѣнія объ отношеніяхъ Черткова къ заграничнымъ революціоннымъ обществамъ; что намѣренія этого онъ, Ивановъ, однако, не исполнилъ, а передалъ означенную копію своему знакомому Г. А. Яковлеву, какъ человѣку, интересующемуся нелегальной литературой, и что въ передачѣ, какъ названной копіи, такъ равно и другихъ нелегальныхъ изданій, постороннимъ

лицамъ для чтенія онъ не признаетъ преступленія и не считаетъ себя виновнымъ, такъ какъ, передавая ихъ своимъ знакомымъ, онъ не имѣлъ никакого злого умысла. Наконецъ въ объясненіе выраженій своихъ въ письмѣ къ женѣ эмигранта Черткова (отъ 22 дек. 1901 г.) о томъ, что его, Иванова, „къ литературѣ соціалъ-демократической влекутъ студенты“, Ивановъ показалъ, что выраженія эти означаютъ намѣреніе его узнать, не сочувствуетъ ли революціонному движенію въ Россіи сама г-жа Черткова.

Щепакова объяснила, что найденныя у землевладѣльца Ростовцева запрещенныя правительствомъ печатныя и рукописныя брошюры она, дѣйствительно, имѣла у себя, но, предполагая продать свой хуторъ, передала ихъ на храненіе названному Ростовцеву; что имѣла она эти изданія, заключающія въ себѣ только произведенія Л. Н. Толстого, исключительно для себя и распространять ихъ не имѣла цѣли; что отъ чтенія этихъ „чудныхъ“ сочиненій она получала только одну пользу и наслажденіе и что только послѣ чтенія сочиненій этого писателя она постигла счастіе и стала понимать Евангеліе, котораго раньше понять не могла.

Ростовцевъ заявилъ, что факта храненія имъ у себя нѣкоторыхъ изданій Черткова, по преимуществу содержащихъ въ себѣ ученіе о жизни Л. Н. Толстого, онъ не отрицаетъ; читалъ онъ

ихъ самъ и давалъ иногда читать и другимъ, такъ какъ чтеніе это онъ находилъ очень полезнымъ, заставляющимъ больше обращать вниманіе на свой внутренній міръ, заниматься улучшеніемъ себя самого и не думать о насильственномъ измѣненіи порядковъ, отъ насъ не зависящихъ; что найденный у него въ кабинетѣ ящикъ съ подобными же изданіями Черткова принадлежитъ землевладѣлицѣ крестьянкѣ А. П. Щепаковой, приславшей ихъ на храненіе ему, Ростовцеву, недѣли за двѣ до обыска, по случаю переѣзда ея на жительство въ другое мѣсто; что изданія эти частью взяты имъ лично изъ имѣнія Черткова въ 1898 г., частью присланы ему Чертковымъ, съ которымъ онъ состоитъ въ перепискѣ и по настоящее время; что землевладѣльцу Льву Степанову, письмо котораго было найдено у него, Ростовцева, онъ, вѣроятно, посылалъ нѣкоторыя брошюры Черткова для чтенія, но отнюдь не революціонныя.

Лопуховъ же, признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что въ распространеніи полученнаго имъ отъ неизвѣстнаго лица изъ Воронежа преступнаго воззванія, изданнаго по поводу ареста гласныхъ Мартынова и Бунакова, онъ виновенъ; что онъ дѣйствительно давалъ читать прокламацію своимъ товарищамъ, которые также нашли ее преступной и посовѣтовали уничтожить, но назвать читавшихъ ее товарищей онъ положительно отказывается.

На основаніи вышеизложеннаго мѣщанинъ г. Дмитрова, Московской губерніи, Николаій Никитинъ Ивановъ, 38 лѣтъ, отставной подпоручикъ, потомственный дворянинъ Николай Дмитріевичъ Ростовцевъ, 58 лѣтъ, жена личнаго почетнаго гражданина Александра Прохоровна Щепакова, 39 лѣтъ, и мѣщанинъ г. Задонска Алексѣй Алексѣевъ Лопуховъ, 20 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ 1902—1903 гг. въ предѣлахъ Воронежской губерніи распространяли: первые двое — нелегальныя изданія эмигранта Черткова, а Ивановъ, кромѣ того, и воззваніе „Къ гражданамъ всей Россіи“; Щепакова — такія же изданія Черткова, и Лопуховъ — революціонныя прокламаціи „Ко всѣмъ воронежскимъ рабочимъ“, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя.

Преступленіе это предусмотрѣно I ч. 129 ст. Угол. Улож.

Вслѣдствіе чего и на основаніи 2 п. 1032 ст. Уст. Угол. Суд. (законъ 7 іюля 1904 г.) Ивановъ, Ростовцевъ, Щепакова и Лопуховъ подлежатъ суду Харьковской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Г. Харьковъ, 1 декабря 1904 г.

Товарищъ прокурора Судебной Палаты Серповскій.

II.

Приговоръ.

1905 г. 28 сентября, Харьковская Судебная Палата, по особому присутствію, въ судебномъ засѣданіи въ городѣ Воронежѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушала дѣло объ отставномъ подпоручикѣ Н. Д. Ростовцевѣ, мѣщанинѣ Н. Н. Ивановѣ, женѣ личнаго почетнаго гражданина А. П. Щепаковой и мѣщанинѣ Алексѣѣ Лопуховѣ, обвиняемыми по 129 ст. Уголовнаго Уложенія.

Всѣ названныя лица преданы суду по обвиненію: Ивановъ, Ростовцевъ, Щепакова — въ распространеніи нелегальныхъ изданій эмигранта Черткова; Ивановъ, кромѣ того, воззванія „Къ гражданамъ всей Россіи“, а Лопуховъ въ распространеніи революціонной прокламаціи „Ко всѣмъ воронежскимъ рабочимъ“, возбуждающихъ къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя. На судѣ подсудимые объяснили: Ростовцевъ—что онъ признаетъ фактъ нахожденія у него при обыскѣ всего отобраннаго и даже признаетъ, что кое-что изъ отобраннаго онъ передавалъ другимъ лицамъ для прочтенія, такъ какъ онъ не видѣлъ ничего преступнаго ни въ передаваемыхъ сочиненіяхъ ни въ фактѣ ихъ передачи для чтенія. То же самое объяснилъ подсудимый Ивановъ, поясс-

нившій, что одну прокламацію онъ переписалъ для себя и этотъ экземпляръ передалъ Яковлеву для прочтенія; бывшія у него изданія онъ давалъ читать близкимъ людямъ не ради пропаганды, а ради удовлетворенія ихъ любознательности.

Щепакова объяснила, что найденныя у Ростовцева въ жестяномъ ящикѣ изданія принадлежатъ ей, нелегальными она ихъ не считаетъ, такъ какъ это почти исключительно сочиненія Л. Н. Толстого въ изданіи Черткова; она ихъ передавала Николаеву, литератору и другу Л. Толстого.

Лопуховъ призналъ фактъ передачи имъ нѣкоторымъ лицамъ полученной имъ по почтѣ изъ Воронежа прокламаціи „Ко всѣмъ воронежскимъ рабочимъ“, но не съ цѣлью пропаганды.

Въ виду такихъ объясненій подсудимыхъ, признавшихъ всѣ фактическія данныя, имъ приписываемыя по обвинительному акту, судебнаго слѣдствія произведено не было.

Разсмотрѣвъ изложенное и принимая во вниманіе, что по обвинительному акту Ростовцеву и Щепаковой приписывается лишь распространеніе сочиненій Л. Н. Толстого (изданія Черткова), при чемъ сочиненіямъ этимъ придается значеніе одинаковое съ революціонными, возбуждающими къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, что такой взглядъ на сочиненія Л. Толстого представляется, очевидно, ошибочнымъ, ибо ни въ одномъ изъ сочиненій

Толстого нельзя найти призыва къ ниспроверженію государственнаго строя, и въ обвинительномъ актѣ не приведено указаній на такія положенія изъ сочиненій Толстого, которыя подкрѣпляли бы такой взглядъ на эти сочиненія; что Л. Н. Толстой философъ и моралистъ и никогда въ литературной своей дѣятельности революціонной дѣятельности не проповѣдывалъ, Особое Присутствіе Судебной Палаты признаетъ подсудимыхъ Ростовцева, Щепакову, Иванова, даже при признаніи факта распространенія ими сочиненій Толстого, изданія Черткова, не виновными, за отсутствіемъ въ ихъ дѣяніи признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 129 ст. Уголовнаго Уложенія. Точно такъ же не усматриваетъ Особое Присутствіе признаковъ этого же преступленія и въ томъ дѣяніи Иванова, а также Лопухова, которое каждому изъ нихъ приписывается: Иванову — передача Яковлеву прокламаціи „Къ гражданамъ всей Россіи“, переписанной имъ самимъ, и Лопухову—передача кое-кому прокламаціи „Ко всѣмъ воронежскимъ рабочимъ“, полученной имъ неизвѣстно отъ кого изъ Воронежа по почтѣ, какъ то устанавливается найденнымъ при обыскѣ у Городничева въ Воронежѣ письмомъ Лопухова къ Городничеву. Такая передача единственнаго экземпляра прокламаціи и въ одномъ случаѣ даже собственноручно переписаннаго, очевидно, для себя, безъ доказательства того, что такая передача имѣла преступную цѣль пропаганды револю-

ціонной дѣятельности съ цѣлью ниспроверженія существующаго общественнаго строя, не составляетъ никакого преступленія, какъ то и разъяснено уже Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи Уголовнаго Департамента 1905 года за № [1]), а потому подсудимые Ивановъ и Лопуховъ должны быть признаны невиновными и въ этомъ предъявленномъ имъ обвиненіи.

По симъ соображеніямъ Особое Присутствіе Судебной Палаты опредѣляетъ: подсудимыхъ: отставного подпоручика Н. Д. Ростовцева, 58 лѣтъ, мѣщанина Н. Н. Иванова, 38 лѣтъ, жену личнаго почетнаго гражданина А. П. Щепакову, 39 лѣтъ, и мѣщанина А. А. Лопухова, 20 лѣтъ, признать не виновными и на основаніи I п. 771 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства по суду оправданными. Судебныя издержки принять на счетъ казны, а относительно вещественныхъ доказательствъ составить особое опредѣленіе.

Приговоръ этотъ въ окончательной формѣ объявленъ при открытыхъ дверяхъ въ Харьковѣ 11 октября 1905 года.

Нами собраны отчеты почти всѣхъ судебныхъ процессовъ, въ которыхъ обвиняемыми являлись „толстовцы“, но такъ какъ въ огромномъ большинствѣ процессы эти происходили при закрытыхъ дверяхъ, то поэтому мы, къ сожалѣнію, лишены возможности привести здѣсь эти отчеты.

---

[1]) Номеръ рѣшенія не указанъ. *А. П.*

Моск. Сбл. Библіотека